

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Отдел этнографии и искусствоведения

В. А. ДЕРГАЧЕВ

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

(Опыт систематизации)

Ответственный редактор
член-корреспондент АН Туркменской ССР
В. М. Массон

КИШИНЕВ «ШТИЛНДА» 1980

Рецензировали и рекомендовали к изданию
кандидаты исторических наук Ю.Н.Захарук, В.С.Бейлекчи

В монографии обобщаются все известные в настоящее время материалы по позднему Триполью. Использование современных методов исследования позволяет раскрыть конкретно-историческую картину развития позднетрипольского общества на территории Молдавии, Украины и СРР. Анализ показывает, что памятники позднего Триполья представляют восемь локально-хронологических вариантов, которые составляют три относительно самостоятельные культурно-генетические линии развития: Днестровско-Прутскую, Волынскую и Среднеднепровскую. В хронологическом отношении памятники подразделяются на два горизонта, представляющие этапы в развитии Триполья в поздний период. Рассматриваются вопросы этно-социологической и культурно-исторической интерпретации.

Монография рассчитана на специалистов-археологов, историков, этнографов, студентов-историков и всех, кто интересуется древней историей.

In the monograph all the known at present materials concerning Late Tripolia have been summarized. The author shows the concrete historical development of the Late Tripolian society on the territory of Moldavia, the Ukraine and the Roumanian People's Republic. There are eight local and chronological variants of Late Tripolian monuments. They make three comparatively independent cultural and genetic lines of development. Problems of ethnographic and sociological as well as cultural and historical interpretation have also been considered in the work.

The book is addressed to archaeologists, historians, ethnographers, students, and to all those who are interested in ancient history.

Д 10602 - 187
M755(12) - 80 I4.80.0507000000

© Издательство
"Штиинца", 1980

В В Е Д Е Н И Е

Трипольская культура возникла в конце У - начале ІІ тысячелетия до н.э. и просуществовала около двух тысяч лет. Она сформировалась в результате взаимодействия различных этнокультурных групп, среди которых ведущую роль сыграли племена высокоразвитой древнеземледельческой культуры Боян.

Первоначально трипольские племена занимали сравнительно невызначительную территорию бассейна Серета, среднего течения Прута и Днестра. Уже на ранних этапах развития трипольцы начали расселяться на север, восток и юго-восток, в следствие чего географические условия и этническое окружение их оказались неодинаковыми. Эти обстоятельства обусловили разные пути развития населения и по-своему отразились на изменении традиционных форм хозяйства, быте, этническом составе, социальной структуре и исторической судьбе трипольцев. Все эти процессы с большей или меньшей полнотой проявились в материальной культуре.

Некогда относительно единая материальная культура трипольцев со временем распадается на ряд локальных вариантов, чем-то сходных между собой, чем-то различающихся. Особенно многогранной была материальная культура трипольцев на последних этапах ее развития, когда эти племена достигли максимального распространения, а их ареал включал земли от среднего Днепра - на севере до низовьев Дуная и Черного моря - на юге, и от Ингульца - на востоке до Карпат и верховьев Припяти - на западе.

Вариантность материальной культуры трипольцев в позднем периоде была обусловлена продолжавшимся процессом расселения племен, их взаимодействием, с одной стороны, с земледельческими племенами Центральной и Южной Европы, а с другой - со скотоводческими племенами степей Восточной Европы. Вовлеченные в исторические процессы, которые на этапе перехода от неолита к эпохе бронзы активизировались в связи с крупными перемещениями степного населения, трипольские племена постепенно утрачивают специфические черты собственной культуры и к концу III тысячелетия до н.э. исчезают бесследно.

Вопросы источниковедения, как и вопросы этно-культурной, социологической и исторической интерпретации трипольских материалов

нашли широкое освещение в работах Т.С.Пассек, Е.Ю.Кричевского, Е.Ф.Лагодовской, С.Н.Бибикова, Ю.Н.Захарука, Е.К.Черниш, Г.Шмидта, Д.Берчу, В.Думитреску, Р.Вулле. Активно работают над этими вопросами в последние годы Т.Г.Мовша, В.Г.Збенович, В.А.Круц, З.Ф.Патокова, В.И.Маркевич, Н.А.Пелешин, М.Петреску-Димбовица, Д.Марин и др.

Предлагаемая работа посвящена изучению памятников позднего периода Триполья.

Различные аспекты этой проблемы разрабатывались в работах многих из упомянутых исследователей. Однако до настоящего времени среди специалистов существуют взаимоисключающие точки зрения не только по вопросам трактовки тех или иных конкретных групп памятников, но и по вопросу о содержании самого понятия "позднее Триполье". Основной причиной существующих разногласий, как показывает опыт исследований, является недостаточно полная разработанность вопросов систематизации источников. Указанные обстоятельства и предопределили выбор темы, а также ее источникovedческий характер.

Работа представляет первую целенаправленную попытку рассмотреть позднее Триполье с точки зрения составляющих его простых и сложных компонентов и в плане выявления существующей между памятниками генетической, территориальной и хронологической связи. Конечной целью исследования является характеристика структуры позднего Триполья и динамики ее развития.

Все эти вопросы имеют принципиальное значение, так как от их решения зависит полнота и объективность любых возможных социологических и исторических реконструкций.

При подготовке работы автором был учтен опыт предшественников по рассматриваемой проблематике и все известные сейчас памятники позднего периода Триполья (около 350). Коллекции материалов большинства памятников были обработаны самим автором в фондах научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Одессы, Львова и др. Некоторые памятники, оставшиеся недоступными для личного ознакомления, в том числе и памятники Румынии, приводятся по письменным источникам. Кроме известных в работу включен ряд новых памятников, открытых и раскопанных автором.

В методологическом и методическом отношениях при решении поставленных вопросов автор использовал многочисленные разработки и рекомендации советских и зарубежных исследователей по теории археологических исследований, по формально типологическому методу анализа источников. Немаловажную роль при определении проблемы и ее решении сыграли некоторые принципы структурно-системного под-

хода, изложенные в трудах И.В.Блауберга, Э.Г.Идина, работы Э.С.Маркаряна по теории культуры и т.п.

Автор выражает искреннюю признательность В.М.Массону, Ю.Н.Захарку, В.Г.Збеновичу, В.А.Круцу, Э.Ф.Патоковой, Н.М.Шмаглию, Ди-ну Марин и другим ученым, оказавшим помощь и поддержку при подготовке монографии. Особо благодарен автор В.И.Маркевичу, разрешившему использование ряда неопубликованных материалов из раскопок Брынзены, Костешты и Варатик.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Содержание понятия "позднее Триполье"

Понятие "позднее Триполье" было сформулировано еще в 30-е гг. в процессе разработки периодизации трипольских памятников. Термин призван обозначать специфичность материалов определенного таксономического подразделения, выделенного в системе трипольских древностей по хронологическому признаку. Кроме того, он должен отражать особенность культурных, этнических и социальных явлений, имевших место в трипольском обществе на финальных этапах его развития. Отсюда раскрытие содержания этого понятия предполагает двойкую характеристику: археологическую, основанную на эмпирическом обобщении классифицированных и систематизированных вещественных остатков, и историческую, в основе которой лежит интерпретация закономерностей поведения археологических материалов.

В самых общих чертах можно сказать, что в археологическом отношении памятники позднего Триполья характеризуются как утратившие некоторые свойства (признаки), присущие памятникам предшествующего (среднего) периода Триполья. Эта закономерность, прослеживавшаяся во всех категориях археологического материала, воспроизводится как отражавшая процесс постепенного отмирания и исчезновения материальной культуры, а вместе с ней и ееносителя — трипольского общества.

Первая наиболее полная характеристика археологического и исторического аспектов позднего Триполья была дана в работах Т.С.Пасек [1,2] и Е.Ю.Кричевского [3,4]. Впоследствии, по мере накопления новых материалов и разработки источниковедческой базы, содержание понятия "позднее Триполье" дополнялось и конкретизировалось. Но если теоретически содержание этого понятия чаще всего понималось однозначно, то вопрос о конкретном археологическом содержании, иначе говоря, о материалах и памятниках, решался по-разному.

Из известных к 40-м гг. трипольских памятников Е.Ю.Кричевский относил к позднему периоду только комплексы с материалами типа Кирилловских землянок, Городска, Усатово [3], т.е. памятники, составляющие по схеме Т.С.Пасек Городок-Усатовский горизонт. Акцентируя внимание на их своеобразии, отличии от предшествовавших им в времени памятников типа Кукутены 3 и Коломийщина I, Кричевский интерпретировал эти памятники как отражающие процесс постепенного

отмирания Триполья и, следовательно, признавал их генетически связанными с этой культурой.

Т.С.Пассек также считала, что упомянутые памятники органически связаны с Трипольем, но, в отличие от Кривчевского, признавала, что они составляют лишь один из этапов этой культуры, обозначенный ею как У-2, С-2. Кроме них Пассек отнесла к позднему Триполью и памятники типа Кукутень В и Коломийщины I, составляющие, по ее мнению, ранний этап позднего периода, обозначенного ею У-1, С-1 [2].

В начале 50-х гг. с иной точкой зрения выступили Т.Сулимировский [5, с.42], А.Я.Брюсов [6, с.233], В.Думитреску [7, с.533] и др. Эти исследователи считали, что период позднего Триполья представляют только памятники этапа У-1, С-1 (по схеме Т.С.Пассек). Памятники же типа Городска, Софиевки и Усатово рассматривались ими как представляющие самостоятельные культуры, генетически не связанные с Трипольем.

Еще в 40-х гг. эту же точку зрения относительно усатовских памятников высказывала Е.Ф.Лагодовская [8; 9, с.47], но после критики Пассек [2, с.200], она разделила ее мнение [10, с.35].

Исследованиями последующих лет было установлено, что памятники типа Городска, Софиевки, Усатово отделены от памятников типа Кукутень В и Коломийщины I несколькими группами, составляющими промежуточные звенья между первыми и вторыми (памятники типа Лукашев и Чапаевки на Среднем Днепре, Троицова и Колоднянского - на Волыни, Выхвачинец и Иванца - в Полесье и Поднестровье). Часть этих памятников была отнесена к этапу У-1, С-1, другая - к этапу У-2, С-2 (по схеме Пассек).

Т.С.Пассек и ее последователи считали, что все эти вновь выделенные типы составляют различные хронологические подразделения в пределах позднего Триполья [11; 12; 13; 14].

Т.Сулимировский [15, с.62; 16, с.184], В.Думитреску [17, с.51-53] и другие по-прежнему утверждали, что периоду позднего Триполья соответствуют только памятники У-1, С-1, и что в отличие от них софиевские, усатовские и городские памятники представляют самостоятельные и независимые от Триполья культуры (допуская лишь некоторое влияние со стороны Триполья). Самостоятельную точку зрения высказал в начале 70-х г. В.Г.Збенович. Разделяя мнение Т.С.Пассек относительно культурной интерпретации позднейших памятников, он считает, что поздний период в развитии Триполья представлен только памятниками этапа У-2, С-2, включающего Городскую, Усатовскую, Софиевскую и непосредственно предшествующие им во времени Лукашевскую, Троицовскую, Выхвачинскую и группу Костянти Н., Бастешты ГУ, Иванец [18, с.4]. Памятники этапа У-1, С-1, по его

мнению, должны рассматриваться вместе с комплексами среднего Триполья.

Таким образом, разногласия по рассматриваемому вопросу сводятся к двум основным моментам. Во-первых, составляют ли памятники типа Усатово, Городска, Софиевки локально-хронологические подразделения трипольской культуры, или же эти памятники представляют самостоятельные и независимые культуры. Во-вторых, относятся ли к позднему Триполью памятники этапа У-1, С-1 и этапа У-2, С-2, или только этапа У-2, С-2.

Нам представляется, что по первому вопросу бесспорно права была Т.С.Пассек. Сейчас, когда в основном хорошо известны почти все промежуточные звенья между памятниками типа Кукутен В и Коломийчины I, с одной стороны, и позднейшими памятниками типа Городска, Софиевки и Усатово - с другой, никаких сомнений в их генетической преемственности не может быть. Каждая из последующих хронологических групп памятников для той или иной территории (Поднестровья, Среднего Поднепровья, Волыни) органически связана с предшествующей. Это обстоятельство прослеживается практически по всем основным категориям материалов и их признакам (керамике и ее технико-технологическим, морфологическим и стилистическим признакам, жилищам, культовой пластике и т.п.).

Аргументы А.Я.Брюсова, Т.Сулимировского, В.Думитреску и других исследователей, разделяющих их точку зрения, выдвинутые в первой половине 50-х гг., как показали последующие изыскания, отражали лишь неравномерную изученность памятников и в территориальном, и хронологическом отношениях. То, что эта аргументация без особых изменений повторяется в работах последних лет, является недоразумением.

Что касается второго вопроса, мы считаем, что прав В.Г.Зенинович. Как известно, при разработке периодизации трипольских памятников Т.С.Пассек опиралась на данные стратифицированных поселений Извоаре и Кукутены [2]. Поселение Извоаре содержало очень мало позднетрипольских материалов, особенно позднейших [19]. На Кукутенском поселении имелись поздние материалы, но ко времени периодизации верхние слои его оставались недифференцированными [20]. До недавних пор недифференцированными оставались и материалы верхних слоев Дарабанского поселения, известного уже в тот период.

Еще в начале 30-х гг., изучая трипольскую керамику, Т.С.Пассек определила, что для памятников среднего Триполья характерна преимущественно полихромная роспись посуды, а для позднетрипольских - монохромная черная роспись [1]. Это и послужило основным критерием для последующего определения места памятников типа Коломийчины I и Кукутен В в системе позднетрипольских древностей [2].

Между тем черная роспись – это один из немногих и к тому же чрезмерно обобщенных признаков сходства памятников этапов У-1, С-1 и У-2, С-2. По морфологическим, стилистическим признакам керамики, по пластике, жилищам и другим признакам памятники этапа У-1, С-1 отличаются от комплексов этапа У-2, С-2 и проявляют гораздо большее сходство с памятниками этапа В-2, т.е. памятниками среднего Триполья. Именно поэтому, представляя самостоятельный хронологический горизонт, памятники этапа У-1, С-1 должны рассматриваться как одно из подразделений среднего Триполья, а не позднего.

Памятникам среднего Триполья присущи многие черты, характерные и для других локальных и хронологических вариантов периода расцвета культуры и не свойственные памятникам раннего и позднего периодов. Позднее Триполье (этап У-2, С-2) при некотором своеобразии каждого из его локально-хронологических вариантов также характеризуется единым комплексом материалов, который можно назвать общепозднетрипольским горизонтом. Многие компоненты этого горизонта были унаследованы от среднего Триполья (что собственно и отражает культурную преемственность), некоторые возникли на этапе перехода от среднего к позднему Триполью. Окончательно сложившиеся к началу позднего периода материалы этого горизонта впоследствии получили исключительно широкое распространение, составляя вместе с тем отличительную черту памятников позднего периода Триполья в целом.

Таким образом, термин "позднее Триполье", на наш взгляд, следует применять только к памятникам, соответствующим по схеме Т.С.Пассек этапу У-2, С-2.

Три периода в изучении памятников позднего Триполья

Памятники позднего Триполья впервые были выделены в 30-х гг. Т.С.Пассек [1]. Однако их изучение началось еще в конце XIX в. Почти столетний промежуток времени в исследовании этих памятников можно разделить на три периода:

I – с конца XIX в., когда были открыты и раскопаны первые памятники, до конца 40-х гг. XX в., когда был опубликован окончательный вариант основной систематизационной схемы Т.С.Пассек;

II – с конца 40-х гг. до середины 50-х, когда благодаря разработкам коллектива исследователей в схему Т.С.Пассек были внесены существенные изменения;

III – с середины 50-х гг. до середины 70-х, когда были опубликованы обобщающие работы Т.Г.Мовши и В.Г.Збеновича, отражающие современное состояние проблемы систематизации памятников позднего Триполья.

Каждый период, характеризуясь определенной степенью изученности ареала и различными методами анализа источников, завершался публикацией той или иной систематизационной схемы.

Первый период отличается постепенным накапливанием материалов. К концу периода было известно около 50 местонахождений позднетрипольских материалов. Большинство из них представлено курганами Северо-Западного Причерноморья, содержащими единичные погребения: курганы Тираспольщины [21], Усатово I, Усатово 2 [22], Шаболат [23, с.21], Колодистое [24, с.123], Белозерка [25, с.118] и др. Поселения были известны по более или менее значительным раскопкам у сел: Усатово [26, 27] в Причерноморье, Кукутень-Боичень [20], Хородиште [28] в СРР, Бильче-Злоте (пещера) [29] на Верхнем Днестре, Городск [30; 31], Райки, Ягнятине и Колодязное [2] на Волыни, Киево-Кирилловские землянки [32], Лукаши, [33], Евминка [34; 35] на Среднем Днепре.

К середине 40-х гг., когда Т.С.Пассек заканчивала работу по периодизации поселений, по многим из раскопанных памятников имелись лишь фрагментарные сведения. Совершенно неисследованными оставались некоторые районы трипольского ареала, памятники, занимающие промежуточное положение между позднетрипольскими и среднетрипольскими.

Собрав и осмыслив сначала материал, известный к концу 20-х гг., Т.С.Пассек в 1935 г. опубликовала свой первый вариант систематизационной схемы трипольских, в частности позднетрипольских памятников. Благодаря правильному методу исследования (несколько упрощенный корреляционный метод), Т.С.Пассек впервые сформулировала положение о том, что памятники Киево-Кирилловских землянок, Лукаши, Евминка, с одной стороны, и Усатово, Тираспольские и другие курганы Причерноморья – с другой, представляют две различные линии развития Триполья на финальных этапах и в совокупности соответствуют позднему периоду культуры [1].

Окончательный вариант основной систематизационной схемы Т.С.Пассек был опубликован в 1949 г. Согласно этому варианту, все памятники позднего Триполья в территориальном отношении были разделены на две зоны: северную – С и южную – Ю. К первой относятся памятники Среднего Поднепровья и Волыни, ко второй – памятники Попрутья, Поднестровья и Нижнего Побужья.

В хронологическом отношении памятники подразделены на два этапа: ранний – I и поздний – 2. К раннему этапу принадлежат памятники типа Кукутень В и Коломийщины I, к позднему – Евминки, Лукаши, Колодязного, а также Усатово, Городска и др. [2, с.109]. Поздний этап получил название Городск-Усатовского горизонта.

Из-за незначительности материалов Т.С.Пассек не смогла определить, что выделенный ею поздний этап С-2, У-2 включает две разновременные группы. Более того, памятники типа Кукутень В и Коломийчины I, составляющие одно из хронологических подразделений среднего Триполья, ошибочно были отнесены к раннему этапу позднего периода.

Вопрос о генетическом соотношении известных в те годы памятников решался в двух аспектах. Во-первых, все перечисленные памятники признавались генетически связанными с культурой Кукутень-Триполье. Во-вторых, поскольку под территориальным разделением памятников на две зоны подразумевались две разные линии развития культуры, то генетическая связь считалась самостоятельной внутри каждой зоны. Иначе говоря, усатовские памятники рассматривались как генетически связанные с предшествующими им в этой зоне кукутенскими, в то время как Городск, Лукаши и другие памятники Поднепровья и Волыни связывались с предшествующими им на месте коломийчинскими. Это соотношение и отразилось в двухчленности структуры выделенного Т.С.Пассек позднего Триполья как по горизонтали, так и по вертикали [2, с.109].

Как уже отмечалось, к 40-м гг. памятники позднего Триполья оставались еще исключительно слабо изученными и во времени (хронологическая колонка), и в пространстве (ареал). Неправильный учет этого обстоятельства послужил основанием для возникновения противоположного мнению Т.С.Пассек направления в хронологической, генетической, а соответственно и этно-культурной интерпретации памятников типа Усатово, Городска и выделенного вскоре типа Софиевки. Окончательно это направление оформилось только в первой половине 50-х гг.

На протяжении второго периода в изучении памятников позднего Триполья на Пруте велись раскопки у Фолтешт [36] и Стоикан [37]. Исследовались памятники Побужья:Сандраки [38], Печора [39]. Плодотворно завершились первые исследования в Поднестровье [11; 40], где раскопаны поселение Звениччины, Выхватинский могильник [41- 44]. Новые памятники открыты на Волыни [45; 46]. Раскопки проводятся в Нойцеховке [47], Ново-Чарторые [48], Паволоче [49], Костянце [50].

На Среднем Днепре стало известно около полутора десятков памятников. Раскопки проводились на поселениях Сирец I [51], Бортниччи [52] и др. Особенno важными были исследования впервые открытых для этой территории могильников Софиевка [53; 54], Красный хутор [55], Черин [56].

На протяжении второго периода изменения в систематизационной схеме, предложенной ранее Т.С.Пассек, коснулись преимущественно вопроса о территориальном соотношении памятников. Если ранее позднетрипольские памятники рассматривались как представляющие два зональных образования, то к середине 50-х гг. все они были разделены на ряд узколокальных вариантов.

В самостоятельный Киево-Софьевский вариант были выделены памятники Среднего Поднепровья [57 - 59], памятники Волыни выделены в Городско-Волынский вариант [14; 60]. Памятники типа Кошиловцев [58] выделены в Верхнеднестровский вариант, Сандраки, Печора [61] - в Южно-Бугский вариант. Как самостоятельный вариант культуры интерпретированы памятники типа Усатово [10].

Во втором периоде были систематизированы и памятники Румынии, выделенные в группу Хородиште - Фолтешты, которая рассматривалась как составляющая хронологический горизонт. В группу заведомо были включены разнотипные памятники, из которых хородиштские сопоставлялись с городскими, а фолтештские с усатовскими [62; 63].

Одним из последних был выделен Среднеднестровский вариант, к которому отнесены все известные к середине 50-х гг. памятники Среднего Поднестровья [11].

Разработки, продолжавшиеся на протяжении второго периода, были основаны преимущественно на суммарном сопоставлении материалов. По-прежнему оказывалась недостаточность раскопанных памятников. Именно в этот период складывается неверный методический принцип, когда исследователи идут не от выделенных типов к определению их территории, а наоборот. В результате этого некоторые локальные варианты были выделены искусственно.

Позднее Триполье все еще понималось как объединяющее и памятники типа Кукутен В - Коломийцыны I и памятники Городско-Усатовского горизонта. Но, поскольку большинство вновь выделенных типов было отнесено к этапу С-2, У-2, то термин "позднее Триполье" стали применять преимущественно к памятникам финального этапа, т.е. С-2, У-2.

Вопросы генетического и хронологического соотношения выделенных групп рассматривались в работах Т.С.Пассек, Ю.Н.Захарука и

других исследователей, но из-за неизученности промежуточных звеньев между позднетрипольскими и среднетрипольскими, они не могли получить полного освещения. Отмеченные обстоятельства, как и относительно неравномерная исследованность памятников, способствовали окончательному оформлению неправильного направления в трактовке позднейших памятников и понимания содержания понятия "позднее Триполье".

В третьем периоде на Среднем Поднепровье стало известно около 50 памятников (с учетом ранее известных). Особенно следует отметить раскопки на Заваловском [64] и Чапаевском [65] могильниках, на поселениях Чапаевка, Казаровичи и многих других, освещенных в работе В.А.Круца [66].

На Волыни известно около 70 памятников. Значительные раскопки проводились на поселениях Троянов [67], Листвин, Лозы, Голышев, Хорьев и др. [68 - 72]. К сожалению, большая часть материалов еще не опубликована.

В Причерноморье было открыто более 10 поселений и грунтовых могильников, раскопано около 70 курганных насипей. Большинство материалов обобщено в монографии В.Г.Збеновича [73]. Новые раскопки проведены в Стоянках [74], у Фолтешт [75]. Фолтештскими раскопками была доказана несостоятельность выделенного в начале 60-х гг. горизонта Фолтешты II [76]. Важные материалы получены на могильниках Данку I, Данку II [77], Данчены [78] и др.

Интенсивно велись исследования на Верхнем и Среднем Днестре и Пруте, где стало известно около 100 памятников [79; 80]. Следует упомянуть раскопки на поселениях Цвиковцы [81], Іванец [82], Бринзены-Цыганка [83; 84], Гординешты [85], Варваровка 15 [86].

Расширение источниковедческой базы, анализ старых и новых материалов, позволили исследователям пересмотреть и уточнить практически все ранее выделенные локально-хронологические варианты.

Все известные памятники Среднего Поднепровья были разделены на три группы: типа Чапаевки, типа Лукашей и типа Софиевки. Первая группа отнесена к этапу С-1, две другие - к этапу С-2. Эти группы признаны как следующие одна за другой во времени, составляющие вместе с предшествующими им в Поднепровье Коломийцкими памятниками единую генетическую линию развития Триполья от среднего периода до финального этапа культуры [13; 87; 66].

Для Волыни в рамках Городек-Волынского варианта были выделены три разновременные группы памятников: Колодяжное, Троянов - Койцеховка и Городек - Ново-Чартория. Из них первая признана древнейшей, третья - позднейшей [14; 88].

Серьезные изменения произошли в понимании памятников Поднестровья, Попутья и Побужья. Памятники, ранее выделенные Т.С.Пасек в Среднеднестровский вариант, Т.Г.Мовша расчленены на две самостоятельные группы: Северную, представленную памятниками Касперовского типа, по номенклатуре Ю.Н.Захарука [89; 90], и Среднеднестровскую, к которой отнесены лишь памятники Выхватинского типа [91]. Была намечена также типологическая самостоятельность памятников Иванец, Костешты II, Костешты IV, Кубань [89]. Был конкретизирован вопрос о памятниках Усатовского типа, в пределах которого определены более дробные подразделения [73].

Вопрос о генетическом соотношении выделенных групп памятников Приднестровья и прилегающих территорий специально не рассматривался. Однако негласно они признавались как представляющие в отличие от Среднеднепровских иную самостоятельную линию развития Триполья на поздних этапах. Что же касается их хронологического соотношения, то все группы отнесены к этапу У-2 или же к переходу от У-І к У-2. Из них Касперовские признаны позднейшими, несколько древнее Выхватинские, а группа Иванец – Костешты – Кубань – промежуточной между Выхватинскими и комплексами типа Кукутен в [89]. Усатовские памятники Причерноморья были синхронизированы отчасти с выхватинскими, отчасти с касперовскими.

Между тем, далеко не все из предложенных разработок были подкреплены надлежащей аргументацией. Большинство выделенных для Поднестровья и Волыни групп памятников не получили типологического обоснования. Не во всех случаях были определены правильно ареалы типов, их хронологическое соотношение. Особенно слабо освещался генетический аспект соотношения памятников. Все это способствовало самостоительному существованию на протяжении всего периода двух различных точек зрения по вопросу о содержании понятия "позднее Триполье" и интерпретации позднейших групп памятников.

Завершение третьего периода в изучении памятников позднего Триполья наметилось в середине 70-х гг. с выходом работ Т.Г.Мовши [92] и В.Г.Збеновича [18; 93]. В этих работах задачи авторов весьма широки и фактически предполагают обобщение всех основных вопросов систематизации памятников, вопросов, которые на протяжении предшествующих лет рассматривались изолированно по отдельным регионам позднетрипольского ареала.

Оба исследователя в своих работах излагают ряд новых исключительно важных наблюдений как частного, так и общего порядка. Среди последних особо обращает на себя внимание новый подход к определению содержания позднего Триполья. Впервые у В.Г.Збеновича признано, что памятники этапа С-І, У-І представляют подразделение не

позднего, а среднего Триполья, и что под поздним Трипольем следует понимать лишь финальный этап культуры по ранее предложенной Т.С.Пассек схеме [18, с.4, примечание].

Ценными представляются также данные по вопросам синхронизации памятников Поднестровья, Попутья и Лобужья, с одной стороны, с Волынскими, а с другой - со Среднеднепровскими. Правомерна и интерпретация памятников Колодяжнинского и Трояновского облика, которые, бесспорно, не только разновременны, но и разнотипны и пр.

Признавая эти и другие новые положительные моменты в отмеченных работах Т.Г.Мовши и В.Г.Збеновича, следует, однако, сказать, что оба автора ограничились главным образом суммированием ранее предложенных разработок, как собственных, так и иных исследователей. И поскольку на протяжении 60-х гг. многие вопросы систематизации позднетрипольских памятников не получили должного освещения, то и с выходом упомянутых работ они по-прежнему продолжают оставаться открытыми.

Состояние проблемы на современном этапе

Состояние проблемы исследованности памятников позднего Триполья на современном этапе можно охарактеризовать в следующих основных положениях.

Благодаря работам нескольких поколений археологов памятники позднего Триполья в полевом отношении можно считать относительно хорошо изученными. К настоящему времени известно около 350 памятников.

Накопленные материалы позволили исследователям рассмотреть и во многих случаях успешно решить самый широкий круг вопросов от классификации различных категорий материалов до типологизации памятников и выявления закономерностей их соотношения.

Основным достижением трипольеведения в плане разработки источниковедческой базы, очевидно, следует признать то, что, во-первых, позднее Триполье соответствует лишь этапу С-2, У-2 по схеме Т.С.Пассек, во-вторых, что памятники этого периода представляют три относительно самостоятельных территориальных образования, нашедших отражение в материалах, с одной стороны, Среднего Поднестровья, с другой - Волыни и с третьей - Прuto-Днестровско-Бужского междуречия. К сожалению, первое из отмеченных положений до сих пор не обосновано. Что же касается второго, то оно лишь эмпирически выводится из установленного синхронизма разнотерриториальных групп и фактически осталось не понятым до конца.

В пределах каждого из перечисленных территориальных образований намечены или окончательно определены практически все разновидности групп памятников, а также их соотношение. Нам представляется, что оба аспекта к настоящему времени наиболее полно освещены применительно к памятникам Среднего Поднепровья. Как уже отмечалось, для этой территории выделены две позднетрипольские группы – Лукавская и Софиевская, и одна, непосредственно предшествовавшая им во времени, отнесенная к концу среднего периода или к этапу перехода от среднего к позднему Триполью, – Чапаевская. Все три группы обстоятельно аргументированы и охарактеризованы в работах В.А.Круца [94; 95; 66]. Правильным представляется решение вопросов соотношении этих групп, которые рассматриваются как последовательно развивающиеся во времени и восходящие в своей основе к культурным традициям, представленным на чапаевских и еще более древних колодяжинских памятниках. Спорным является лишь вопрос об их синхронизации с волынскими и прUTO-днестровско-бужскими, а также вопрос о происхождении Софиевской группы, который, на наш взгляд, решается односторонне.

Гораздо хуже обстоит дело с исследованностью памятников Волыни. Благодаря работам Н.М.Шмаглия здесь были намечены три разновременные группы, для которых эталонными признаны материалы Колодяжного, Троянова и Городска. Вопрос о разновременности и последовательности этих групп во времени не вызывает сомнений и признается всеми исследователями. Однако Н.М.Шмаглий рассматривает эти памятники как однотипные, различающиеся лишь хронологически [88]. В отличие от него Т.Г.Мовша [89; 92] и В.Г.Збенович [18] рассматривают колодяжинские и трояновские памятники как самостоятельные типы, а городские – как представляющие типологическое подразделение касперовских. Более того, спорными или односторонне освещенными остаются и вопросы о генетическом соотношении этих памятников между собой, и с ипотерриториальными группами.

Наконец, еще более сложной и, пожалуй, наиболее запутанной представляется проблема систематизации памятников Прuto-Днестровско-Бужского междуречий. Для этой территории выделены три группы памятников: Усатово, Выхватинцы, Касперовцы и намечена также четвертая – Жванец – Костешты – Кубань [18; 92]. Выделение этих групп бесспорно является ценным, но определение последней осталось необоснованным. Неправильно даны территориальные параметры памятников Усатовского, Выхватинского и Касперовского типов [96].

Особенно слабо разработано положение о генетическом соотношении рассматриваемых групп. Позитивно решен лишь вопрос о соотношении Выхватинской и Усатовской групп; культурные традиции пар-

вой справедливо признаются как исходные в образовании второй [91, с.31; 73, с.144]. Что же касается генетического соотношения остальных (кроме Усатовской) трех групп (как между собой, так и с памятниками конца среднего Триполья), то большинство положений имеющихся в работах Мовши, имеет гипотетически^х характер и не основано документально.

Источниковедческая база позднего Триполья, довольно значительна, поэтому относительно слабую разработанность многих вопросов систематизации памятников в настоящее время вряд ли можно объяснить недостаточностью материалов. Основной причиной, очевидно, следует признать устаревшие методы исследования. Некоторые вопросы решаются путем суммарного сопоставления отдельных, порой вырванных из общего контекста материалов без их строгой классификации, учета количественных показателей и т.п. (выигрыши отличаются в этом отношении лишь работы последних лет В.Г.Збеновича, В.А.Круца, Е.Ф.Патоковой).

Широко распространенным является установившийся еще в 50-е гг. неверный принцип исследования, когда памятники рассматриваются по отдельным, условно выделенным микрорайонам, что нарушает одно из основных требований типологического метода. Немаловажным фактором является также односторонняя постановка проблемы, сводимая чаще всего лишь к вопросам хронологического и территориального соотнесения памятников и т.п.

В заключение следует остановиться вкратце на датировке памятников позднего Триполья*. Памятники этапа У-2, С-2, по схеме Т.С.Пассек, вплоть до начала 60-х гг. на основании сопоставлений главным образом усатовских металлических изделий с материалами Восточного Средиземноморья и Центральной Европы датировались концом III - началом II тысячелетия (2000-1700 гг. до н.э.) [2, с. 208-210; 10, с.104; 12, с.183].

В начале 60-х гг., учитывая изменения в абсолютной датировке культур неолита Центральной и Юго-Восточной Европы, Т.С.Пассек предложила датировать позднетрипольские памятники второй половиной III тыс. до н.э. [97, таблица]. Эта датировка впоследствии получила подтверждение в исследованиях В.Г.Збеновича и других авторов, и в последние годы с незначительными отклонениями в определении как нижней, так и верхней хронологических границ признается большинством специалистов [18, с.21; 73, с.141; 93, с.43; 92, с.21; 66, с.149; 98, с.179].

* Подробное рассмотрение этого вопроса не входит в задачи нашего исследования и краткая справка приводится лишь для более полной ориентации читателя.

Принятая в настоящее время датировка позднего Триполья основана на типологических сопоставлениях (металлических изделий, керамики и др.) и синхронизации позднетрипольских памятников, с одной стороны, с памятниками майкопской культуры, датированными по малоазийско-месопотамо-иранским параллелям, а с другой - с памятниками культур Чернавода, Коцофенъ, слоями раннего бронзового века в Езере и другими, датированными по эгейско-анатолийским параллелям. Обе линии дают в общем совпадающие даты (от 2600–2500 до 2100–2000 гг. до н.э.), которые принимаются и для позднего периода Триполья.

Самостоятельные данные для датировки позднетрипольских памятников получены при помощи радиоуглеродного метода. К настоящему времени имеются семь дат, полученных по C_{14} для разных памятников в различных лабораториях. Из них четыре получены для поселения в Маяках, одно для Усатово и одно для могильника Данку II.

Маяки	Bln - 629	4400 ± 100	(2450 до н.э.)	[99, с.248]
Маяки	UCLA-I642 B	4375 ± 60	(2425 до н.э.)	[100, с.185]
Маяки	UCLA-I642 C	4375 ± 60	(2425 до н.э.)	[100, с.185]
Маяки	LE-645	4340 ± 65	(2390 до н.э.)	[101, с.256]
Усатово	UCLA-I642 A	4330 ± 60	(2380 до н.э.)	[100, с.185]
Данку II	LE-1054	4600 ± 60	(2650 до н.э.)	[77, с.59]

Все эти памятники находятся в Северо-Западном Причерноморье. Седьмая дата (2840 ± 100 до н.э.) получена в Лос-Анжелесе для поселения Евминка I на Среднем Днепре [66, с.14].

Из результатов лабораторных анализов только даты, полученные для памятников Данку II и Евминка I, несколько занижены, остальные же довольно тесно укладываются в рамки последней трети III тыс. до н.э. и подтверждают даты, полученные традиционными археологическими методами.

Принятая сейчас абсолютная датировка позднего периода Триполья в целом представляется убедительной, но не может рассматриваться как решенная окончательно. Она нуждается в серьезных уточнениях. Необходимость таковых объясняется тем, что далеко не все из установленных синхронизмов достаточно аргументированы, то ли в силу их слабой документированности, то ли из-за поверхностных типологических сопоставлений. Настораживает тенденция к удревнению начала бронзового века Болгарии [102; 103; 104]. Наконец, следует учесть, что все даты, полученные по C_{14} приводятся без надлежащей корректировки, что также предполагает некоторые различия между ними и датами, принятыми сейчас по традиционным сопоставлениям [105; 106, с.168].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей работе проблема систематизации памятников понимается как предполагающая двоякое рассмотрение материалов: во-первых, с точки зрения образованных памятниками компонентов структуры, и во-вторых, с точки зрения существующих между ними взаимосвязей.

В качестве компонентов структуры рассматриваются группы памятников, образующие во взаимосвязи относительно самостоятельные таксономические подразделения. Под взаимосвязью понимаются три основных аспекта соотнесенности археологических памятников: генетический, территориальный и хронологический.

Поскольку всякая археологическая структура берется по отношению к определенному феномену культуры как материализованный результат жизнедеятельности древних людей, то компоненты структуры самостоятельно или во взаимосвязи друг с другом выступают как раскрывающие своеобразные культурные варианты, создателями и носителями которых были конкретно-исторические этно-социальные общности.

Компоненты структуры могут быть простыми, составляющими исходные таксономические подразделения, или сложными, образующими самостоятельные подструктуры, а также однопорядковыми или разнопорядковыми. В первом случае компоненты структуры рассматриваются с точки зрения их состава, во втором – с точки зрения иерархического положения, когда подразделения одного порядка могут выступать составляющими элементами подразделений другого, более высокого порядка.

Компоненты структуры самостоятельно и независимо друг от друга дают представление обо всех подразделениях изучаемой структуры (культуры), различных как по составу, так и по уровню организованности.

По каждому из видов связи памятники также различаются. В генетическом отношении они могут составлять гомогенные группы или генетические линии, а могут быть генетически не связанными. В хронологическом отношении различаются синхронные, составляющие хронологические пласти, и асинхронные, составляющие разновременные горизонты и этапы. В территориальном отношении бывают одно- или

разнотерриториальными. Более того, каждый вид связи обладает и определенной направленностью. Генетическая связь может быть прямой или обратной. В первом случае памятники рассматриваются с точки зрения того, какими они были и во что они превратились, во втором – они рассматриваются в обратной последовательности, т.е. в результате развития какой из групп памятников возникла исследуемая группа. В территориальном отношении памятники могут быть рассмотрены как развивающиеся от определенного центра ареала к его периферии или наоборот, а в хронологическом – как последовательно развивающиеся во времени или ретроспективно.

Каждый вид связи раскрывает различные стороны соотнесенности памятников и образованных ими компонентов: генетическая связь фиксирует принадлежность памятников (или причастность отраженных в их материалах культурных традиций) к тому или иному, но определенному компоненту структуры (или культурному варианту). ТERRITORIАЛЬНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗИ ФИКСИРУЮТ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КАК ОДНОЛЪННЫХ ПАМЯТНИКОВ, ТАК И ОБРАЗОВАННЫХ ИМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ. Рассмотренная же с учетом их направленности генетическая связь дает представление о преемственности в развитии памятников (или культурных традиций), а территориальная и хронологическая – отражают развитие памятников во времени и пространстве.

Единство генетической, территориальной и хронологической связей определяют самостоятельность, целостность как отдельных компонентов (культурных вариантов), так и всей изучаемой структуре. С учетом направленности всех видов связи обнаруживается динамика или тенденция развития археологической структуры (культуры).

При таком понимании проблемы систематизации памятников, ее решение включает кроме выявления исходных структурных подразделений, как это имело место до настоящего времени, еще и определение возможных сложных компонентов структуры. Ее разработка предполагает не только определение хронологического и территориального соотношения памятников, но и их генетической взаимосвязи. Наконец, важным и необходимым является также выявление динамики развития составляющих археологическую структуру компонентов, что собственно и является исходным моментом для определения культурно-исторических и этно-социологических закономерностей развития древних обществ.

В качестве простых компонентов археологической структуры принимаются комплексы памятников, выступающие как исходные таксономические подразделения. В качестве сложных компонентов принимаются мегакомплексы и комплексы мегакомплексов, образующие самостоятельные разноуровневые подразделения или подструктуры.

Комплексами памятников обозначают совокупность поселений, могильников и других возможных археологических объектов, которые с точки зрения их взаимосвязей являются относительно единими в генетическом, территориальном и хронологическом аспектах. Рассмотренные по отношению к феномену культуры разнофункциональные категории материалов (хозяйственно-бытовые, производственные и прочие ансамбли*) поселений и могильников, образующих комплексы памятников, раскрывают своеобразные целостные наиболее дробные культурные варианты, неразрывно заполняющие определенные пространственно-временные локусы. Вариации или разрывы в культурных вариантах возможны (за счет значительной протяженности памятников во времени или пространстве и др.), однако в каждом случае они не должны быть столь значительными, чтобы нарушить целостность наблюдаемого явления. В этно-социологическом плане в носителях локальных вариантов культуры, очевидно, можно усмотреть самостоятельные родоплеменные образования**.

Мегакомплексы памятников по своему составу являются совокупностью простых компонентов единых в генетическом, но различных в хронологическом или территориальном отношениях. Рассмотренные только в генетическом отношении эти компоненты выступают как образующие своеобразные генетические (или культурные) линии. Рассмотренные же в территориально-хронологическом отношении, они могут выступать как относительно одновременные, представляющие различные территориальные варианты, или как территориально совпадающие, представляющие разновременные варианты. Сложные по своему составу

* Термин "ансамбль" для обозначения разнофункциональных категорий археологических материалов позаимствован у Г.С.Лебедева [107, с.57].

** Понятие "комплекс памятников" в нашей работе применяется как более объемное по содержанию, нежели в работах Ю.Н.Захарука и других исследователей. Ю.Н.Захарук, введший это понятие в научный обиход, под "комплексом" или "археологическим комплексом памятников" понимает отдельные поселения и соответствующие им могильники. Иначе говоря, за каждым комплексом памятников он усматривает результат деятельности определенного "поселенческого" коллектива [108, с.41-42]. При таком понимании комплекса памятников выступает как индивидуальный носитель феномена культуры, и в частности культурного варианта, между тем как последний предполагает совокупность индивидуальных носителей.

Учитывая отмеченные изменения в понимании понятия "комплекс памятников", элементы археологической структуры, представленные отдельными поселениями и соответствующими им могильниками (КП или АКП, по Ю.Н.Захаруку), можно было бы обозначить как "микрокомплексы". Но, поскольку применительно к позднему Триполью подобные элементы, за редким исключением, являются неполными (как правило, мы имеем дело только с не связанными между собой поселениями или только с могильниками), то будем избегать применения этого термина.

мегакомплексов памятников раскрывают своеобразные явления, которые можно обозначить как региональные культурные варианты^{*}.

Мегакомплексы памятников, генетически связанные между собой, могут, в свою очередь, образовывать еще более сложные таксономические подразделения – комплексы мегакомплексов, раскрывающие своеобразные зональные культурные варианты, и т.д. В этно-социологическом отношении носителями сложных компонентов археологических структур, по-видимому, были группы родо-племенных образований, единые по происхождению, но различные по степени родства.

На практике взаимосвязь памятников проявляется как сходство (или различие) их материалов, а сами структурные подразделения – как большие или меньшие группы памятников, сходных по основным категориям материалов в пределах образованных ими подразделений, но различных от одного подразделения к другому. Таково проявление памятников, рассмотренных с точки зрения образованных ими однородных подразделений.

Что же касается разноуровневых структурных подразделений, то они проявляются как группы памятников с различной степенью сходства (или различия) их материалов. Чем ниже уровень организованности компонентов, тем выше степень сходства их материалов, и наоборот^{**}. Последнее объясняется тем, что, как уже отмечалось, составляющие элементы простых компонентов едини и в генетическом, и в пространственно-временном отношениях, в то время как составляющие сложные компоненты подразделения едини только в одном (генетическом) или двух (генетическом и территориальном или генетическом и хронологическом).

В процессе формализации материалов исходные структурные подразделения распознаются как группы памятников с устойчивыми сочетаниями признаков, обозначаемые обычно термином "типы памятников". Сложные структурные подразделения распознаются как сочетания типов, которые за неимением лучшего термина можно было бы обозначить как "типы типов памятников" или "типологические ряды" (что обретает несколько иной оттенок).

Все предложенные выше вопросы систематизации памятников решаются в рамках формализованного подхода [110]. Они могут быть разработаны с позиций как индуктивного, так и дедуктивного методов. Однако независимо от избранного метода, их решение должно со-

* Термин "региональный" (или "зональный") культурный вариант не совсем удачен, поскольку прилагательное "региональный" ориентирует на пространственный аспект, между тем оно призвано отразить определенную иерархию содержательного аспекта культурного явления.

** Подобной точки зрения придерживается и В.М.Массон [109, с. 116].

новываться на строго разработанной классификации категорий материалов, положенных в основу исследования. Более того, при решении проблемы необходимо опираться и на определенный уровень упорядоченности самих памятников, ибо при систематизации за единицу отсчета берутся не отдельные памятники, а комплексы или типы.

И при индуктивном, и при дедуктивном методах основная задача состоит в выстраивании типологического ряда (рядов) путем выявления сходства (различия) между разнотипными памятниками. Степень сходства памятников, отражающая различные уровни организованности структурных подразделений, определяется сопоставлением и корреляцией разнотипных групп по основным категориям материалов и их признакам. Значения же степени (или коэффициента) сходства можно вычислить по формуле.

При индуктивном методе, предполагающем решение проблемы от частного к общему, т.е. когда исследование ведется от определения различий к определению сходства памятников, в качестве объекта исследования могут выступать любые (желательно все) категории материалов (керамика, предметы культа и т.п.), отражающие сходство между двумя и более исходными структурными подразделениями. Такой отбор материалов обусловлен тем, что категории материалов (типы и их признаки), которые работают только на исходные подразделения, как правило, характеризуют своеобразие последних, что, собственно, и позволяет идентифицировать, разграничивать одни подразделения от других.

При дедуктивном методе, предполагающем решение проблемы от общего к частному и включающем выявление различий в некоем едином для всех рассматриваемых памятников субстрате, или горизонте материалов, в основу исследования могут быть положены лишь те категории материалов, что работают на сходство между всеми или подавляющим большинством памятников.

В настоящей работе анализ материалов ведется индуктивным методом. Решение проблемы включает два относительно самостоятельных этапа, каждый из которых предполагает изучение нескольких вопросов. Причем вопросы в обоих решаются в строго определенной последовательности.

На первом этапе задача состоит в классификации основных категорий материалов. Таковыми являются: поселения, могильники, керамика, антропоморфная пластика и некоторые разновидности орудий труда и оружия. Такой отбор обусловлен тем, что, как показали исследования, именно эти материалы содержат наиболее полную информацию по интересующим нас вопросам. Для каждой категории материалов по возможности учитываются как их качественные, так и количественные показатели.

Другим важным вопросом, решаемым на этом этапе, является анализ материалов на предмет выделения групп памятников с устойчивыми сочетаниями признаков, ~~иначе говоря,~~ для выделения исходных структурных подразделений (комплексов или типов памятников)

Второй этап исследования включает анализ материалов в плане определения генетического, территориального и хронологического соотношений исходных подразделений, а также образованных ими сложных структурных компонентов.

Конечным результатом исследования является характеристика структуры позднего Триполья и динамики ее развития, опосредованно отражающая определенные этно-социальные и исторические процессы древности.

Переходя к аналитической части исследования, следует оговорить, что автор вынужден ограничиться полным анализом лишь памятников Пруто-Днестровско-Бужского междуречий. Более полно исследование памятники Волыни и Среднего Поднепровья рассматриваются лишь на описательном уровне.

ИСТОЧНИКИ

К настоящему времени территория между Днепром и Карпатами, в ответствующая ареалу распространения культуры позднего Триполья, в общем археологическом плане достаточно хорошо исследована. Вместе с тем одни районы этой территории изучены лучше, другие слабее. Учет различий в степени изученности территории важен как для выявления постаточности материалов, так и для их интерпретации, поэтому решение этого вопроса составляет один из первоочередных моментов нашего исследования.

Степень изученности территории

Степень изученности территории в общем археологическом отношении определена для всего ареала позднего Триполья, включающего, как будет показано ниже, почти всю Правобережную Украину, Молдавию и земли между Прutом и Карпатами (Социалистическая Республика Румыния).

Методически этот вопрос решается путем сопоставления числа известных археологических памятников (от древнейших – палеолитических до позднесредневековых) на единицу площади – микрорайон. В основу микрорайонирования территории Молдавии и областей Украины положено действующее для этих республик административное деление на ноябрь 1977 г.* Для территории Румынии, в силу особенностей подачи исходных данных, более удобным представляется полигонатное микрорайонирование. Каждый из микрорайонов составляет приблизительно около 1000 км².

Степень изученности территории рассматривается отдельно для поселений и грунтовых могильников и отдельно для курганных могильников. Такое разграничение вызвано тем, что культурная принадлежность памятников первых двух видов обнаруживается и при раскопках и при разведках, в то время как культурная идентификация курганных комплексов возможна только в результате раскопок.

* Украинская ССР и Молдавская ССР. Административная карта. М., 1978.

В качестве исходных данных для территории Румынии использована сводная карта [80], отражающая уровень знаний на конец 60-х гг. При исследовании территории Молдавской ССР были взяты данные, изложенные в семи выпусках археологической карты республики [79; III-116], которая отражает уровень знаний на начало 70-х гг. Применительно к территории Украины использованы данные из краткого списка археологических памятников республики [117], из всех сборников серий "Археологические исследования на Украине", "Археологические открытия" и др. Поскольку использованные нами источники по Украинской ССР так или иначе являются неполными, то за исключением немногих районов, по которым имеются точные сведения об общем числе археологических памятников [118-120], данные по большинству районов условно удвоены.

Анализ привлеченных источников относительно поселений и грунтовых могильников позволяет подразделить все выделенные микрорайоны на пять групп*. Графическая передача результатов анализа (рис. 1) наглядно показывает, что к настоящему времени очень хорошо и хорошо исследованными являются прибрежные районы среднего течения Днепра, некоторые районы Побужья, многие районы Поднестровья, Среднего Попутря. Вместе с тем слабо и условно неизученными остается большинство районов Волыни и юга Одесской области, а также междуречье Днестра и Буга, Буга и Днепра.

Что касается исследованности курганов, то выделенные микрорайоны тоже подразделяются на пять групп (рис. 2). Очень хорошо и хорошо исследована эта разновидность памятников лишь в немногих районах на Днепре, Ингульце, Нижнем Днестре и в Днестровско-Дунайском междуречье, в единичных районах на Среднем Пруте, в Подолье и на Волыни. В подавляющем большинстве районов курганы продолжают оставаться очень слабо или вовсе неизученными.

Местонахождения позднетрипольских материалов

В настоящее время в литературе и отчетах различных экспедиций можно найти сведения о местонахождениях (более 400) позднетрипольских материалов. В процессе проверки этих сведений в полевых условиях, в фондах и архивах соответствующих учреждений установлено, что бесспорно позднетрипольскими являются примерно 350 местонахождений. Из них около 70% представлено поселениями, около 20% погребальными комплексами (грунтовыми и курганными могиль-

* Группировка памятников выявлена путем построения графиков на векторном поле с делением шкалы в 15 единиц, обозначающих памятники.

нигами, одиночными курганными насыпями) и около 10% - случайными находками или находками за пределами позднетрипольского ареала.

Ниже приводится полный список известных позднетрипольских местонахождений, в котором учтены материалы до 1976 г. включительно. Порядковые номера памятников соответствуют номерам на карте (рис.3). Перечисление памятников ведется сначала для Прото-Днестровско-Бужского междуречий, затем для Волыни и Среднего Поднепровья. Для каждого памятника указывается автор и год исследования, объем исследований, библиография и место хранения материалов.

Таблица 1

СВОДНЫЙ СПИСОК
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ

№ п/п	Местонахождение па- мятников (село, рай- он, область)	Вид	Исследователи, время иссле- дования	Литерату- ра	Место хра- нения ма- териалов. Примечания
I	2	3	4	5	6

ПАМЯТНИКИ ПОПРУТЬЯ, ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПОБУЖЬЯ*

1	Костенцы, Стороже- нецкий р-н, Черно- вичская обл., УССР	п.	п.м. Б.А. Тимошук, Т.Г. Мовша, 50-е - нач. 60-х гг.	92, с. 5-6	Черновиц- кий музей
2	Товтры, Заставин- ский р-н, Черно- вичская обл., УССР	п.	пм., Б.А. Тимо- шук, 50-е гг.	"	"
3	Валюва, Кипчанс- кий р-н, Черновиц- кая обл., УССР	п.	пм., шир. Т.Г. Мов- ша, нач. 60-х гг.	"	"
4	г. Черновцы, "Цеци- но", УССР	п.	пм., Б.А. Тимо- шук, 50-е гг.	"	"
5	Черленовка, Новосе- лицкий р-н, Черно- вичская обл., УССР	п.	пм., Б.А. Тимошук, 50-е гг.	"	"
6	Котельна IV, Бри- чанский р-н, МССР	п.	пм., В.И. Москва- ленко, В.И. Мар- кевич, В.А. Дер- гачев, 1957, 1962, 1966 гг.	79, № 17	СА АН МССР, школа с. Глинка, Бричанский р-н, МССР

* Сокращения: п. - поселение; г.м. - грунтовый могильник; к.м. - курганный могильник; р.п. - разрушенные погребения; о.к. - отдельные находки в курганах; п.к. - погребения в курганах; о.ин. - отдельные находки на иконокультурных памятниках; пм. - сборы на по-
верхности; шир. - ширфовки; Р. - раскопки.

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
7	Табани, Бричанский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1959 г.	79, № 25	СА АН МССР
8а	Старые Каракушты III, Бричанский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1959 г.	79, № 10	"
8б	Старые Каракушты IV	п.	им., Н.А.Кетрару, 1959 г.	79, № 11	"
9	Баласинешты, Бричанский р-н, МССР	п.	им., М.А.Романовская, 1956 г.	79, № 1	■ Нуждается в уточнении
10	Коржеуцы, Бричанский р-н, МССР	п.	им., В.И.Маркевич, 1970 г.	79, № 16	СА АН МССР
11	Шерерыта, Бричанский р-н, МССР	п.	им., М.А.Романовская, 1956 г.; Р., П.П.Бирня, В.А.Дергачев, 1966 г.	121, с.174	"
12	Тецканы УШ, Бричанский р-н, МССР	п.	им., П.П.Бирня, В.А.Дергачев, 1966 г.	121, с.176	■ Нуждается в уточнении
13	Богданешты IX, Бричанский р-н, МССР	п.	им., В.А.Дергачев, 1966, 1975 г.	121, с.177	СА АН МССР
14	Лопатник УШ, Единецкий р-н, МССР	п.	им., В.А.Дергачев, 1966, 1975 г.	121, с.178	"
15а	Гординешты, Единецкий р-н, МССР	п.	Р., В.А.Дергачев, 1971 г.	85	"
15б	Гординешты I	п.	им., В.А.Дергачев, 1971 г.	85	"
16	Русяни I, Единецкий р-н, МССР	п.	им., П.П.Бирня, 1959 г.	122, с.273	"
17а	Брынзены-Циганка, Единецкий р-н, МССР	п.	Р., В.И.Маркевич, 1970-1974 гг.	83, с.66; 84, с.41	"
17б	Брынзены II	п.	Р., В.И.Маркевич, В.С.Титов, 1973-1974 гг.	123; 124	"
17в	Брынзены VI	п.	им., В.И.Маркевич, В.А.Дергачев, 1970 - 1971 гг.	79, № 44	"
17г	Брынзены IX	п.	им., В.И.Маркевич, 1970 г.	79, № 46	"
17д	Брынзены-Озеро	п.	им., В.И.Маркевич, 1975 г.	-	"

Продолжение таблицы 1

I	2	3	4	5	6
18	Запасной номер				
19	Гередеевка II, Единецкий р-н, МССР	п.	им., П.П.Бирня, В.А.Дергачев, 1966 г.	121, с.180	СА АН МССР
20	Запасной номер				
21а	Корпач II, Единец- кий р-н, МССР	п.	им., П.П.Бирня, В.А.Дергачев, 1966 г.	121 с.179, 180	"
21б	Корпач IV		"	"	"
22	Кетрошика, Единец- кий р-н, МССР	п.	им., В.И.Маркевич, Г.П.Сергеев, 1966- 1969 гг.	125	РИКМ
23	Дручи, Рыжкан- ский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1958 г.	126 с.267	СА АН МССР
24а	Варатик I, Рыж- канский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1958 г.	126 с.267	"
24б	Варатик III (холм)	п.	им., Н.А.Кетрару, 1958 г., В.И.Маркевич, 1974 г.	126 с.267; 127; 128	"
25	Старые Дуруитори II, Рыжканский р-н, МССР	п.	им. Н.А.Кетрару, 1958 г.	126 с.267	"
26а	Костешты II, Рыж- канский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1958 г.	126 с.267	"
26б	Костешты IV	п.	им., Р.В.И.Мар- кевич, 1973- 1974 гг.	126, с.270 127; 128	"
26в	Костешты-курган	ож.	Р., В.А.Дергачев, 1975 г.	Отчет I, с.12	"
27	Кубань, Глодян- ский р-н, МССР	п.	им., Н.А.Кетрару, 1958 г.	129	"
28	Запасные номера				
30	Хородиште, обл. Бо- тюшан, СРР	п.	Р., Х.Думитреску, 1929 г., Л.Марин, 1971 г.	28	"
31а	Кристинашты I, обл. Ботюшан, СРР	п.	им. Н.Захария, 1956-1957 гг.	80, № 229	-
31б	Кристинашты II	п.	"	80, № 229	-
32	Миток, обл. Бо- тюшан, СРР	п.	им., Н.Захария, 1956 г.	80, № 212	-
33	Новые Рипичены, обл. Ботюшан, СРР	п.	им. Н.Захария, 1956 г.	80, № 215	-
34	Штебенешты, обл. Ботюшан, СРР	п.	им. Н.Захария, 1956 г.	80, № 220	-
35	Лэтэй-Кымпень, обл. Ботюшан, СРР	п.	им. Н.Захария, 1956-1957 гг.	80, № 147	-

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
36	Балтены, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1956 г.	80, № 194; 130, с. 439	-
37	Кукутены, обл. Ясс, ССР	п.	Р. Г. Шмидт, 1909-1910 гг.	20	-
38	Хэбэшешты, обл. Ясс, ССР	п.	Р. В. Думитреску, 1949-1950 гг.	7, с. 78	-
39а	Ербичены I, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1956-1957; Д. Марин, 1966-1968 гг.	80, № 34	-
39б	Ербичены II	п.	"	80, № 34	-
40	Бэлцаты, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1957 г.	80, № 4	-
41	Богонос, обл. Ясс, ССР	п.	им. ?	80, № 7	-
42а	Кирничены I, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1958 г.	80, № 199	-
42б	Кирничены II	п.	им. Н. Захария, 1958 г.	80, № 199	-
43	Ларга, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1954 г.	80, № 146	-
44	Вишан, обл. Ясс, ССР	рл.	им. Н. Захария, 1957 г.	80, № 84; 130, с. 441	-
45	Голзешты, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1953 г.	80, № 205	-
46	Холбоака, обл. Ясс, ССР	п.	им. Н. Захария, 1952 г.	80, № 44	Нуждается в уточнении
47	Рышешты, обл. Васлуи, ССР	г.м. Р., ?		131, с. 269	-
48	Фолтешты, обл. Галац, ССР	п.	Р., М. Петреску-Димбовица, 1950 г.; Д. Марин, 1971-1972 гг.	36; 75	-
49	Стойканы, обл. Галац, ССР	п.	Р., М. Петреску-Димбовица, 1946, 1948-1949 гг.; Д. Марин, 1971 г.	37; 74	-
50	Бреэлица, обл. Бреэла, ССР	г.м.	Р., Н. Харцуки и др. 1955-1956 гг.	132, с. 139; 133	-
51	Запасные номера				
55	Данчены, Кутузовский р-н, МССР	г.м.	Р., В.А. Дергачев, 1976 г.	78; Отчет 2	СА АН МССР
56	Данку I, Котовский р-н, МССР	г.м.	Р., В.А. Дергачев, 1968 г.	77	"
57а	Данку II	г.м.	Р., В.А. Дергачев, 1968-1969 гг.	77	"

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
58	Гура-Галбена, Чи- мишльский р-н, МССР	к.м.	Р., В.А.Дергачев, 1968 г.	Отчет 3	СА АН МССР
59	Екатериновка, Чи- мишльский р-н, МССР	к.м.	Р., В.А.Дергачев, 1967 г.	Отчет 4	"
60	Огородное, Болг- радский р-н, Одесская обл., УССР	п.к.	Р., Л.В.Субботин, 1966-1967 гг.	I34, с. I30	Болградс- кий музей
61	Болград, Болград- ский р-н, Одес- ская обл., УССР	п.к.	Р., Л.В.Субботин, 1966-1967 гг.	I35, с. I26	"
62	Суворово I, Из- маильский р-н, Одесская обл., УССР	п.к.	Р., И.Т.Черняков и др., 1970 г.	I36, с. 234; Отчет 5	ОГАМ
63	Утконосовка, Из- маильский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., И.Т.Черняков и др., 1970 г.	I36, с. 234; Отчет 5	"
64	Виноградовка, Ар- цизский р-н, Одес- ская обл., УССР	о.к.	пм., И.Л.Алексе- ева, 1972 г.	-	"
65	Шевченково, Ки- лийский р-н, Одес- ская обл., УССР	п.к.	Р., И.Л.Алексеева, 1975 г.	I37, с. 293	" Отнесено условно
66	Мирное, Килийс- кий р-н, Одес- ская обл., УССР	п.к.	Р., Г.Н.Тощев, 1971 г.	I38, с. 62	ОГАМ
67	Сарата, Сарат- ский р-н, Одес- ская обл., УССР	п.к.	Р., И.Т.Черняков, 1961 г.	I39	"
68	Баштановка, Та- тарбунарский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., Н.М.Шмаглий и др., 1966 г.	I40, с. 78, 81	"
69	Борисовка, Тата- рбунарский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., И.Т.Черняков и др., 1965 г.	I40, с. 63	"
70	Глубокое, Тата- рбунарский р-н, Одес- ская обл., УССР	п.к.	Р., И.Т.Черняков и др., 1965 г.	I40, с. 37, 43	"
71	Нерушай, Килийс- кий р-н, Одес- ская обл., УССР	к.м.	Р., И.Т.Черняков и др., 1964 г.	I40, с. 30	"
72	Приморское, Килий- ский р-н, Одес- ская обл., УССР	к.м.	Р., Г.Ф.Чеботарен- ко, 1976 г.	I41; От- чет 6	"

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
73	Кислицюк, Измайловский р-н, Одесская обл., УССР	ок.	Р., Г.Ф.Чеботаренко, 1976 г.	I41; Отчет 6	ОГАМ
74-	Запасные номера				
75	Бовшив, Галический р-н, Ивано-Франковская обл., УССР	с.н.	Р. В.Д.Баран, 1962 г.	-	ИОН
76	Кошиловцы-Товдры, Залещинский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	им., В.П.Кравец, 1953	I42, с. I35	"
77	Касперович, Залещинский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	Р. Ю.Полянский, 1928 г.	90, с. I83	?
78	Звениччин, Заставянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	Р. Ю.Н.Захарук, 1954-1955 г.	90, с. I83	ИОН
79	Редужинцы, Заставянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	им. Т.С.Пассек, 1951 г.	II, № 38	СА АН МССР
80	Митков, Заставянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	им., Б.А.Тимошук, Пассек Т.С. 1951-1952 гг.	II, с. I9	Черновицкий музей
81	Перебикович, Заставянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	-	90	?
82	Бильче Золоте, Ур. "Вертеба", Борщевский р-н, Тернопольская обл., УССР	пещера	Р. Киркор, 1876-1878 гг.; Осовский, 1890-1892 гг.; Деметрикевич, 1898-1904, 1907 гг.	29	?
83	Гусятины, Гусятинский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	им., П.И.Борисковский, 1948 г.; Т.Г.Мовша, 1960 г.	I43, с. II8; I20; Отчет 7	?
84	Малые Бирмены (Малое Залесье), Дунаевецкий р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	им., М.Я.Рудинский, 1928 г.; Т.Г.Мовша, 1960 г.	89, с. 40	КИМ
85	Дараабашчи (Хотинский р-н, Черновицкая обл., УССР)	п.	им. Ч.Амброжевич и др., 20-е гг.	I44, с. 36; I45, с. 44	РИКМ, МАЗ,
86	Горбаковка (Коростенский р-н, Житомирская обл., УССР)	п.	шр., Т.С.Пассек, 1948 г.; Е.Р.Зефферин, 1970, 1972 г.	I46, с. 369 Отчет 8	ИА АН УССР

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
90а	Каменец "Шовб", Ка- менец-Подольский р-н, Хмель- ницкая обл., УССР	п.	Р. Т.Г. Мовша, 1961- 1962, 1967-1969 1974 гг.	I47; 82; I48; 149; I50; I51	КИМ
90б	Каменец "Лысая гора"	п.	Р. Т.Г. Мовша, 1961- 1962, 1967-1969, 1974 гг.	I47; 82; I48; 149; I50; I51	"
91	Сокол, Каменец- Подольский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм. Т.С. Пассек, 1949 г.; В.Г. Збено- вич, 1969 г.	Отчет 9, пункт 130	ИА АН УССР
92	Цвиковцы, Каме- нец-Подольский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	Р. Т.Г. Мовша, 1960- 1962 гг.	81; I52; I53; I54	КИМ
93	Бабшиц, Каменец- Подольский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	шр. В.Г. Збенович, 1969 г.	I46, с. 369	ИА АН УССР
94	Патриница "Цыпки" Каменец-Подоль- ский р-н, Хмель- ницкая обл., УССР	п.	пм. М.Я. Рудинский, 1928 г.; Т.Г. Мовша, 1960 г.	89, с. 35	КИМ
95	Китай-Город, Ка- менец-Подольсь- кий р-н, Хмель- ницкая обл., УССР	п.	Р. М.Я. Рудинский, 1927-1928 гг.	2, с. II8- II9	"
96	Запасные номера				
97					
98	Студеница, Ка- менец-Подольский р-н, Хмельни- цкая обл., УССР	п.	пм. В.Г. Збенович, 1968 г.	I55, с. I06; Отчет I0	ИА АН УССР
99	Отроков, Ново- ушицкий р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм. М.Я. Рудинский, 1928 г.; Т.Г. Мовша, 1960 г.	89, с. 35	КИМ
100	Старая Ушица, Каменец-Подоль- ский р-н, Хмель- ницкая обл., УССР	п.	пм. В.Г. Збенович, 1968 г.	Отчет I0, пункт I	ИА АН УССР
101	Лоивцы, Новоу- шицкий р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм. В.Г. Збенович, 1968 г.	I55, с. I06; Отчет I0, пункт 44	"
102	Поливанов Яр, с. Молодове, Кель- менецкий р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	Р. Т.С. Пассек, 1949-1951 гг.	I2, с. I25; I41	Эрмитаж
103	Запасной номер				

Продолжение таблицы I

I	2	33	4	5	6
I04	Ломачинцы "Плита", Сокирянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	пм. Т.С.Пассек, 1949 г.	II, с.19; 12, с.142; Отчет II, с.II	СА АН МССР
I05	Ожево, Сокирянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	пм. Т.С.Пассек 1949-1951 гг.	II; Отчет II, с.10	"
I06a	Волошкове "Дожелубка" Сокирянский р-н, Черновицкая обл., УССР	п.	пм., В.Г.Збено-вич и др., 1969-1970 гг.	I46, с.370	ИА АН УССР
I06b	Волошкове "Горбы"	п.	"	Отчет 8, с.14	"
I07	Наславчча, Окницкий р-н, МССР	п.	пм. Т.С.Пассек, 1950-1951 гг.	-	СА АН МССР Нуждается в уточнении
I08a	Мерешовка "Четацце" Окницкий р-н, МССР	п.	шр. Т.С.Пассек, 1949-1952 гг.; В.А.Дергачев, 1975 г.	II, с.21; 12, с.143	СА АН МССР
I08b	Мерешовка	п.	"	"	"
I09	Волчинец, Окницкий р-н, МССР	п.	Р., Т.С.Пассек, 1951 г.	I56, с.58; II, с.22	"
II10	Каларамовка, Окницкий р-н, МССР	п.	пм., В.И.Марке-вич, 1968 г.	86, с.63	" Нуждается в уточнении
III	Березовские хутора, Могилев-Подольский р-н, Винницкая обл., УССР	п.	пм., В.Г.Збено-вич и др., 1968 г.	Отчет 10, пункт 39	ИА АН УССР
II2a	Могилев-Подольская ГЭС, Могилев-Подольский р-н, Винницкая обл., УССР	п.	пм., В.Г.Збено-вич и др., 1968-1970 гг.	Отчет 10, пункт 10	"
II2b	Могилев-Подольская ГЭС	п.	"	Отчет 10, пункт 12	"
II13	Бернашовка, Могилев-Подольский р-н, Винницкая обл., УССР	п.	пм., Р., В.Г.Збе-нович и др., 1968-1970 гг.	Отчет 8	"
II14	Кременчуг I, Сорокский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Марке-вич., 1967 г.	79, № 160	СА АН МССР
II15	Стина (церковь), Томашпольский р-н, Винницкая обл., УССР	п.	Р., М.А.Макаре-вич, 1969 г.	92; От-чет I2, с.5.	?

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
II6	Косоуцы П., Сорокский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, В.А.Дергачев, 1968. 1975 гг.	79, № 159	СА АН МССР
II7	С-з им. Мичурина И. с. Трифауцы, Со- рокский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1957 г.; шр., В.А.Дергачев, 1975 г.	79, № 167	"
II8	Застынка П., Сорокский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1970 г.	79, № 155	" Нуждается в уточне- нии
II9	Трифауцы III, Со- рокский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1955, 1964 г.; В.А.Дергачев, 1975 г.	79, № 176	СА АН МССР
120	Слободзея-Воронко- во, Сорокский р-н, МССР	п.	пм., М.А.Романов- ская, 1956 г.	79, № 176	"
121	Вертюжаны II, Ка- менеский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1958 г.	79, № 241	"
122	Шабка I, Каменес- кий р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1957 г.	79, № 242	" Нуждается в уточне- нии
123	Бурсуки, Каменес- кий р-н, МССР	п.	пм. Т.С.Пассек, 1948-1952 гг.	II, с.22	СА АН МССР
124	Сокол, Каменес- кий р-н, МССР	п.	пм. Т.С.Пассек, 1952 г.	II, с.23	"
125	Валя Алыкэ, Ка- менеский р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дерга- чев, 1972 г.	II, с.23	"
126	Подойма, Каменес- кий р-н, МССР	п.	пм., Т.С.Пассек, 1950-1954 гг.	II, с.22	"
127	Рашков, Каменес- кий р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дергачев, 1972 г.	II, с.22	"
128	Катериновка, Ка- менеский р-н, МССР	п.	пм. Т.С.Пассек, 1950-1952 гг.	II, с.22	"
129а	Солончены II, Рези- нский р-н, МССР	п.	пм., Т.С.Пассек, Т.Г.Мовша, 1952 г. 1953, 1955-1956, 1959 гг.	157, с.98. Отчет 13. с.14	КИМ
129б	Солончены (цер- ковь)	п.	пм., Т.С.Пассек, В.А.Дергачев, 1947, 1975 г.	158, с.64	СА АН МССР
130	Шолданешты (ТФЗ), Резинский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, Т.С.Пассек, 1952- 1954 гг.; В.А.Дер- гачев, 1975 г.	40, пункт 19; II, с.24	"
131а	Олищканы, Резин- ский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1952-1954 гг.; В.А.Дергачев, 1975 г.	40, пункт 22	"

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
I316	Олишкани П	п.	пм., В.И.Маркевич, 1952-1954 гг.; В.А.Дергачев, 1975 г.	40, пункт 23	СА АН МССР
I32-					
I35	Запасные номера	?	пм. 1964- 1969 гг. ?	-	Бельцкий музей
I36	Александрины, Лазовский р-н, МССР	п.	пм. В.Бикбаев, 1970-1975 гг.	-	"
I37	Драганешты, Лазовский р-н, МССР	п.	пм. В.Бикбаев, 1970-1975 гг.	-	"
I38	Пелены, Лазовский р-н, МССР	п.	пм. В.Бикбаев, 1970-1975 гг.	-	"
I38	Бурсучени, Лазовский р-н, МССР	п.к.	р., Е.В.Яровой, 1977 г.	Отчет 15	СА АН МССР
I40	Мындрешты, Теленештский р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дергачев, 1970 г.	-	"
I41	Степь-Соч, Оргеевский р-н, МССР	п.	пм., В.И.Маркевич, 1972 г.	79, № 300	"
I42	Мана, Оргеевский р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дергачев, 1974 г.	-	"
I43	Фурчены, Оргеевский р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дергачев, 1977 г.	-	"
I44	Бранешты, Оргеевский р-н, МССР	п.	шр., В.А.Дергачев, 1972, 1974 гг.	96, с.47	"
I45	Гидириим, Рыбница-кий р-н, МССР	п.	шр., Т.С.Пассек, 1952 г.	II, с.23	"
I46a	Выхватинцы, Рыбница-кий р-н, МССР	г.м.	р., М.В.Воеводский, 1947 г.; И.Г.Розенфельдт, 1951 г.; Т.С.Пас- сек, 1952, 1955, 1959 гг.	41; 42; 43; 44; 12, с.96	Эрмитаж, СА АН МССР, РИКМ
I46b	Выхватинцы "Вер-митка"	п.	пм., Т.С.Пассек, 1955 г.; В.А.Дергачев, 1972 г.	44, с.85	Нуждает- ся в уточ- нении
I46b	Выхватинцы II	п.	пм., В.А.Дерга- чев, 1972 г.	96, с.47	СА АН МССР
I47a	Голерканы, Дубосса-рский р-н, МССР	г.м.	р., Т.С.Пассек, 1954 г.	159, с.25	"
I47b	Голерканы II	р.п.	пм., В.И.Марке- вич, 1952 г.	79, № 305	РИКМ
I48	Машкауцы, Криулянский р-н, МССР	п.	пм., П.П.Бирня, 1959 г.	96, с.73	СА АН МССР
I49	Галошица, Криулянский р-н, МССР	п.	пм., В.А.Дерга- чев, 1975 г.	-	"
I50-					
I56	Запасные номера				

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
157	Буторы, Григорио-польский р-н, МССР	п.к.	Р., А.И.Мелюкова, 1973 г.	I60, с.77; I61, с.24	ИА АН СССР
158	Красногорка, Гри-гориопольский р-н, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1898 г.	2I, с.258; I62; I63	Херсонский музей
159	Хут.Плоское (с.Ени-чок-?), Григорио-польский р-н, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1898 г.	2I, с.258; I62; I63	"
160	Парканы, г.Тирас-поль, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1897 г.	2I, с.255; I62; I63	"
161	Терновка, г.Тирас-поль, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1896, 1898 гг.	I62; 2I, с.254; I63	"
162	г.Тирасполь, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1896 г.	2I, с.252; I62; I63	"
163	Суклея, Слободзей-ский р-н, МССР	к.м.	Р., Степанковские, 1896 г.	2I, с.252; I62; I63	"
164	Тура Быкулуй, Ново-аиненский р-н, МССР	п.к.	Р., В.А.Дергачев, 1974 г.	Отчет I6	СА АН МССР Отнесено условно
165	Каушаны, Каушан-ский р-н, МССР	о.к.	пм., В.А.Дергачев, 1969 г.	-	СА АН МССР
166	Слободзая, Сло-бодзейский р-н, МССР	п.	пм., А.И.Мелюкова, 1958 г.	Отчет I7, пункт 9	"
167	Граденичи, Беляев-ский р-н, Одес-ская обл., УССР	п.	пм., А.И.Мелюкова, 1961 г.	73, с. I66	?
168a	Раскайцы, Суворов-ский р-н, МССР	п.	пм., А.И.Мелюкова, 1959 г.	Отчет I8, пункт 33	СА АН МССР
168b	Раскайцы	р.п.	пм., А.А.Ширяев, 40-е гг.; А.И.Мелюкова, 1953 г.	44, с.86	ОГАМ
169	Оланешты, Суворов-ский р-н, МССР	р.п.	Довоенные сборы	I64, с.65	Белгород-Днестровский музей
170a	Тудорово, Суворов-ский р-н, МССР	к.м.	Р., А.И.Мелюкова, 1958 г.	I65	ГИМ
170b	Тудорово	р.п.	пм., А.А.Ширяев, А.И.Мелюкова, 1958 г.	73, с. I69; 2I, с.262	Измаильский музей, Эрмитаж
171a	Паланка, Суворов-ский р-н, МССР	п.	пм., А.И.Мелюкова, 1958 г.	Отчет I7, пункт I6; 73, с.167	СА АН МССР
171b	Паланка	р.п.	пм., А.И.Мелюко-ва, 1958 г.	73, с.167	Эрмитаж
172	Семеновка, Белго-род-Днестровский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., Л.В.Субботин и др., 1975-1976 гг.	I66, с.394; I67, с.375; Отчеты I9; 20	ОГАМ

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
I73	Шаболат, Белгород-Днестровский р-н, Одесская обл., УССР	п.к.	Р., Д.Я. Самоквасов, 1906 г.	23, с.2I	?
I74	Ясски, Беляевский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., И.Л. Алексеева, 1976 г.	I68, с.258; Отчет 2I	ОГАМ
I75а	Маяки, Беляевский р-н, Одесская обл., УССР	п.	Р., В.Г. Збено-вич, 1964-1965, 1970 гг.	73, с.22	ИА АН УССР
I75б	Маяки	к.м.	Р., Э.Ф. Патокова, и др., 1975 г.	I69; Отчет 22	ОГАМ
I75в	Маяки	г.м.	Р., Э.Ф. Патокова, и др., 1975 г.	I69; Отчет 22	"
I76	Николаевка, Овидиопольский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., И.Л. Алексеева, 1969 г.	I70, с.225	"
I77	Ефимовка, Овидиопольский р-н, Одесская обл., УССР	п.к.	Р., И.Л. Алексеева, 1969 г.	I70, с.225	"
I78	Каролина-Бугаз, Овидиопольский р-н, Одесская обл., УССР	к.м.	Р., И.Т. Черняков, 1973 г.	I7I, с.275	"
I79	Запасной номер				
I80а	Усатово-Большой Куяльник, Беляевский р-н, Одесская обл., УССР	п.	Р., М.Ф. Болтенко; Е.Ф. Лагодовская, 1921, 1926, 1928-1929, 1932-1933, 1940, 1946, 1948 гг.	26; 27; I72; 9; I73; I74; I75	"
I80б	Усатово-Большой Куяльник	к.м.	Р. М.Ф. Болтенко, Е.Ф. Лагодовская, В.Г. Збенович, Э.Ф. Патокова, 1926, 1928-1929, 1934-1940, 1960-1962 гг.	2; 22; 73; I76; I77; I78; I79; I80; I8I	"
I80в	Усатово-Большой Куяльник	к.м.	Р., Е.Ф. Лагодовская, 1936 г.	22; 73; I8I	"
I80г	Усатово-Большой Куяльник	г.м.	Р., Е.Ф. Лагодовская, 1936 г.	22; 73; I8I	"
I80д	Усатово-Большой Куяльник	г.м.	Р., В.Г. Збенович, Э.Ф. Патокова, 1962, 1964, 1969, 1971, 1973 гг.	I82; 73; I8I; I83; I84; I85	"
I8I	Ильинка, Беляевский р-н, Одесская обл., УССР	о.к.	Р., К.Бернякович, 1946 г.	I86, с.148; I87, с.142	?

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
I82	Слободка-Романовка, г. Одесса, УССР	о.к.	Р., А.В.Любровольский, 1912 г.	I87, с.142	ОГАМ
I83	Запасные номера				
I85					
I86	Сандраки, ур. Погурок Хмельницкий р-н, Винницкая обл., УССР	п.	шр., Д.Т.Березовец, 1947 г.; Р., Е.Ф.Лагодовская, 1949-1950 гг.	38; 61; I88, с.208	ИА АН УССР
I87	Печора, Тульчинский р-н, Винницкая обл., УССР	п.	пм. В.Д.Петрунь, 1937 г.; Р., М.И.Артамонов, 1947-1948 гг.	39	Эрмитаж
I88	Колодистое, Тальянинский р-н, Черкасская обл., УССР	п.к.	Р., В.Н.Доманицкий, 1902 г.	24; I89; I90	?
I89	Владимировка, Ольшанский р-н, Кировоградская обл., УССР	п.к.	Р., А.П.Савчук, 1961 г.	73, с.155	?
I90	Ермолаевка, Первомайский р-н, Николаевская обл., УССР	п.к.	Р., И.И.Светенко, 1955 г.	I91	Эрмитаж
I91	Ольшанка, Новоархангельский р-н, Кировоградская обл., УССР	о.к.	Р., 1904 г.	I92; I93, с.68	КИМ
I92	Серезлиевка, Новоархангельский р-н, Кировоградская обл., УССР	п.к.	Р., 1904 г.	I92, с.9; I93	"
I93	Грушевка, Первомайский р-н, Николаевская обл., УССР	п.	пм. Т.Г.Сискова, 1941 г.; шр., В.Г.Зенович, 1972 г.	I94, с.184; 73, с.152; I95, с.354	Отнесено условно
I94	Ур. Кременчук, хут. Бугский, Арбузинский р-н, Николаевская обл., УССР	п?	пм., Ф.А.Козубовский, 1932 г.	I0, с.106	КИМ
I95	Ур. Гард, с. Богдановка, Доманевский р-н, Николаевская обл., УССР	п.	пм., Ф.А.Козубовский, 1931 г.	I96, с.60	"
I96	Кривой Рог, Днепропетровская обл., УССР	о.к.	Р., П.И.Сочинский, до революции	I0, с.106	Днепропетровский музей
I97	Широкое, Широчанская р-н, Днепропетровская обл., УССР	о.к.	Р., А.П.Крылова, 1964-1966 г.	I97, с.18	"

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
198	Снегиревка, Снегиревский р-н, Николаевская обл., УССР	п.м.	А.В.Добровольский, 1922 г.	10, с.107	Днепропетровский музей
199	Баратовка, Снегиревский р-н, Николаевская обл., УССР	о.к.	Р., В.Г.Петренко, 1968 г.	198, с.63	"
200	Белозерка, Белозерский р-н, Херсонская обл., УССР	о.к.	Р., Г.Л.Скадовский, 1887 г.	25, с.118	Херсонский музей
201	Киботиловка, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл., УССР	и.к.	Р., Т.Т.Тесли, 1934 г.	10, с.104	Днепропетровский музей
202	Михайловка, Новошоронцовский р-н, Херсонская обл., УССР	о.ин.	Р., Е.Ф.Лагодовская и др., 1952-1955 гг.	199, с.96	ИА АН УССР
203	Любимовка, Каховский р-н, Херсонская обл., УССР	о.к.	Р., А.М.Лесков, 1968 г.	200, рис. 5	"
204	Новоалексеевка, Скадовский р-н, Херсонская обл., УССР	о.к.	Р., В.Г.Зенович, 1972 г.	198, с.61	"
205	Рисовое, Красноперекопский р-н, Крымская обл., УССР	о.ин.	Р., А.А.Шешинский, 1963 г.	201, с.131	Симферопольский музей
206	Заозерное, Евпатория, Крымская обл., УССР	о.ин.	Р., В.А.Калмыкова, и др., 1974 г.	202, с.283	Евпаторийский музей
207	Большая Андрусовка, Светловодский р-н, Кировоградская обл., УССР	и.?	п.м., Е.В.Максимов и др., 50-е гг.	203, с.22	"
208	Соколово, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл., УССР	и.к.	Р., И.Ф.Ковалева, 1976-1977 гг.	204, с.46-48	Днепропетровский музей
209	Подгорное, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл., УССР	п.к.	Р., И.Ф.Ковалева, 1976-1977 гг.	204, с.48	"

ПАМЯТНИКИ ВОЛЫНИ

210	Лежничи, Владимир-Водицкий р-н, Волынская обл., УССР	о.ин.	Р., Н.А.Целечин, 1962 г.	205, с.155	ИОН
-----	--	-------	--------------------------	------------	-----

Продолжение таблицы I

1	2	3	4.	5	6
211	Зимно, Владимир-Волынский р-н, Волынская обл., УССР	оин.	Р., Ю.Н.Захарук, 1959 г.	2, 5, с.54	ИОН
212	Завишня, Сокольский р-н, Львовская обл., УССР	о.к.	Р., В.Антонович; 20-е гг.	207	
213	Голышев, Луцкий р-н, Волынская обл., УССР	п.	Р., Н.А.Пелешин, 1972-1973 гг.	71; 208; Отчеты 23; 24	Львовский университет
214	Добровиды, Красноармейский р-н, Ровенская обл., УССР	о.н.	пм., И.К.Свешников, 1971 г.	-	ИОН
215	Жорнов, Дубновский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	пм., Ю.Н.Захарук, 1952 г.	206, с.59; Отчет 25	"
216	Мирогоща, Дубновский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	пм., И.К.Свешников, Ю.Н.Захарук 1950-1952 гг.	209, с.13	"
217	Костянцы, Дубновский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	Р., И.К.Свешников, 1947 г.; Н.А.Пелешин, 1967 г.	50, с.131; 70, с.199; Отчет 26	"
218	Листвин, Дубновский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	шр., Ю.Н.Захарук, 1952 г.; Р., Н.А.Пелешин, 1970-1971, 1975 гг.	68; 210; 211; От- четы 25; 27; 28	"
219	Гоща, Гощанский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	Р., Ю.В.Кухаренко, 1955 г.	212, с.84	КИМ
220	Могильны, Острожский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	пм., С.С.Березанская, 1958 г.; Н.А.Пелешин, 1959 г.	213, с.140; Отчет 29	ИА АН УССР. Нуждается в уточнении
221	Хорьев, Острожский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	Р., Н.А.Пелешин, 1974, 1976 гг.	214; От- четы 30; 31	Львовский университет
22a	Курганы "Дубове", Острожский р-н, Ровенская обл., УССР	п.	пм., С.С.Березанская, 1958 г.	Отчет 29	ИА АН УССР
22b	Курганы "Орж-роща"	п.	"	Отчет 29	"
223	Крупец, Славутский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	?	14, № 2	Нуждается в уточнении
224	Шельков, Изяславский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм., В.И.Канивец, 1959 г.	-	ИА АН УССР

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
225	Клубивка, Изяславский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм., В.И.Канивец, 1952 г.	-	ИА АН УССР
226	Билив, Изяславский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	?	I4, № I	нуждается в уточнении
227	Ольшаница, Белогорский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	пм., 1959 г.	-	ИА АН УССР
228	Волковцы, Збаражский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	пм., 1959 г.	-	"
229	Нижние Волковцы, Збаражский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	пм., 1959 г.	-	"
230	Бодаки, Збаражский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	пм., 1939 г.	2, с. I76	нуждается в уточнении
231а	Лозы "Городище" Збаражский р-н, Тернопольская обл., УССР	п.	пм., В.И.Канивец, 1952; 1959 гг.; Р. Пелештиян Н.А. 1969 г.	69; 72	ИОН, Львовский университет
231б	Лозы "Зимно"	п.	пм., В.И.Канивец, 1952 г.	69; 72	ИА АН УССР
232	Запасные номера				
235					
236	Малая Цвиля, Полонский р-н, Хмельницкая обл., УССР	п.	?	I4, № I3	нуждается в уточнении
237	Костижинцы, Дзэржинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	?	I4, № I2	ИА АН УССР
238	Тиранивка, Дзэржинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	?	I4, № 8	"
239	Деревичи, Любарский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Бердичевский музей; шр., Н.М.Шмаглий и др., 1956 г.	Отчет 32	"
240	Лемковцы, Любарский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 6	нуждается в уточнении
241	Проваливка, Любарский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 5	"
242	Самчики, Староконстантиновский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 4	"

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
243	Губино, Староконстантиновский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 3	ИА АН МССР
244	Старый Мирополь, Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм. Ю.Н. Захарук, 1949 г.	I4, № II	"
245	Новый Мирополь, Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р. Ю.В. Кухаренко, 1954 г.	212, с. 87	КИМ
246	Паволочка, Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм. С.С. Гамченко, 1927 г.	Отчет 32	ИА АН УССР
247	Колодяжное "Ивасева гора", Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., М.О. Макаревич и др., 1956 г.	Отчет 32	"
248	Войцеховка (Колосовка), Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р., С.С. Гамченко, 1924-1926 г.; Е.Ф. Лагодовская, 1949 г.	47	"
249	Любомирка, Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм. Ю.Н. Захарук, 1949 г.	Отчет 33	"
250a	Ново-Чартория, "Горбовица", Любартский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., В.К. Гончар; Р. Ю.Н. Захарук, 1948-1949 гг.; Н.М. Шмаглий, 1956 г.	48; Отчеты 32; 33	"
250b	Ново-Чартория, "Ставки"	п.	пм. Ю.Н. Захарук, 1949 г.	48	Нуждается в уточнении
251	Приветов, Любартский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Н.М. Шмаглий и др., 1959 г.	I4, № 16; Отчет 32	ИА АН УССР
252	Гордиевка, Любартский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	?	I4, № 17; Отчет 32	"
253	Заласные номера				
256					
257	Ясноград, Дзержинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм. Н.М. Шмаглий, 1956 г.	I4, № 21	"
258	Сушки, Коростенский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 18	Нуждается в уточнении
259	Могильно, Коростенский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	-	I4, № 19	"

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
260	Ур.Моства, с.Каленъское, Коростеньский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р., Коростеньский музей, 1930 г.; И.Ф.Левицкий, 1948 г.	215	Коростельский музей
261	Ковали, Володар-Волынский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Н.М.Шмаглий	I4, № 31	Нуждается в уточнении
262	Раковичи, Родомышленский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Н.М.Шмаглий	I4, № 38	Нуждается в уточнении
263а	Городок П, "Червона гора", Коростышевский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р., В.П.Петров, 1936 г.; Е.Ю.Кричевский, 1937 г.	30; 31	КИМ ИА АН УССР
263б	Городок Ш	п.	шр., 1946 г.	216, с. 126 30, с. 339	ИА АН УССР
264	Зорокив, Черниговский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм. Н.М.Шмаглий, 1956 г.	I4, № 29	Нуждается в уточнении
265	Рудня-Городище, Житомирский р-н, и обл., УССР	п.	пм., Г.Г.Богун, 1954 г.	Отчет 34, пункт 13	ИА АН УССР
266	г.Житомир, "Соколова гора", Житомирский р-н и обл. УССР	п.	пм., Н.М.Шмаглий, 1956 г.	I4, № 22; Отчет 32	"
267	Писки, Житомирский р-н и обл., УССР	п.	пм. Р.И.Выезжев, 1949 г.	46, с. 166	"
268	Троянов, Житомирский р-н и обл., УССР	п.	пм. Р.И.Выезжев, 1949 г.; Р., Н.М.Шмаглий и др., 1956-1958 гг.	45, с. 199; I4; 60; 67; 217	"
269а	Слободище, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Р.И.Выезжев, 1947 г.	45, с. 198	"
269б	Слободище, "Заречье"	п.	пм., Г.Г.Богун, 1955 г.	Отчет 34, пункт 132	"
269в	Слободище, "Дурчина гора"	п.	пм. Г.Г.Богун, 1955 г.	Отчет 34, пункт 125	"
269г	Слободище, "Кладбище"	п.	пм. Г.Г.Богун, 1955 г.	Отчет 34, пункт 113	"
269д	Слободище, "Скала"	п.	пм., Г.Г.Богун, 1954-1955 гг.; Н.М.Шмаглий, 1956 г.	Отчет 32, с. 14	"

Продолжение таблицы 1

I	2	3	4	5	6
270а	Швайковка, "За пасекой", Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1956 г.	Н.М. Шмаглий,	Отчет 32, с.14	ИА АН УССР
270б	Швайковка, "Напротив карьера"	п. пм. 1955 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 109	" Нуждается в уточнении
270в	Швайковка, "у соснового леса"	п. пм. 1959 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 105	ИА АН УССР
270г	Швайковка (к юго-западу от села)	п. пм. 1956 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 107	"
271	Старый Солотвин, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1962 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 160	"
272	Райки, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. Р. П. Курииний, 1926-1927 гг.		218, с.8; 2, с.169	"
273	Мирослава, "Голодьки", Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1955 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 85	"
274	Озадовка, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1956 г.	Г.Г. Богун;	Отчет 34, пункт 77	" Нуждается в уточнении
275а	Скраглиевка I, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1957 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 90	ИА АН УССР
275б	Скраглиевка II	п. пм. 1957 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 92	"
276	Быстрик, "Гора", Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм., и др. 1956 г.	Н.М. Шмаглий	Отчет 32, с.13	"
277	Семеновка, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1957 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 147	"
278	Великие Низгуры, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1959 г.	Г.Г. Богун,	Отчет 34, пункт 149	"
279	Кежелево, Бердичевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1949 г.	Р.И. Выезжев,	46, с.165	"
280- 284 285	Запасные номера Городищевка, Андрушевский р-н, Житомирская обл., УССР	п. пм. 1956 г.	Н.М. Шмаглий,	14, № 33; Отчет 32	"

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
286	Паволоч, Попелянский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., В.К.Гончаров, 1946; Р.И.Л.Макаревич, 1947 г.	49; 219, с.237	ИА АН УССР
287	Коробчеев, Ружинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р., Житомирский музей, 1927 г.; Н.М.Шмаглий, 1956 г.	Отчет 32, с.2-3	Житомирский музей
288	Ягнятин, Ружинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	Р., Житомирский музей и БУЛК 1927 г.; В.К.Гончаров, 1946 г.; Н.М.Шмаглий 1956 г.	2, с.168; 219, с.238; Отчет 32	"
289	Ревуха, Ружинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Н.М.Шмаглий, 1956 г.	14, № 45	Нуждается в уточнении
290	Ружин, Ружинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Житомирский музей, 1928 г.; Н.М.Шмаглий, 1956 г.	Отчет 32	ИА АН УССР, Житомирский музей
291	Белиловка, Ружинский р-н, Житомирская обл., УССР	п.	пм., Житомирский музей, 1926 г.; В.К.Гончаров, 1946 г.; Н.М.Шмаглий и др.	2, с.171; 219, с.238; Отчет 32, с.7.	"
292	Черепин, Володарский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., Н.М.Шмаглий, 1956 г.	14, № 39	Нуждается в уточнении
293- 294	Заласные номера				

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

295	Доманово, "Воронеговка", Чернобыльский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., Д.Я.Телегин и др., 1963 г.	Отчет 35, с.13-19	ИА АН УССР
296	Пилива, "Хохора", Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	шр., А.И.Тереножкин и др., 1960 г.	220, с.141	"
297а	Казаровичи I, Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	Р., В.А.Круц и др., 1966, 1968-1972 гг.	22; 66; 221	"
297б	Казаровичи II	п.	Р., В.А.Круц и др., 1966, 1968-1972 гг.	221; 22; 66	"
298а	Лемидов, "Вал", Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., ?	66, № 31	"

Продолжение таблицы

I	2	3	4	5	6
298б	Демидов II	п.	пм., ?	66, № II	ИА АН УССР
299	Новые Петровцы, Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., А.И. Тереножкин и др., 1960 г.	220, с. I4L; 222, с. 2	"
300а	Киев, Сырец I, УССР	п.	Р., Ю.Н. Захарук, 1950 г.	5I; 66	"
300б	Киев, Сырец II	п.	Р., Ю.Н. Захарук, 1950 г.	5I; 66	"
300в	Киев, Сырец III	п.	Р., Ю.Н. Захарук, 1950 г.	5I; 66	"
300г	Киев, Кирилловские землянки	п.	Р., Х.Вовк, В.В.Хвойко, до ре- волюции	32; 223	КИМ
300д	Киев, Львовская площадь	п.	пм., Л.И. Кубышев и др., 1965 г.	66, № 10	ИА АН УССР
300е	Киев, Выдубичи	п.	Р., И.Мовчан, 1971 г.	66, № 24	"
300ж	Киев, Киселевка	п.	пм., А.М. Шивко- ляс, сборы разных лет	224, с. 100; 225, с. 149;	КИМ
300з	Киев, Дитинка	п.	пм., И.Г. Шивко- ляс, 1976 г.	226, с. 393	-
301	Запасной номер				
302а	Чапаевка, хут. Воль- ний, пригород Кие- ва, УССР	п.	Р., В.А. Круц, 1966-1968 гг.; 1970-1972 гг.	227; 228; 229; 230; 66	ИА АН УССР
302б	Чапаевка, "Церков- шина"	о.п.	Р., В.А. Круц, 1966-1969 гг.	66; 229, с. 71	"
303	Пирогово, пригород Киева, УССР	п.	Р., В.А. Круц, 1966-1968 гг.	228; 227; 229; 66, № 23	"
304а	Лесники, пригород Киева, УССР	п.	пм. В.А. Круц, 1966-1967 гг.	Отчеты 35; 46	"
304б	Лесники II	п.	пм. В.А. Круц, 1966-1967 гг.	Отчеты 35; 46	"
305	Ходосовка, пригород Киева, УССР	п.	Р. Р.С. Срлов, 1969 г.	23I, с. 236	"
306а	Подгорцы I, Обу- ховский р-н, Киев- ская обл., УССР	п.	Р., Ю.Н. Захарук, В.Г. Збенович, 1961 г.	66, с. 78	"
306б	Подгорцы II	п.	Р., Ю.Н. Захарук, В.Г. Збенович, 1961 г.	66, с. 78	"
306в	Подгорцы III, "Вин- ница"	п.	пм., В.А. Круц, 1966-1967 гг.	Отчеты 35; 47	"

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
307	Новые Безрадичи, "Стрелица", Обуховский р-н, Киевская обл., УССР	п.	Р. Н.В. Бондарь, и др., 1949 г.	232, с.142; 66, с.10	ИА АН УССР
308	Запасные номера				
309					
310	Ощитки, "Воркивка"; Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., В.А.Круц и др., 1962 г.	13, № 3	Нуждается в уточнении
311	Новоселки, "Торбатая нива", Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., В.Г.Збено-вич и др., Р. Д.Т.Березовец; 1961-1962 гг.	222, с.2; 220, с.141	ИА АН УССР
312	Чернин, Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	г.м.	Р., В.И.Канивец, 1950 г.	56	"
313	Заваловка, Вышгородский р-н, Киевская обл., УССР	г.м.	Р., В.А.Круц, 1962 г.	64	"
314	Волчья гора, Козелецкий р-н, Черниговская обл., УССР	п.	пм., О.Г.Шапошикова и др.	66, № 37	"
315	Самсоны, Козелецкий р-н, Черниговская обл., УССР	п.	пм., С.С.Березанская 1967 г.	233, с.34	"
316	Евминка I, "Узвоз". Козелецкий р-н, Черниговская обл., УССР	п.	пм., К.А.Ставровский, 1908; Р., Г.Е.Макаренко, 1925-1926; В.А.Круц, 1965 г.	34; 35 66; Отчет 36	"
316б	Евминка II, "Старая Цегельня"	п.	Р., В.А.Круц, 1965-1966 гг.	66; Отчеты 36, 18	"
317	Пуховка (Рожевка)	п.	пм., В.А.Круц, 1965 г.	Отчеты 36, 17	"
318а	Зазимье, "Станки", Браварский р-н, Киевская обл., УССР	п.	шр., Н.В.Борбон и др., 1964-1965 гг.	66, № 39; Отчеты 36, № 12	"
318б	Зазимье, "Станки II"	п.	шр., Н.В.Борбон и др., 1964-1965 гг.	Отчеты 36, № 14	"
318в	Зазимье, "Станки III"	п.	пм., В.А.Круц, 1965 г.	Отчеты 36, № 14	Нуждается в уточнении
318г	Зазимье, "Осипки"	п.	пм., В.А.Круц, 1965 г.	Отчеты 36, № 16	ИА АН УССР
319	Красный хутор при город Киеве, УССР	г.м.	Р., В.И.Даниленко, М.Л.Макаревич, 1951 г.	55	"

Продолжение таблицы I

1	2	3	4	5	6
III0	Бортичи, Бориспольский р-н, Киевская обл., УССР	п.	Р., В.В.Хвойко, 1912 г.; И.И.Амбул бугорер и др. 1949 г.; В.А.Круц, 1969 г.	50; 66; 2**	ИА АН УССР
III1	Процев, Бориспольский р-н, Киевская обл., УССР	п.	пм., Н.П.Лоркуян; Р., В.А.Круц, 1973 г.	66	"
III2а	Софьевка, Бориспольский р-н, Киевская обл., УССР	п.	Р., Ю.Н.Захарук, 1948 г.; В.А.Круц, 1963 г.	13; 66; Отчет 37	"
III2б	Софьевка	г.м.	Р., И.М.Самойлов- ский, Ю.Н.Заха- рук, 1947 г.	53; 54	"
III3	Лукаши, Барышевский р-н, Киевская обл., УССР	п.	Р., 1913; В.А.Круц, 1965 г.	33; 66; Отчет 36	"

Картографирование всех известных к настоящему времени местонахождений материалов позднего Триполья (рис.3) позволяет определить, что ареал культуры в поздний период очерчивается на юге по северо-западному побережью Черного моря и низовью Дуная; на западе - по линии Восточных Карпат, речке Золотая Липа (левый приток верхнего Днестра) и верховьям Стыри (приблизительно до г.Луцка); на севере - по речке Уж (правый приток Припяти) и низовью Днепра (левый приток Десны); на востоке - по речке Трубеж (левый приток Днепра) и по междуручью Синюхи и Ингула (левые притоки Южного Буга). За пределами очерченной территории позднетрипольские материалы встречаются лишь в виде отдельных находок. Учет этого обстоятельства, а также изученности территории в общеархеологическом отношении дает основание полагать, что выявленные границы ареала позднего Триполья являются полными и сколько-нибудь серьезных изменений по этому вопросу в будущем не ожидается.

Что касается инокультурных групп памятников, граничащих с позднетрипольскими, то на востоке - в Понигулье - таковыми являются памятники типа нижнего слоя Михайловки и памятники ямной культуры [235]; на юге - в Подунавье - памятники культуры Чернавода [236; 237]; на западе - памятники культуры воронковидных сосудов [238], на севере - памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики [239].

ПАМЯТНИКИ ПОПРУТЬЯ, ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПОБУЖЬЯ

Памятники Попрутья, Поднестровья и Побужья соответствуют южной половине позднетрипольского ареала. Как показали исследования, все памятники выделенной территории представляют самостоятельный зональный вариант культуры, что дает основание вести их анализ независимо от памятников Волыни и Среднего Поднепровья.

Классификация материалов

Настоящий параграф посвящен классификации категорий материалов, положенных в основу исследования. Задача состоит в типологизации материалов по их основным качественным и количественным показателям, а также в определении возможных различий в их территориальном распространении (последнее решается путем картографирования).

Поселения. В настоящее время на рассматриваемой территории известно около 120 позднетрипольских поселений. Более или менее значительные раскопки проводились на 30, среди которых особо следует отметить следующие: Бринзены-Цыганка (раскопано почти полностью), Костешты ІІІ и Варатик "Холм", Хородиште, Фолтешты, Цикловичи, Хванец "Шовб", Сандраки, Усатово. Менее значительные раскопки проводились на поселениях Стоикины, Маяки, Звенигин, Солончены П., Гординешти, Печора. В процессе раскопок на перечисленных памятниках зафиксированы разнообразные хозяйствственно-бытовые и производственные комплексы, а коллекции материалов включают от 1 до 15 тыс. инвентарных единиц.

Меньшие коллекции, насчитывающие от нескольких сотен до 1 тыс. единиц, происходят с поселений Ербичены, Кубань, Бранешты, с-з им. Микурина I, Гидирим, Мерешовка, Поливанов Яр и др.

Большинство других поселений известно по малочисленным, но достаточно выразительным коллекциям материалов, собранных на поверхности или в обнажениях культурных слоев.

В пределах изучаемой территории поселения распространяются неравномерно (рис.3). Основная их часть концентрируется в Попрутье, выше Ясс, и в Поднестровье, выше Дубоссар. Отдельные поселения

встречаются на нижнем Пруте, Нижнем Днестре, в верховьях и по среднему течению Южного Буга. Поселений мало или они совершенно отсутствуют в центральных районах нижнего течения Прута и Днестра, в междуречье Днестра и Буга.

Учитывая общую степень археологической изученности территории, различия в локализации поселений мы объясняем тем, что одни районы исследованы лучше, другие слабее. Это заключение вытекает из того факта, что поселения количественно преобладают в наиболее изученных микрорайонах, в то время как слабо исследованные микрорайоны характеризуются отсутствием или единичным числом поселений^{*}. Вместе с тем, в ряде случаев наблюдается и обратное соотношение, когда для хорошо исследованных районов позднетрипольские поселения почти или полностью неизвестны (например, полное отсутствие поселений на относительно хорошо исследованных районах междуречья Днестра и Дуная, в Котовском, Кутузовском и Новоиненском районах МССР и др.). Отмеченное несоответствие позволяет заключить, что различия в локализации позднетрипольских поселений объясняются не только субъективными факторами (изученность территории), но и объективными, а именно: особенностями заселения территории в древности. Очевидно, носители культуры позднего Триполья обитали преимущественно в прибрежных районах, на отдельных участках течения крупных рек, в то время как степные районы их междуречий были заселены менее плотно. Данное обстоятельство важно еще и потому, что оно позволяет предположить, что за группировкой поселений, возможно, кроется и определенная археологическая таксономия, соответствующая этно-социальным общностям древности.

Позднетрипольские поселения подразделяются на укрепленные и неукрепленные. К первым мы относим поселения, расположенные на высоких мысах или останцах. Территория их ограничена с двух или трех сторон труднодоступными крутыми склонами с протекающими у их основания речками, глубокими оврагами, балками и т.п. С напольной стороны эти поселения, как показывают исследования, окружены искусственными сооружениями: рвами, валами, которые зачастую хорошо наблюдаются визуально.

К неукрепленным относятся поселения, расположенные на пологих склонах, берегах рек. Их территория легко доступна с двух, трех, иногда и четырех сторон.

Судя по имеющимся данным (точные сведения о месторасположении известны менее чем для половины поселений), оба типа поселе-

* См. локализацию поселений (рис.3) и соответствующую их территории степень изученности (табл.1).

ний распространяются достаточно равномерно, и их более подробное рассмотрение в данном разделе излишне.

На поселениях изучаемой территории зафиксированы остатки жилищ нескольких типов.

1. Остатки жилищ в виде площадок, состоящих из кусков глиняной обмазки, которая лежит в один, два и три слоя. Они известны по раскопкам на поселении Бризены-Цыганка, Костешты ІІ, Варратик "Холм", Сандраки, Печора. Подобные типы жилищ были зафиксированы также в обнажениях культурных слоев поселений Старые Каражуаны III, Старые Дуруиторы II, Кубань, Мерешовка-?, с-з им. Мичурина I, Бранешты, Солончены (церковь), Хабка I и Шолданешты (ТФЗ).

2. Остатки жилищ в виде редуцированных площадок, состоящие из разрозненных кусков обмазки. Конструктивные детали жилищ этого типа, как правило, не выявляются. Зафиксированы в Гординештах, Хородиште (сведения Д. Марин), и Сандраках-?

3. Остатки домов на каменной основе. Тип известен по раскопкам в Усатово-?, Хванец "Ховб" и по наблюдениям в культурном слое поселения Стина (церковь).

4. Остатки наземных домов легкой шалашвидной конструкции. Тип известен только по раскопкам в Фолтештах.

5. Остатки углубленных в грунт землянок и полуземлянок. Тип известен по раскопкам на поселениях: Костешты ІІ*, Хабешты-?, Стоикины, Хванец "Ховб", Цвиковци, Солончены II, Сандраки. Подобный тип зафиксирован также в обнажениях культурных слоев поселений Мерешовка, Шолданешты (ТФЗ) и Бранешты.

В настоящее время позднетрипольские поселения остаются еще слабо изученными и в территориальном и в топографическом отношении (имеется в виду, что на Среднем и Верхнем Пруте и на Днестре раскапывались лишь поселения, расположенные на высоких известняковых останцах, где сооружение землянок и полуземлянок затруднено). Для разных районов характерны разные типы жилищ (рис.4). Так, на Среднем Пруте известны оба типа площадок и углубленные в грунт жилища, в то время как на Среднем Днестре редуцированные площадки не известны. Оба типа площадок совершенно не известны для поселений степной зоны.

Могильники. Могильники позднего Триполья изучаемой территории подразделяются на грунтовые и курганные. Грунтовые в свою очередь делятся на большие, насчитывающие от десяти и более разных в поло-возрастном плане захоронений и представляющие, по-видимому, общинно-родовые кладбища, и малые, включающие от трех до шести погре-

* Раскопки В.И. Маркевича.

сений и, вероятно, являющиеся семейными некрополями. Большие известны по раскопкам в Выхваницах [96], Маяках [Отчет 22] и Усатово II [73, с.44; 183; 184; 185], малые — по раскопкам у Рынешт [131, с.271], Данчен [Отчет 2], Данку I, Данку II [77], возможно, Голеркан I [159, с.25], Усатово I [22, с.258]. Грунтовые могильники представляют, очевидно, и материалы из Голеркан II [79, с.131], Раскайцев [44, с.86], Вишмы [130, с.441], Брешица [133], однако, из-за отсутствия раскопок или неполноты освещенности материалов (Брешица) судить о принадлежности их к тому или иному типу не представляется возможным.

Среди курганных комплексов также можно различить могильники, объединяющие от трех-четырех до десяти и более насыпей, и отдельные насыпи, расположенные на значительном расстоянии одна от другой. К первым относятся могильники Усатово I, Усатово II [73, с.35] Маяки [169; Отчет 22], возможно, Утконосовка [Отчет 5], и Парканы [21, с.252]. Ко вторым принаследуют многочисленные разрозненные насыпи, раскопанные на Тираспольщине и в Днестровско-Прутском международье. Всего известно около 50 одиночных курганов.

Одличительной чертой курганов позднего Триполья в сравнении, например, с курганами эпохи бронзы является незначительность их размеров. Лишь в единичных случаях насыпи превышают двухметровую высоту и имеют диаметр 25–30 м.

Не считая внешнего проявления, курганные и грунтовые могильники позднего Триполья едины по всем основным чертам стравившегося в них погребального обряда.

Все погребения совершены по обряду трупоположения. Скорченные погребения составляют более 90%. Из них более 65% составляют инхоронения, совершенные на левом боку. Более 70% погребений ориентировано на север, северо-восток и восток. За редким исключением (Маяки), все погребения совершены в прямоугольных или овальных ямах, которые, очевидно, в древности были перекрыты бревенчатым настилом. Характерной чертой является закладка ям камнями, плитами. Часто встречаются кромлехи.

Среди инвентаря преобладает керамика, которая сопровождает более 90% погребенных. Часто встречаются орудия труда, оружие, предметы культа, украшения и пр.

Могильники, как и поселения, в пределах изучаемой территории локализируются неравномерно. В степной части, приблизительно до линии Григориополь — Кишинев — Яссы, известны как грунтовые, так и курганные могильники. В Среднем Поднестровье, приблизительно выше устья р.Реут, найдены только грунтовые могильники. Третий район включает Среднее и Верхнее Попрутье, Верхнее Поднестровье и Но-

бужье. Здесь совершило не известны грунтовые могильники, а курганные погребения найдены в двух комплексах, раскопанных у с. Костешты и Бурсучены* (рис. 5 **).

Учитывая степень изученности территории в общепархеологическом отношении, можем прогнозировать отмеченные различия в локализации грунтовых могильников и на будущее (автор допускает возможность обнаружения новых грунтовых могильников на Среднем Днестре и в степной части, но исключает их наличие в Попрутье, выше Ясс, и в Поднестровье, приблизительно выше Сорок). То же самое можно сказать и относительно курганных комплексов, наличие которых не исключается для Попрутья (выше Ясс), но сомнительно для Среднего Поднестровья (от Сорок до устья Реута). Наблюдаемые в настоящее время и ожидаемые в будущем различия в локализации разнотипных могильников могут быть объяснены различиями в погребальном обряде обитавших здесь позднетрипольских племен, а не недостаточностью полевых изысканий. Вполне очевидно, что обитавшие в степной части племена совершали обряд погребения и в курганных, и в грунтовых могильниках, в то время как население Среднего Поднестровья могло хоронить только в грунтовых могильниках. В отличие от него население Среднего и Верхнего Попрутья, Поднестровья (выше Сорок) могло практиковать курганный обряд захоронения (если наши допущения подтвердятся в будущем) или же такой обряд, который не материализовался в грунтовых и курганных могильниках (воздушное водяное или любые другие возможные формы обряда). Один из таких вариантов бесспорно существовал у трипольцев раннего и среднего периодов, для которых, за исключением отдельных погребений на поселениях [193; 241, с. 66], не известны ни курганные, ни грунтовые могильники.

Керамика. Керамика представляет одну из самых многочисленных категорий материалов, содержащую к тому же наиболее полную информацию по всем интересующим нас вопросам. Поэтому именно керамика составит основной объект нашего исследования.

Для анализа керамики использованы коллекции всех доступных памятников. Ее анализ основан на изучении трех основных разновидностей признаков: технико-технологических, дающих представление

* В литературе имеются сведения еще о нескольких курганных комплексах, раскопанных якобы В. А. Сафоновым у с. Думини Рышканского р-на МССР [240, с. 472]. Однако, поскольку результаты раскопок еще не опубликованы, а отчет о раскопках и коллекция материалов В. А. Сафоновым не были сданы в соответствующее учреждение, то судить о достоверности упомянутых комплексов не представляется возможным.

** Рисунок сосуда публикуется с разрешения Е. Б. Ярового.

о составе глиняной массы, качество обжига, обработке поверхности сосудов; морфологических, характеризующих формы сосудов; стилистических, дающих представление об орнаментации сосудов. Каждая из разновидностей признаков раскрывают различные аспекты изучаемого материала. Своеобразие же керамики обнаруживается в ее типологии, которая определяется путем корреляции всех разновидностей признаков.

По технике и технологии изготовления керамика позднего Триполья на рассматриваемой территории подразделяется на две основные категории:

1. Керамика, изготовленная из хорошо отмученной глиняной массы без видимых примесей, качественного обжига. Черепок в изломе плотный и имеет равномерный желто-розовый цвет. Поверхность сосудов более или менее тщательно сглажена, иногда подлошена. Изредка встречается беловатая ангобированная поверхность. Поверхность подавляющего большинства сосудов этой категории расписана, поэтому для ее обозначения в литературе обычно применяют термины "расписанная посуда" или "столовая посуда"^{*};

2. Керамика, изготовленная из массы с различными примесями. Среди примесей чаще всего встречается мелкотолченная ракушка, речной шамот, мелкий песок, очень редко — кварц, известник^{**}. Обжиг посудов неравномерный. Цвет их поверхности от пепельно-серого или розоватого до черного. Поверхность сосудов в одних случаях необработанная, шероховатая, в других — сглажена, в третьих — заложенна. Обычный орнамент — различного рода наколы, оттиски внура, налепы. Для обозначения этой керамики в литературе используют термин "кухонная керамика".

По морфологическим признакам рассматриваемая керамика представляет 14 типов форм. Большинство из них выполнено из массы как первой, так и второй категорий. Единство типологии форм столовой и кухонной керамики обусловлено определенной тенденцией развития позднетрипольской керамики, которая заключается в переносе форм столовой посуды в тесто с различными примесями. Иначе говоря, формы кухонной посуды возникли в результате подражания формам столовой посуды. Это обстоятельство позволяет рассматривать кухонную и столовую посуду как составляющую по морфологическим признакам два параллельных типологических ряда, что и отражено в нумерации типов в таблице (рис. 6, А, Б).

* Применяя термины "столовая посуда", "кухонная керамика", следует, однако, учесть, что они отражают технико-технологический, а не функциональный признак.

** Примеси в глиняной массе, за редким исключением, картируют относительно к типу памятников, и их различия в пределах единой категории в дальнейшем не учитываются.

Среди наиболее характерных форм следует отметить полусферические миски (рис. 6, А1, Б1), шаровидные амфоры с двумя ручками на тулове (рис. 6, А4, Б4), шаровидные амфоры с ручками-ушками на плечиках, снабженные крышками (рис. 6, А5, Б5), и другие формы (рис. 6, А6, 2, 3, 7-10), выполненные из массы первой и второй технико-технологических групп. Только из массы первой категории изготовлены сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (рис. 6, А6). Но эта форма из массы с различными примесями характерна для Среднеднепровских памятников. Только из массы второй категории выполнены амфоры с четырьмя ручками на тулове (рис. 6, Б12), кубки (рис. 6, Б13), цилиндрические сосуды (рис. 6, Б14).

Большинство типов форм позднетрипольской керамики подразделяется на ряд вариантов, которые представлены на рис. 6.

Как уже отмечалось, керамика первой категории орнаментирована росписью. Роспись обычно наносилась на наружную поверхность сосудов. Внутренняя роспись встречается только на мисках. Наружная роспись покрывает тулоно сосуда по вертикали от 1/3 до 1/5 его высоты (условно-горизонтальное построение орнамента) или же целиком (вертикальное построение орнамента).

Керамика характеризуется монохромной (черной, темно-коричневой) или бихромной (черной с красной) росписью. Основные композиционные элементы орнамента выполнены только черной росписью, дополнительные - черной и красной.

В качестве основных элементов выступают ленты различных форм и размеров. Они обычно состоят из двух широких (4-6 мм) параллельных полос, между которыми нанесены от одной до трех узких (1-2 мм) полосок. Самостоятельную разновидность элементов орнамента представляют ленты, образованные из четырех-десяти (реже 15-16) одинаковой ширины узких полосок, нанесенных параллельно. Прямые, дуговидные, полуovalные ленты, выполненные черной росписью, расположены по тулову сосудов вертикально, горизонтально или наискось. Сочетания таких лент и образуют основные орнаментальные композиции.

В качестве дополнительных элементов орнамента выступают зигзагообразные или струйчатые полоски, "водяные", X-образные или крестообразные знаки, треугольнички и т.п. Все эти элементы наносились черной росписью; ею выполнены и специфические элементы в виде зооморфных или антропоморфных фигур.

Красной росписью наносились некоторые элементы в виде коротких полосок, мазков и т.п. Часто красная роспись заполняла пространство между полосками, образующими ленты, или же между лентами.

Для большинства сосудов характерно зональное расположение орнаментальных композиций как по вертикали (от одного до трех, реже пяти горизонтальных поясов), так и по горизонтали (от двух до четырех чередующихся орнаментальных композиций). Орнаментальные зоны разделены между собой горизонтальными или вертикальными лентами. Вместе с тем для ряда сосудов характерны сочетания лент или полосок, образующих непрерывные горизонтальные орнаментальные пояса.

Из наиболее распространенных орнаментальных композиций следует назвать метопный орнамент, подразделяющийся на сложный (рис. 7, А1), упрощенный (рис. 7, А2) и простой (рис. 7, А3). Все они характерны преимущественно для полусферических мисок, но встречаются и на иных типах форм. Самостоятельный тип представляет композиция из сочетания горизонтально и вертикально расположенных дугообразных или полуovalных лент и полосок (рис. 7, А4). Этот тип также встречается главным образом на полусферических мисках. Сочетания лент, образующие композицию "совиное лико" (рис. 7, А5), находим преимущественно на шаровидных амфорах с двумя ручками на тулове. Очень распространены являются композиции из сочетаний различных лент, образующих непрерывные орнаментальные пояса в один-два или больше этажей, встречающиеся на разных типах форм (рис. 7, А6, 7). Все орнаментальные композиции росписи позднетрипольской керамики изучаемой территории представлены на рис. 7, А, а их соотнесенность с типами форм в табл. 2.

Кухонная керамика отличается рельефной орнаментацией. Чаще всего встречается орнамент в виде оттисков шнура, насечек, наколов самой различной формы, идущих чаще всего в виде горизонтальных полосок или поясков. Элементы орнамента и их сочетания столь разнообразны, что для характеристики орнаментики кухонной керамики более целесообразным представляется ее рассмотрение в зависимости от расположения орнамента на той или иной части сосуда (в известной мере, мы отступаем от основных принципов типологического метода).

Орнамент на внутренней поверхности характерен только для мисок. Причем, как и в случае с типами форм, композиционно он подражает типам росписи (рис. 7, Б1). Орнамент покрывает верхний и наружный край венчика (рис. 7, Б2, 3), основание горловины (рис. 7, Б4), саму горловину (рис. 7, Б5), плечики сосудов и их туло (рис. 7, 17; 8). На отдельных формах находим проложенные вертикальные полосы (рис. 7, Б9). Как орнаментальные элементы можно рассматривать и овальные или конические бугорки-налепы на мисках или шаровидных сосудах (рис. 7, Б10), защипы и насечки по краю днищ (рис. 7, Б11). В единичных случаях встречаются сосуды с зооморфными изображениями

Таблица 2

Взаимовстречаемость типов форм столовой посуды
с типами орнамента (росписи)

		ТИПЫ ОРНАМЕНТА (рис. 7А)										
		I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	б/о
ТИПЫ ФОРМ (рис. 6А)	I	● ● ● ●								○		
	2									?		
	3							?		?		
	4				○	○	○	○	○	○		
	5			○		○		○	○	○		
	6				○		○		○	○		
	7			○		○		○		?		
	8	○		●		○	○	○	○	○		
	9	○		○	○	○	○	○	○	○		
	10		○							?		
	II									?		

● - десятки и сотни экземпляров; ○ - десятки экземпляров;
○ - единичные экземпляры

Таблица 3

Взаимовстречаемость типов форм кухонной посуды
с типами орнамента

		ТИПЫ ОРНАМЕНТА (рис. 7Б)											
		I 2 3 4 5 6 7 8 9						I 2 I-2 3 I 2 б/о					
ТИПЫ ФОРМ (рис. 6Б)	I	○	●	●	●	●	●	●	○	○	○	○	○
	2	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	3	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	4	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	5	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	6	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	7	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	8	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	9	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	I0	○	○	○	○	○	○	○	?	●	○	○	○
	I1	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	I2	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○
	I3	○	○	○	○	○	○	○	?	●	●	?	?
	I4	○	○	○	○	○	○	○	?	○	○	○	○

● - десятки и сотни экземпляров; ○ - десятки экземпляров; ○ - единичные экземпляры.

ми (рис. 7, Б12). Следует отметить, что на ряде памятников орнаментальные отиски шнура заполнялись белой пастой. Все основные разновидности орнаментации кухонной керамики представлены на рис. 7, Б, а их взаимовстречаемость с типами форм керамики в табл. 3.

Соотнесенность морфологических и стилистических признаков по каждой из технико-технологических групп позволяет выделить для позднего Триполья изучаемой территории несколько типов керамики (рис. 8)*.

Тип I, I - полусферические миски из массы первой категории. Форма варьирует только по пропорциям и размерам. Преобладает ме-толпиний орнамент, представляющий три типа (I, I, 0, I-3), каждый из которых подразделяется на несколько вариантов.

Тип I, I, 0, 4 представляют миски, ориентированные сочетаниями горизонтально и вертикально расположенных полос, а также сочетаниями широких лент (тип I, I, 0, 5). Все миски характеризуются определенным соотношением между внутренним орнаментом и внешним.

Тип 2, I - полусферические миски из массы второй категории. По оформлению венчика подразделяются на два варианта: с простым за-кругленным краем и с профицированным краем (косо или горизонталь-но сложенным, утолщенным и загнутым внутрь, наружу или Т-образ-ным краем). Среди первых имеются экземпляры с ручками-ушками и без них. Миски встречаются с орнаментом и без него. Для мисок первого варианта (тип 2, I, I, I) характерны сдвоенные наколы, напоминающие букву В, серники, отпечатки шнура. На мисках второго варианта (тип 2, I, 2, I-5) иногда находим внутреннюю орнаментацию (отпечатки шнура, реже - резной орнамент). Орнаментация по краю венчика (на-сечки, защилы, отиски шнура, наколы и их различные сочетания) и по плечикам встречается чаще. Имеются одинарные или сдвоенные на-лещи по краю венчика, защилы или насечки по краю днища.

Тип 2, 2 - миски с S-видным профилем из массы второй кате-гории. По выраженности профиля подразделяются на два варианта; оба дают экземпляры с одной или двумя ручками-ушками. Орнамент "жемчу-жинами", "серниками", отисками шнура отдельно или в виде сочетаний встречаются под краем венчика, по горловине, ее основанию, плечи-кам и тулову.

* Во избежание терминологической путаницы в назывании типов сосудов автор считал нужным применить простейший метод кодирования. Код пятизначный и делился следующим образом: первая цифра кода обозначает технико-технологическую категорию; вторая - тип формы, третья - вариант формы, четвертая - тип орнамента, пятая - вариант орнамента. Ноль в коде означает, что соответствующий приз-нак отсутствует. Когда в тексте речь идет только о технико-техно-логической группе и форме сосудов, приводятся лишь соответствующие им знаки кода. Все коды даны в типологической таблице керамики (рис. 8).

Тип I,4 - шаровидные амфоры с двумя ручками по тулову. Подразделяются на два варианта: с простыми (тип I,4,1) и профилированными (тип I,4,2) ручками. Имеются неорнаментированные амфоры (тип I,4,I-2,0) или расписанные композицией "совиное гико", геометрическими сочетаниями лент или сетчатым орнаментом (тип I,4,I-2,I-3). Первый и третий типы орнамента дают по несколько вариантов.

Тип 2,4 - амфоры с двумя ручками на тулове из массы второй категории. Как и предыдущий, тип дает два варианта оформления ручек. Различной является и орнаментация (рис. 8).

Тип I,5 - шаровидные амфоры с ручками-ушками на плечиках и крышками из массы первой категории. Подразделяются на три варианта: с полусферическими крышками с двумя ручками-ушками; с крышками с трибовидной ручкой; сосуды на четырех ножках. Еще один вариант (не включен в таблицу) представляет единичный сосуд из Цви-ковцев, имеющий ручки в виде антропоморфных фигурок [81, с. 135, рис.3]. Представлены два типа орнамента: сочетания лент и сетчатый; каждый из них дает по несколько вариантов. Имеются экземпляры амфор без орнамента.

Тип I,5 - сосуды вышеописанных форм из массы с различными примесями. Но форме крышек, как и предыдущий тип, дает два варианта. Целых сессудов с орнаментом не найдено.

Тип I,6 - сосуды с высокой усеченно-конической горловиной и тремя-четырьмя бугорками-налепами по ее основанию из массы первой категории. Орнамент представлен сочетаниями лент, образующими два, реже три горизонтальных пояса. Встречаются экземпляры без росписи.

Сосуды грушевидной формы с двумя ручками по краю венчика из массы первой (тип I,7) и второй (тип 2,7) категорий. Но оформление горловины типа I,7 включает два варианта: с хорошо выделенной горловиной (высота ее не менее 1/3 высоты туловы) и со слабо выделенной горловиной. Тип 2,7 кроме этих дает еще третий вариант - с реберчатым туловом. Оба типа отличаются также и орнаментацией (рис.8).

Все прочие типы керамики позднего Триполья Приднестровья, Погруты и Побужья графически представлены на рис. 8.

По большинству выделенных категорий признаков, по типам и вариантам форм и орнамента керамические комплексы памятников позднего Триполья в одних случаях сходны, в других различия составляют более или менее устойчивые группы. Группировка комплексов прослеживается по качественному или количественному проиллюстрированным или по их территориальному распространению. Рассмотрим по одному примеру для каждого признака.

К первой технико-технологической группе относится расписанная керамика. За редким исключением, она характерна для всех памятников позднего Триполья рассматриваемой территории. Однако по количественным показателям все памятники, с которых известны сколько-нибудь значительные коллекции материалов, подразделяются на две группы. Первая объединяет все памятники, в керамических комплексах которых содержится приблизительно от 50 до 70% расписанной керамики. К таковым относятся: могильник у с. Выхватинцы (около 55%), поселения с-з им. Мичурина I (около 60–65%), Солончаки II и Гидирим (по 60–70%), Брашешты (50–55%), Трынзены-Чиганка и Трынзены II (около 70%), Костешты IV и Варатик "Холм" (около 50–55%), Курпаш (около 70%) и Иванец "Щовб"^{*}. ТERRITORIALLY эта группа памятников расположена на Среднем и Верхнем Поднестровье и Попрутье (рис. 9). Вторую группу образуют памятники, на которых расписанная керамика составляет приблизительно от 30 до 0%. Сюда относятся по селения Цвиковцы, Звениччи (около 7%), Сандраки и Печора (соответственно около 15 и 12%), Гординешты и Хородиште (около 30%), Ербиччи, Хэбашешты, Стоянки и Фолтешты (приблизительно до 1%), Данку I, Данку II (0%), Маяки-поселение (около 6%), курганный и грунтовый могильник^{**}, Усатово-поселение (около 12–18%)^{***}, курганные (около 30%) и грунтовые (около 6%) могильники и т. д. ТERRITORIALLY памятники этой группы, в отличие от первой, более или менее равномерно распространены по всему ареалу (рис. 9).

Подобная же группировка памятников, но с обратным процентным соотношением, характерна и для кухонной посуды.

Рассмотрим два примера группировки памятников по типам форм кухонной керамики. Полусферические миски с профицированным краем (тип I, 2, I, 2, рис. 10) характерны только для одной из групп памятников, занимающей Среднее и Верхнее Попрутье, Поднестровье и Побужье и включающей памятники Сандраки, Печора, Звениччи, Гординешты, Хородиште и др. Миски с S-овидным профилем (тип 2, 2) характерны для памятников, занимающих только степное Северо-западное Причерноморье. Подобная группировка памятников по количественному или территориальному проявлению свойственна и для большинства других типов и вариантов форм керамики.

В качестве примера группировки памятников по типам расписи можно привести метопные композиции и композиции из сочетания вер-

* Точные данные для поселений Иванец "Щовб" и Цвиковцы отсутствует. Материал остался недоступным.

** Данные не опубликованы [Отчет 22].

*** Данные различных авторов неодинаковы [73, с. 90; 75, с. 4].

тикально и горизонтально расположенных лент. Первая орнаментальная композиция (тип I, I-3) характерна для памятников Среднего Попрутья (Кубань, Костешты II, Костешты IV, Брынзены-Циганка) и Верхнего Поднепровья (Кованец "Щовб", Чикловцы, Мерешовка), Среднего и Нижнего Поднестровья (Выхватинцы, Гидирим, Бранешты, Маяки, Усатово и др.). Орнаментальная композиция (тип I, 4) встречается только на памятниках Среднего Попрутья и Верхнего Поднестровья, и совершенно отсутствует на Среднем и Нижнем Днестре (рис. II). Подобная группировка характерна и для иных типов и вариантов орнамента как расписной, так и кухонной керамики. Более того, группировка наблюдается и по таким специфическим признакам, как орнаментальные бугорки-налепы по краю венчика или днищу сосуда, орнаментальные защипы или насечки по внешнему краю днищ или же по антропоморфным или зооморфным мотивам орнамента. (Группировка памятников по последнему признаку и их локализация наглядно видна из рис. I2).

Поскольку группировка характерна для каждой из категорий признаков, то сочетание этих признаков, отражающее типы сосудов, также будет раскрывать определенную группировку памятников.

Культовая пластика. На памятниках позднего Триполья рассматриваемой территории культовая пластика представлена антропоморфными женскими изображениями и фигурами животных. Зооморфные изображения известны по единичным экземплярам. Коллекция антропоморфных статуэток включает несколько сотен целых или фрагментированных экземпляров, обнаруженных как на поселениях, так и на могильниках.

Все известные антропоморфные статуэтки по макеру исполнения подразделяются на две разновидности: условно-реалистические и схематические (рис. I3).

Статуэтки первой разновидности (рис. I3, I) характеризуются условно-реалистической объемной передачей всех основных частей человеческого (женского) тела – головы, туловища, ног. Все статуэтки, от которых сохранились нижние части, изображают стоящие фигуры. Лишь изредка встречаются фигуры в полусидячем положении.

Головки статуэток переданы в виде круглых и овальных пластинок. Сильным щипком, изображающим высокий нос, передан рельеф лица. Глаза обозначены двумя сквозными отверстиями. Головки соединяются с туловищем хорошо смоделированными шейками.

Туловища статуэток, несколько уплощены в профиле, слегка приподняты в плечиках, которые выделены в виде конических выступов и изображают одновременно и условно отсутствующие руки. Туловища обычно сужаются в талии, а затем расширяются в закругление над грудными выступами. Полувальными или коническими ножками изобра-

жены груди, иногда и пупки. Резными линиями, образующими треугольники, переданы половые признаки. Ягодицы представляют собой два полуovalа, иногда слегка уплощенные по вертикали. Ноги статуэток слеплены вместе, но спереди и сзади разделены углубленными линиями; завершаются ноги слабым изгибом вперед, передающим слитые стопы. По краям головок, по плечикам, а часто и по набедренным выступам статуэток имеются маленькие сквозные отверстия.

По морфологическим признакам реалистические статуэтки подразделяются на два типа. Первый известен в литературе под условным наименованием "выхватинский тип". Он характеризуется всеми перечисленными выше признаками и представлен множеством экземплярами, дающими несколько вариантов (рис. 13, I, ф.1-4). Второй тип статуэток представлен единичными экземплярами и отличается от первого реалистической подачей деталей головы и лица: рта, глаз, носа, ушей, прически (рис. 13, I, ф.5).

За исключением единичных экземпляров, статуэтки первой разновидности изготовлены из массы без видимых примесей, качественного обжига, имели розоватый цвет поверхности. Изредка встречается беловатый ангоб, роопись или окраска охрой.

Статуэтки второй разновидности (рис. 13, II) характеризуются крайне условной передачей частей и деталей человеческой фигуры. Разновидность включает четыре четко определяемых типа. Кроме них еще два или три типа представлены мелкими невыразительными обломками или единичными экземплярами и в настоящей работе не учитываются.

Статуэтки первого типа (рис. 13, II, ф.1) по манере исполнения, очевидно, представляют переходную форму от реалистической к схематической. Тип представлен двумя экземплярами, которые передают женскую фигуру в сидячем положении. Сильно стилизованные ноги изображены согнутыми в коленях.

Второй тип (рис. 13, II, ф.2) также представлен единственным экземпляром. Женская фигура изображена в виде подпрямоугольной уплощенной в профиле статуэтки, верхний конец которой слегка наклонен вперед. Верхняя часть туловища отделена от торса двумя уступами, изображающими талию. Ноги отсутствуют. Один экземпляр орнаментирован оттисками шнура и "серпикалы".

Для обоих типов пол - женский - определяется по бугоркам-наплывам, изображающим груди.

Третий тип статуэток (рис. 13, II, ф.3) выполнен в виде усеченно-конической пирамидки, завершающейся наклоненным вперед стержнем с утолщением на конце. В некоторых случаях стержень уложен в профиле. За редким исключением пол изображенных фигурок не обоз-

значен. Большинство фигурок орнаментировано наколами различной формы, резными полосками и т.п. Довольно часто углубления от орнамента заполнены белой пастой. Тип известен в литературе под условным названием "усатовский".

Четвертый тип (рис. I3, II, ф.4) представлен экземплярами, выполненными в виде прямых или изогнутых стерженьков, на которых имеется по две выпуклости, передающие то ли плечи, то ли торс. Пол статуэток не обозначен. Статуэтки орнаментированы наколами, оттисками шнура, но чаще всего резными полосками, иногда заполненными сюжетом.

Статуэтки третьего и четвертого типов изготавливались из массы с примесями мелкого песка, ракушки, камня. Большинство из них имеет серый или серо-черный цвет. Встречаются единичные статуэтки четвертого типа, изготовленные из кости.

Схематические статуэтки, за редким исключением (Выхвачинский могильник, Сандраки), встречаются только на памятниках степной части Северо-Западного Причерноморья (Стоянки, Фолтешты, Маяки, Усатово, Ермолаевка, Серебрянка и др.). В отличие от них реалистические статуэтки имеются главным образом только на Среднем и Верхнем Днестре и Пруте (рис. I4). Причем по частоте встречаемости можно выделить две группы памятников: памятники, на которых одна или несколько статуэток встречаются приблизительно на каждые 100 м² раскопанной площади (Бранешты, Шолданешты (ТФЗ), Солончены II, Выхвачинцы, Жванец "щовб", Костешты IV, Варатик "Холм", Бризени-Цыганка и др.); памятники, где одна статуэтка встречается на площади более 100 м² исследованной территории (Цикловицы, Гордишты, Хородиште, Сандраки и др.).

Орудия труда и оружие. Орудия труда и оружие позднего Триполья рассматриваемой территории многочисленны и разнообразны. Однако, отражая единый уровень технической оснащенности, соответствующий периоду перехода от неолита к эпохе бронзы, многие типы изделий в равной степени характерны и для других культур Юго-Запада СССР. Подчасы и, естественно, не могут быть использованы для выявления узколокальных различий. В связи с этим рассмотрим лишь несколько типов разнофункциональных изделий, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств получили в пределах рассматриваемой территории узколокальное распространение и содержат информацию по интересующим нас вопросам.

Кинжалы металлические Усатовского типа (рис. I5). Тип специально рассматривается в работах В.Г.Эбеновича [242]. Известно около 20 экземпляров. Из них примерно половина происходит из Усатовских курганов и могильников (эпохи поздней пасты) и погребений Маяцких

могильников. Единичные находки происходят из Суклеи, Нерушая, Огородного, Утконосовки, Данку I, Кукутен. К этому же типу, очевидно, можно отнести находки из Бильче-Золоте и фрагмент из Тудоровского могильника.

Кинжалы характеризуются пламевидными или клиновидными клинками, плавно сужающимися к острию. В сечении клинок линзовидный или же с рельефно выступающей на одной плоскости нервюрой. Широкая часть клинка сужается под конус или закруглена. Ее вставляли в костяные, а возможно, и деревянные рукоятки, с которыми скрепляли при помощи металлических штифтов (рис.15, I, ф.3). Рассматриваемый тип кинжалов количественно (приблизительно 3/4) преобладает в Северном Причерноморье (рис.16), где они встречаются в погребальных комплексах. Только три экземпляра найдены на поселениях Верхнего Попутья и Поднестровья. Кроме того, еще два экземпляра известны в пределах позднетрипольского ареала по находкам на могильнике Червоний хутор в Среднем Поднепровье [55, с.95, табл.I, ф.20,23].

Костяные кинжалы в виде удлиненных или клиновидных пластин с цельной рукояткой (рис. 15, II) хорошо известны по находкам на поселениях Брынзены-Цыганка [83, с.72, рис.6/3,10,13,25], Кубань [129, с.89, рис.5], Бильче-Золоте [29, с.4, табл.Э/5-3], Варатик "Холм" и Костешты I^{*}т.е. встречаются только на памятниках Верхнего Попутья и Поднестровья (рис.16, I). Единичные, но несколько отличные экземпляры известны также на Среднем Днестре - Выхватинский могильник [96, с.60, рис.5/20] и на поселении Хорьев на Волыни [Отчет 30].

Медные топоры-тесла (рис.15, III) имеют удлиненную трапециевидную форму, расширяющуюся к лезвию. Некоторые экземпляры в профиль асимметричны. Подразделяются на два типа: с пятойкой (рис.15, III, ф.3) и без нее (рис.15, III, ф.1-2). Тесла первого типа найдены на поселении Брынзены - Цыганка [127, с.161, рис.8/1]. Подобное тесло обнаружено и на поселении Трифауцы II [127, с.161, рис.8/2], которое, однако, относится в этапу У-I, если не В-II. Второй тип представлен пятью экземплярами с Усатовского курганныго могильника и находками у населенных пунктов Утконосовка, Данку I, Ольшанка, Кукутены, Хородиште. Топоры-тесла с пятойкой известны только на Верхнем Пруте и Верхнем Днестре. Топоры без пятойки количественно преобладают в степном Причерноморье, где встречаются в погребальных комплексах. На Верхнем Пруте и по Серету зафиксировано всего три местонахождения топоров на поселениях.

Итак, мы рассмотрели все основные категории материалов. По большинству материалов, их качественному или количественному прояв-

* Раскопки В.И.Маркевича.

лению, по территории распространения они образуют более или менее устойчивые группировки. Это обстоятельство наряду с уже высказанными соображениями имеет важное значение, поскольку именно оно позволяет постулировать сложную таксономичность южного Триполья Поднестровья, Попутья и Побужья. Поэтому очередной задачей нашего исследования является классификация памятников и выявление исходных структурных подразделений.

Классификация памятников

Для разработки классификации памятников привлечены материалы всех сколько-нибудь полно исследованных поселений и могильников. Для Побужья таковыми являются поселения Сандраки и Печора; для Верхнего Поднестровья - Звеничин, Жванец "Шово", Цвиковиды, Мерешовка; для Верхнего и Среднего Попутья - Гординешты, Брынзени-Ныганка, Варатик "Холм", Костешти I, Кубань, Хородилте. Для исследования Среднего Поднестровья с целью равномерной представленности памятников наряду с Быхватинским могильником и поселением Солончени II привлечены также поселения с-з им. Мичурина I, Гидирим и Бранешты, на которых проводились только шурфовки, но имеются вполне представительные коллекции. В степной части Днестровско-Дунайского или днестровско-Прутского междуречий исследовались поселения Стоиканы, Фолтешты, Маяки и Усатово, грунтовые могильники Данчены, Данку I, Данку II, курганные и грунтовые могильники в Усатово и Маяках. Поскольку Данку I и Данку II. Второй курганный и Первый грунтовой могильники в Усатово представлены ограниченным числом погребений, то данковские комплексы рассматриваются вместе; так же, как и усатовские комплексы вместе с соответствующими им Первым курганным и Вторым грунтовым могильниками. Кроме того, привлечено большинство курганов Причерноморья, которые для представительности условно объединены в две группы. К одной из них отнесены все курганы Нижнего Подунавья, идущие в сводном списке под № 60-72, а к другой - курганы Нижнего Поднестровья, фигурирующие под № 157-164, I70 а, I72-I78 (см.табл. I).

Таким образом, разрабатывая классификацию, мы учитывали практически все памятники. Исключение составляют раскопанные или прошурфованные поселения Жванец "Лисая гора", Поливанов Бр, Ербичены, Хэбэшешты, грунтовые могильники Рышешты и Браилица и курганы Побужья, которые представлены статистически недостаточными коллекциями материалов или же материалы которых остались неопубликованными и недоступными. (Полный список памятников, привлеченный для

анализа, приведен в той последовательности, в какой они даны в сводном списке (табл. 4).

С другой стороны, для разработки классификации памятников привлечены все основные признаки, характеризующие комплекс керамики, антропоморфную пластику, некоторые специфические орудия труда и оружие, а также признаки, отражающие погребальный обряд. Причем из всех выявленных признаков для классификации памятников были задействованы лишь те, которые обладают четкой вариабельностью по качественному, количественному или же территориальному проявлению. (Перечень всех признаков и их встречаемость на задействованных памятниках приводится в табл. 4. Все количественные проявления признаков взяты относительно, по каждому из памятников отдельно.)

Классификация основана на формализованном подсчете коэффициента сходства, или связи памятников путем их взаимного попарного сопоставления по всем характеризующим их признакам. Коэффициент сходства Q был рассчитан по формуле логического "и" и "или":

$$Q = \frac{\text{общее количество признаков и там и там}}{\text{общее количество признаков или там или там}}$$

Для оценки различий в количественном проявлении признаков при подсчетах коэффициента сходства была введена двухбалльная система. Слабое проявление признака оценивается в один балл, сильное - в два балла. Результаты подсчетов и их графическое изображение после соответствующей перегруппировки памятников приведены в табл. 6.

Как видим, все учтенные нами памятники подразделяются на четыре группы. Первая группа, для которой в качестве эталонных можно рассматривать материалы Усатовского поселения и сопровождающих его курганных и грунтовых могильников, включает также поселение и могильники в Маяках, поселения Болтешты и Стоянцы, грунтовые могильники Данку I, Данку II, Данчены, курганы Подунавья и Поднестровья (табл. 5).

Своеобразие выделенной группы памятников обнаруживается по нескольким основным признакам. Только для рассматриваемой группы характерно сочетание погребального обряда как в курганных, так и грунтовых могильниках, содержащих трупоположения (100%) в скорченном виде, преимущественно на левом боку, с преобладающей ориентировкой на северо-северо-восток (рис. 18, А). На могильниках, и грунтовых, и курганных, часто встречаются каменные сооружения (кромлехи, закладки), культовые ямы, следы огня (кострища, зола, угли), кости жертвенных животных. Инвентарь погребений: керамика (более чем в 90% погребений), статуэтки, орудия труда, оружие, украшения.

Графическая передача значений коэффициентов сходства сопоставленных памятников Таблица 5

№ п/п	Памятники	Условное название группы										Территория
		Степное Северо-Западное Причерноморье										
7	Фолтешты	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
8	Сторжаны	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
22	Нанки, II.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
25	Усатово, II.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
26	Усатово, К.М.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
27	Усатово, Г.М.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
23	Маяки, К.М.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
24	Маяки, Г.М.	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
21	Бурган Нижнего Днестра	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
9	Ланчены	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
10	Данку I, Данку II	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
19	Выхватинцы	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
17	Солонченцы II	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
16	С-з им. Мичурина I	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
15	Дранешты	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
18	Гидирим	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
15	Мерешовка	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
4	Костешты, ГУ	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
32	Борнзиенцы - Циганка	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
13	Иванец "Швейцар"	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
28	Сандраки	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
17	Гординиешты	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
6	Хородиште	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
29	Цечора	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
12	Звеничин	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
14	Цикловичи	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
8	Брынзенская	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
9	Выхватинская	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
10	Усатовская	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
11	Среднее Поморье,	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□
12	Верхнее Поместровье и Побужье	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□

Керамический комплекс этой группы памятников (рис.19) включает приблизительно 30% и менее расписной керамики и 70% и более кухонной. Среди расписной ведущими формами являются сосуды типов I, I; I,4; I,5 и др. Лишь для данной группы характерны амфорки с четырьмя ножками типа I,5,3. Для этой посуды свойственно только горизонтальное построение росписи. Основными орнаментальными композициями являются упрощенный и простой метопные орнаменты, встречающиеся преимущественно на полусферических мисках (рис.20). Значительный процент составляет сетчатая роспись, характерная для разных форм, преимущественно для амфор типа I,5.

Среди керамики из массы с примесями ведущими являются сосуды типов 2,I; 2,2; 2,4; 2,8; 2,10. Только для усатовских памятников характерны формы типов 2,2;2,12;2,13;2,14. Этой керамике свойственны орнаментальные мотивы преимущественно в виде "серпиков", "жемчужин" и оттисков шнурка. Орнамент покрывает главным образом наружный край венчика, горловину, плечики и тулово сосудов. Орнаментальные углубления часто заполнены белой пастой.

Отличительной чертой усатовских памятников является схематическая антропоморфная пластика, представленная преимущественно статуэтками усатовского и серезлиевского типов. Реалистические статуэтки Выхватинского типа встречаются лишь в единичных обломках.

Особенность усатовских памятников обнаруживается также и по контекстуальным свойствам металлических изделий кинжалов усатовского типа, долотец, топоров-тесел, шильев, встречающихся, как правило, в погребальных комплексах.

По аналогии с наиболее выразительными материалами к выделенной группе памятников можно отнести также поселения и могильники Слободзея, Граденцы, Раскайцы, Оланешты, Паланка, Рышешты, Бреилица, Слободка-Романовка, Ермолаевка и другие, характеризующиеся общими признаками.

Памятники рассматриваемой группы занимают степное Северо-Западное Причерноморье, включающее междуречья Нижнего Буга, Днестра и Дуная. Северная граница этих памятников проходит приблизительно по линии Яссы — Кишинев — Григориополь — Первомайск (рис.21).

В пределах Усатовской группы памятников намечаются две подгруппы, различные по количественному соотношению технико-технологических категорий, формам и орнаменту керамики, а также по месту распространения.

Одну из подгрупп составляют Усатовское поселение и его Первый и Второй курганные могильники. К этой же подгруппе, по-видимому, следует отнести грунтовый могильник в Раскайцах и некоторые из курганов Тираспольшины (Парканы, к.97). Указанные памятники харак-

теризуются приблизительно 30-10% росписной керамики, против 70-90% керамики второй категории. Для полусферических мисок обычным является сложный и упрощенный орнамент. Памятники этой подгруппы известны только по нижнему Поднестровью.

Вторую подгруппу образуют Первый и Второй грунтовые могильники в Усатово, отчасти соответствующее им поселение, поселения в Маяках, Фолтештах, Стоиканах, ур. Гард, грунтовые могильники Данку I, Данку II, Данчены, Рытешти, Брезилица и большинство погребений в одиночных курганах. Для поселений этой подгруппы характерно приблизительно 6-8% и менее расписной, и 92-94% и более прочей керамики. Могильники же, за редким исключением (Менак), дают, как правило, отдельные сосуды, чаще всего амфоры с крышками и другие формы, украшение преимущественно сетчатой росписью. Чаще и больше, чем на памятниках первой подгруппы, встречаются миски с S-овидным профилем (тип 2,2) и кубки (тип 2,13), цилиндрические сосуды (тип 2,14), статуетки Усатовского и Серезлиевского типов. Терриориально эта подгруппа фактически определяет ареал всей Усатовской группы памятников от Низовьев Дуная до Буга.

Свообразие упомянутых подгрупп памятников, единных по основным признакам и перекрывающихся территориально, можно объяснить лишь их разновременностью. Первую подгруппу, характеризующуюся большим процентом расписной керамики, можно рассматривать как более древнюю, а вторую - как позднейшую. Сходную точку зрения по вопросу Усатовских - эпонимных комплексов, высказывает и Э.Ф. Патокова [243, с.57].

Вторая выделенная группа памятников, для которых эталонными можно признать материалы Выхватинского могильника, объединяет кроме него поселения Солончены II, с-з им. Мичурина I, Бранешти, Гиддирим (см. табл.5,6). Отличительной чертой памятников Выхватинской группы является наличие только грунтовых могильников.

Керамический комплекс этих памятников (рис.22) включает приблизительно от 70 до 50% расписной и 30-50% кухонной посуды.

Среди расписной керамики ведущими являются формы следующих типов: I,1; I,4; I,5; I,6; I,8; I,9. Роспись характеризуется только горизонтальным построением. Наиболее распространенной является метопная роспись (рис.20), сочетания лент, реже - сетчатая.

В кухонной керамике ведущими можно считать формы типов 2,10,4; 2,8; 2,1. Для этой посуды наиболее характерна шнуровая орнаментация. Достаточно часто встречаются элементы в виде "серпиков", "хромсукин". В отличие от усатовской, лишь в единичных случаях обнажутое заполнение орнаментальных оттисков белой пастой.

На памятниках этой группы встречается только условно-реалистическая антропоморфная пластика. Исключение составляют три статуэтки усатовского типа, обнаруженные на Выхватинском могильнике, которые интерпретируются как импортные.

По аналогии с наиболее характерными материалами к рассматриваемой группе памятников можно отнести еще около 20 поселений и грунтовых могильников, известных по незначительным коллекциям, но обладающих сходными признаками. К таковым относятся поселения Рашков, Катериновка, Выхватинцы II, Солончены (церковь), Шолданешты (МРЗ), могильники Голерканы I, Голерканы II и др.

В отличие от ранее охарактеризованных, памятники Выхватинской группы занимают Среднее Поднестровье, приблизительно от г. Сорока (самым крайним северным памятником этой группы является поселение Косоуци) до устья Реута (крайние южные памятники – поселения Бранешты, Галошица). Примерно в 15-20 км южнее отмеченного рубежа проходит граница памятников Усатовской группы (рис.21).

Выхватинская группа объединяет достаточно однородные по основным признакам памятники. Вместе с тем детальный анализ материалов Выхватинского могильника, включающего погребения четырех хронологических микрогоризонтов [244; 96, с.43], и их сопоставление с материалами иных памятников позволяет наметить две разновременные подгруппы.

Первая подгруппа объединяет поселения Гидирим, Бранешты, Солончены II, Солончены (церковь) и могильник Голерканы I, которые, по-видимому, синхронизируются с двумя нижними микрогоризонтами Выхватинского могильника. Эти памятники представляют раннюю подгруппу. Она характеризуется преобладанием расписной керамики, составляющей около 60-70%. Для полусферических мисок – одной из наиболее распространенных форм – характерен сложный и упрощенный метопный орнамент.

Другую, позднюю, подгруппу образуют поселения Рашков, Выхватинцы II, Слободзея-Воронково, с-з им. Мичурина, которые, очевидно, синхронизируются главным образом с двумя верхними микрогоризонтами Выхватинского могильника. Комплекс керамики этой подгруппы включает около 40-60% расписной керамики. Другой отличительной чертой керамики памятников этой подгруппы является преобладание на полусферических мисках простого метопного орнамента, чаще встречаются миски из массы с примесью ракушки и др.

Разграничиваая выхватинские памятники на две разновременные подгруппы, следует, однако, иметь в виду предварительность таких разработок. Окончательное решение этого вопроса в настоящее время из-за недостаточности раскопанных поселений еще затруднительно.

Третью группу памятников образуют поселения Костешты IV, Варатик "Холм", Жванец "Шовб", Кубань, Мерешовка (второй сверху трипольский слой), для которых в качестве эталонных можно признать материалы поселения Брынзены-Цыганка (табл.5,6).

Одной из своеобразных черт этой группы является полное отсутствие как грунтовых, так и курганных могильников, что, учитывая степень изученности территории, очевидно, можно объяснить особенностями погребального обряда, который не материализовался в археологических памятниках.

Керамический комплекс памятников этой группы (рис.23) включает около 50-70% расписной и около 50-30% кухонной посуды.

Среди расписной керамики ведущими являются формы типов I,I; I,4; I,5; I,6; I,8. Отличительная черта столовой посуды Брынзенской группы – вертикальное построение росписи. Горизонтальное построение орнамента на этой керамике характерно менее чем для 50% посуды. С своеобразие ленточной росписи отражено в загруженности дополнительными элементами в виде "волчьих зубов" или "языков пламени". Только для этой группы памятников (среди позднетрипольских) свойственны антропоморфные и зооморфные мотивы росписи. На полуферических мисках – одной из ведущих форм – метопный орнамент составляет менее 50%. Как отличительную черту орнаментации этих мисок можно рассматривать сочетание горизонтально и вертикально расположенных полуovalных или дуговидных лент (рис.20, ф.8,9).

Для кухонной керамики ведущими являются формы типов 2,10;2,8; 2,4. Здесь преобладают шнуровая орнаментация и наколы. С своеобразные орнаментальные мотивы составляют бугорки-налепы на тулове сосудов, залипы или насечки по внешнему краю днища соуда.

На памятниках этой группы пластика представлена только условно-реалистическими статуэтками.

Среди изделий рассматриваемой группы памятников необходимо помянуть также костяные кинжалы.

По аналогии с наиболее характерными материалами к данной группе памятников можно отнести также поселения Богданешты, Кетрошика, Варатик I, Костешты II, Волошкове "Горбы", Бернашовка и др.

Памятники Брынзенской группы занимают Среднее Понурье (выше Фалешт) и Верхнее Поднестровье (от Атак до Стрыча) (рис.21).

В отличие от двух предыдущих описанных групп, брынзенские памятники более однородны по основным признакам. Каких-либо самостоятельных территориальных или хронологических подгрупп не наблюдается, хотя различия между отдельными памятниками имеются.

Четвертая группа объединяет поселения Хородиште, Сандрики, Печора, Звеничин, Чикловицы, Гординешты. Наиболее выразительная кол-

лекция керамики получена с поселения Гординешты, поэтому его материалы можно признать эталонными для всей группы (табл. 5, 6).

Отличительной чертой памятников Гординештской группы является отсутствие грунтовых могильников. Вопрос о наличии курганов остается открытым. К настоящему времени достоверно известен лишь один курган, в котором найдены гординештские материалы (Костеиты-курган). Учитывая недостаточную исследованность курганных (см.рис.2) ареала гординештских памятников, отсутствие курганных комплексов для этой группы памятников можно объяснить как временное явление, обусловленное субъективными причинами. В противном случае (т.е. если будущие раскопки покажут отсутствие курганов с гординештскими материалами) рассматриваемое обстоятельство может быть объяснено особенностями погребального обряда носителей гординештских традиций, который мог не отразиться ни в грунтовых, ни в курганных могильниках.

Керамический комплекс памятников Гординештской группы (рис.24) включает приблизительно 30% и менее раписной керамики (Гординешты - 29%, Хородиште - около 30%, Сандраки - 14%, Звеничин - около 6%)*, 70% и более кухонной. Для столовой посуды наиболее характерными являются формы типов I,I; I,4; I,5; I,8. С своеобразны шаровидные амфоры, снабженные крышками с грибовидной ручкой (тип I,5,2), не свойственные для памятников ранее описанных типов. Основными элементами орнамента являются сочетания широких лент, состоящих из узких полосок (от 3-4 до 16). Часто встречается сетчатая роспись.

Для кухонной керамики самыми характерными формами являются миски с профилированным краем венчика (типы 2,I), формы типов 2,4; 2,9, 2,10. Основные элементы орнамента - отиски шнура и наколы, нанесенные по внутренней поверхности (на мисках), верхнему краю, основанию горловины (реже - по всей горловине), а также по плечикам сосудов. С своеобразны орнаментальные пальцевые защищ по внешнему краю днищ, а также бугорки-налепы и упоры по тулову сосудов.

Антропоморфная пластика представлена единичными реалистическими статуэтками. Исключение составляет обломок схематической статуэтки серезлиевского типа, обнаруженный на поселении Сандраки, который, бесспорно, представляет усатовский импорт.

По аналогии с описанными материалами к Городиштенской группе памятников можно отнести еще около 30 поселений: Касперовцы, Митков, Жванец "Лысая гора", Вертужаны IV, Багруки, Русяны и др.

* Для поселений Цвиковцы и Печора точные данные о процентном соотношении столовой и кухонной посуды отсутствуют.

Приложение № 1 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 15.01.2002 г. № 10

Памятники выделенной группы занимают Верхнее и Среднее Попытуе (выше Ясс), Верхнее и отчасти Среднее Поднестровье (приблизительно выше Каменки), а также верховья Южного Буга (рис. 21).

В пределах рассматриваемой группы все памятники относительно однородны. Однако некоторые различия наблюдаются как по качественным, так и по количественным показателям, поэтому не исключено, что в будущем внутри группы появится возможность выделить несколько подгрупп.

Как видим, каждая из выделенных групп памятников обладает устойчивым набором керамики, антропоморфной пластики, специфическими орудиями труда и оружием, погребальными комплексами, а также определенными пространственными параметрами. Все это дает основание интерпретировать полученные группы как представляющие самостоятельные типы памятников, раскрывающие своеобразные культурные варианты позднего Триполья в междуречьях Южного Буга, Днестра и Прата.

Следует отметить, что полученные нами результаты по типологии памятников позднего Триполья на рассматриваемой территории в большей или меньшей степени совпадают с выводами Т.Г.Мовши, В.Г.Збеновича, Ю.Н.Захарука и других исследователей*. Однако проведенный анализ способствовал более четкому и полному определению своеобразия каждого из типов памятников, а также их территориальных параметров. Кроме того, анализ позволил обосновать типологическую самостоятельность группы Жванец - Костешты - Кубань, которая ранее в работах была лишь намечена Т.Г.Мовши.

Систематизация памятников

(генетическое, территориальное и хронологическое соотношение)

Очередная задача нашего исследования состоит в определении генетического, территориального и хронологического соотношений выделенных разнотипных групп памятников. Решение вопроса основано на их сравнительном анализе по всем основным характерным признакам (табл. 7).

Соотношение памятников Выхватинского и Брынзенского типов. Сопоставляемые типы памятников сходны по типам жилищ, по количественному соотношению технико-технологических групп керамики, по ведущим формам столовой и кухонной посуды, по культовой антропоморф-

* Совпадение выводов при различных методах исследования само по себе свидетельствует в пользу объективности полученных результатов.

Таблица 7

Сравнительная таблица разнотипных памятников по основным признакам

Признаки	Тип памятника	Усатовский	Балыгинский	Борисоглебский	Городищеский	Продолжение
СТОЛОВАЯ ПОСУДА						
Форма (рис. 6, А)		○	●	●	○	
Тип I		○	●	●	○	
3		○	○	●	○	
4,1		○	○	●	○	
4,2			●	○	●	
5,1		●	●	?	●	
5,2		○	●	●	○	
5,3		○	○	●	○	
6		○	●	●	○	
7		○	○	●	○	
8		○	●	●	?	
9		○	○	●	?	
Построение расписи						
горизонтальное						
вертикальное		●	●	○	○	
Орнамент (рис. 7, А)						
Тип I, I-2		?	●			
I,3-4		○	●	●	?	
2		○	●	●	○	
3		○	●	○	○	
4		○	●	○	?	
5,1-2		○	●	○	?	
5,3-4		○	●	●	?	
6,1-2		○	●	○	○	
6,3-4		○	●	○	○	
7,1-2		○	●	?	○	
7,3-4		?	●	○	●	
8,1-2		?	●	○	●	
8,3						
9,1-3		●	○	○	○	
9,4		●	○	●	●	
10						
КУХОННАЯ ПОСУДА						
Форма (рис. 6, Б)		●	○	○	●	
Тип I, I-3		●	○	○	●	
I,4-7		?	○	○	●	
2		●	○	○	○	
4,1		●	○	○	○	
4,2		?	○	○	●	
5,1		●	○	?	●	
5,2		●	○	○	●	
7		●	○	○	●	
10, I-3		●	○	○	●	
Орнамент (рис. 7, Б)						
Тип I		10, 4	...	○	●	● ○
2		II	...	○	○	●
3		12	...	○	○	●
4		13	...	○	○	●
5		14	...	○	○	●
СТАТУЭТКИ (рис. 13)						
Тип I, I-4		10, 4	...	○	●	○
I,5		II	...	○	○	●
2,1		12	...	○	○	●
2,2		13	...	○	○	?
2,3		14	...	○	○	●
2,4		12	...	○	○	?
ОРУДИЯ ТРУДА И ОРУЖИЕ (рис. 15)						
Тип I		10, 4	...	●	?	● ○
II		II	...	○	○	○
III		12	...	○	○	○
МОГИЛЬНИКИ						
Грунтовые		10, 4	...	○	○	○
Курганные		II	...	○	○	○
Трупоположение		12	...	○	○	○
Скорченное		13	...	○	○	○
На левом боку		14	...	○	○	○
Головой на С-СВ-В		12	...	○	○	○
Руки у лица		13	...	○	○	○
Кремлехи, закладки		14	...	○	○	○
Следы огня		10, 4	...	○	○	○
Кости животных		II	...	○	○	○
Культовые ямы		12	...	○	○	○
Бералка		13	...	○	○	○
Орудия труда, оружие.		14	...	○	○	○
Статуэтки		10, 4	...	○	○	○
Отсутствие могильнико-		II	...	●	●	●
в		12	...	●	●	●

ной пластике и т.п. Вместе с тем они различны по другим важным признакам. Так, для выхвачинских памятников характерны грунтовые могильники, в то время как население, оставившее брынзенские памятники, практиковало обряд, который не материализовался в археологических памятниках. Керамика выхвачинских памятников характеризуется исключительно горизонтальным построением росписи, а брынзенских – как горизонтальным, так и вертикальным расположением орнамента. Антропоморфные и зооморфные мотивы орнамента часто фигурируют на сосудах Брынзенской группы, но неизвестны для выхвачинской керамики. Наконец, одной из самых ярких отличительных черт сопоставляемых памятников является роспись полусферических мисок – ведущего типа формы. Для выхвачинских мисок единственная орнаментальная композиция – это метоп, представленный в различных типах и вариантах. Метопный орнамент характерен и для брынзенских мисок, но количественно на них преобладают композиции из сочетания горизонтально и вертикально расположенных полуовальных или дуговидных лент (рис.20).

Таким образом, сходство и различие памятников Выхвачинского и Брынзенского типов по одним и различие по другим существенным признакам неоспоримы.

Как уже отмечалось, сходство и различие памятников обусловлено их генетическим, территориальным и хронологическим соотношениями. Однотипные памятники относительно едины во всех отношениях и обычно полностью или почти полностью сходны по основным категориям материалов. Разнотипные памятники в рамках одной и той же культуры могут быть сходны только в одном или двух отношениях. Отсюда следует, что, определив сходство или различие сопоставляемых памятников в двух любых отношениях, можно получить ответ на вопрос о характере третьего отношения.

Территориальное соотношение памятников. Уже отмечалось, что памятники Выхвачинского типа занимают Среднее Поднестровье на участке приблизительно от г.Сорок до устья Реута – правого притока Днестра. Крайними северными памятниками являются поселения Косоучи II и с-з им. Мичурина I, крайними южными – поселения Бранешты, Галошица и др. В отличие от них, брынзенские памятники занимают Попрутье (выше Фалешт) и отчасти Поднестровье. Однако в Поднестровье эти памятники известны приблизительно от Атак и Могилев-Подольского и выше по течению реки. Крайне южным памятником этого типа в Поднестровье является поселение Мерешовка. Расположенные на Среднем Днестре памятники Выхвачинского типа представляют один локальный вариант, обозначенный как Среднеднестровский. Памятники Брынзенского типа представляют другой локальный вариант, который

можно обозначить как Среднепрутский, хотя частично его памятники распространяются и на Поднестровье (рис.21).

Таким образом, различия, наблюдаемые между основными материалами выхвачинских и брынзенских памятников, обусловлены тем, что, занимая разные территории, они представляют различные локальные варианты.

Генетическое и хронологическое соотношение памятников. Как уже отмечалось, генетическая связь бывает прямая и обратная. Прямая связь предполагает непосредственную взаимосвязь сопоставляемых групп памятников. При обратной связи сопоставляемые группы взаимосвязаны непосредственно или опосредованно, через третью группу, являющуюся исходной для двух первых. Генетическая связь определяется выявлением преемственности по основным, наиболее характерным категориям материалов (отразившимся в них культурным традициям). Характер связи определяется альтернативно, по крайней мере в пределах одного региона. Прямая генетическая связь исключает обратную и, наоборот, отсутствие прямой предполагает наличие обратной.

Между тем от определения альтернативы зависит решение вопроса о хронологическом соотношении памятников. При прямой генетической связи мы получим полную асинхронность (если, составив основу новой культурной группы, исходная прекращает свое существование) или частичную асинхронность (положенная в основу новой группы исходная продолжает еще свое развитие). Причем во втором случае асинхронность будет обязательной для нижних горизонтов исходной группы с ранними горизонтами памятников, представляющими вторичное образование. При обратной генетической связи мы получим полную асинхронность (если сопоставляемые группы отпочковались одновременно и просуществовали одинаковый промежуток времени) или только частичную. Но в таком случае синхронизация также будет зависеть от времени образования этих групп: если они образовались одновременно, то мы получим обязательную синхронизацию нижних горизонтов обеих групп, если в разное время, то получим обязательную синхронизацию поздних горизонтов рано образовавшейся группы с ранними горизонтами группы, образовавшейся позднее.

Обратимся к материалам и прежде всего определим те признаки, которые могут содержать интересующую нас информацию. Из списка сопоставляемых признаков можно исключить "укрепленность" или "неукрепленность" поселений, типы жилищ - площадки, землянки. Первые признаки не рассматриваются, потому что "засиженность" поселений обусловлена исторической ситуацией и не передается по традиции; вторые - поскольку перечисленные типы жилищ являются общими для Триполья признаками не только позднего, но и среднего и даже ранне-

го периодов. Остаются погребальный обряд, керамика и антропоморфная пластика. То, что именно эти категории материалов полнее всего отражают преемственность культурных традиций, - общепризнано.

Исходя из положения, полученного благодаря анализу степени изученности территории, что население, оставившее брынзенские памятники, практиковало обряд погребения, который не материализовался в археологических памятниках и, учитывая своеобразие погребального обряда Выхватинской группы, можем считать, что никакой генетической связи между этими памятниками нет.

Рассмотрим керамику. Уже отмечалось, что обе сопоставляемые группы едины по технико-технологическим признакам и ведутся формам керамики, причем наблюдается полное или почти полное совпадение и количественных показателей (см.табл.7). Само по себе это отражает параллелизм в развитии и исключает преемственность. Следовательно, наличие прямой генетической связи исключается. Обратимся к росписи. Наиболее распространенной для керамики выхватинских памятников является метопная орнаментация. Для памятников Брынзенского типа ведущей является композиция из сочетания горизонтально и вертикально расположенных дуговидных лент. Невозможно вывести Брынзенский тип орнамента из метопного и наоборот. Каждый из этих типов орнамента представляет разные и независимые традиции. О преемственности можно говорить только при рассмотрении встречающегося на брынзенских сосудах метопного орнамента, который мог появиться под влиянием выхватинских традиций, где имеются исходные типы. Но поскольку на брынзенских памятниках метопный орнамент является второстепенным, он не решает основного вопроса и, очевидно, отражает лишь наличие культурных контактов между носителями сопоставимых памятников.

Говоря о пластике, следует заметить, что за исключением единичных статуэток, на которых реалистично переданы детали лица и головы, антропоморфная пластика выхватинских и брынзенских памятников сходна. Этот факт подчеркивается и в работах Т.Г.Мовши [245, с.60]. Сходство наблюдается не только по качественным, но и по количественным показателям. Следовательно, по технико-технологическим и морфологическим признакам пластика, как и керамика, отражает не преемственность, а параллелизм.

Таким образом, сравнение основных признаков позволяет считать, что между сопоставляемыми памятниками нет прямой генетической связи. Поскольку памятники различны в территориальном и генетическом отношениях, то высокая степень сходства их материалов может быть обусловлена только тем, что они одновременны. С другой стороны, исходя из закономерности альтернативного решений вопро-

са о характере генетической связи, можно заключить, что сопоставляемые памятники сходны также и потому, что они представляют разные ответвления от какой-то третьей группы, предшествовавшей им во времени и явившейся исходной как для Выхватинской, так и для Бризенской. Иначе говоря, обе группы сходны и потому, что они связаны обратной генетической связью.

Для того, чтобы самостоятельно обосновать положения о синхронности сопоставляемых групп памятников достаточно привлечь количественные данные по категориям керамики. Процентное соотношение технико-технологических групп керамики является надежным хронологическим показателем. Это не вызывает сомнений, поскольку вытекает из статистики и теории культурного слоя [246]. Памятники Выхватинского и Бризенского типов дают одинаковое процентное соотношение как столовой, так и кухонной посуды; соответственно 50–70 и 30–50%. Совпадение этих показателей может свидетельствовать только об одновременности обоих типов памятников. Этот же вывод напрашивается при констатации совпадения количественных показателей по основным типам форм керамики и антропоморфной пластики.

Таким образом, и общая закономерность соотношения памятников (различия в двух отношениях предполагают сходство в третьем), и конкретный анализ основных категорий материалов дают один и тот же результат, а именно: памятники Выхватинского и Бризенского типов одновременны.

Рассмотрим положение об обратной генетической связи. В качестве исходных посылок можно взять установленную одновременность памятников и их сходство по технико-технологическим и морфологическим признакам керамики и по антропоморфной пластике. Сходство сопоставляемых групп по отмеченным материалам при их одновременности может быть обусловлено двумя обстоятельствами: явлением конвергентности или же тем, что традиции изготовления и оформления сходных материалов возникли на предшествующем этапе, а затем передались обеим группам памятников, на которых в дальнейшем они развивались одновременно и самостоятельно. Можно ли говорить о явлении конвергентности для групп памятников, расположенных в одинаковых экологических условиях и практически граничащих друг с другом? Мы исключаем такое. Следовательно, остается второе объяснение. Рассмотрим этот же вопрос, но в иной последовательности.

Для керамических комплексов обеих групп памятников наиболее распространены полусферические миски (тип I,1), шаровидные амфоры с ручками на тулове (тип I,4), амфоры с ручками на плечиках (тип I,5), сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (тип I,6) и горшки баночкой формы с тремя-четырьмя бугорками-

налепами по основанию горловины (тип 2,10,4). Формы типа I,5 и типа I,6 впервые появляются еще на этапах раннего и среднего периодов Триполья. Например, форма типа I,6 встречается уже на памятниках с боянoidными чертами (Бернашовка)^{*}, прекустанских поселениях Румынии [247, рис.27, ф.1,2; 67, ф.2] и через ряд трансформаций технико-технологического исполнения и отдельных морфологических признаков [248, рис.51; 249, с.29, рис.12, ф.2, 16] доходит вплоть до позднего Триполья, когда она получает широкое распространение. В отличие от этой формы типы I,I и I,4 не имеют аналогий (не следует путать с прототипами) на ранних и среднетрипольских памятниках. На выхватинских и брызенских памятниках они появляются как бы в готовом виде и составляют около 50% от всей керамики. Следовательно, эти формы могли возникнуть только на этапах перехода от среднего периода Триполья к позднему.

Правильность таких рассуждений находит подтверждение в материалах поселения Варваровка 15, датированных автором раскопок этапом У-І. Керамический комплекс этого поселения характеризуется преобладанием типов форм, свойственных для среднего Триполья. Вместе с тем на поселении впервые появляются полусферические миски [86, с.59, рис. 3/2-3/6]. Кроме того, представлена переходная форма от шаровидных сосудов к шаровидным амфорам с двумя ручками на туловище, как, кстати, и прототип орнамента в виде "горячего лика". Здесь же имеется и окончательно сложившийся тип этой формы [86, с. 58, рис.2/6]. Сходство варваровских поселений с выхватинскими и брызенскими памятниками наблюдается и по иным признакам. К сожалению, материалы этого интересного поселения полностью не опубликованы и количественные показатели не известны. А другие подобные памятники еще не раскопаны.

Приведенные выше данные позволяют говорить, что памятники Выхватинского и Брызенского типов связаны обратной генетической связью, и одним из исходных звеньев для обеих групп, по всей вероятности, являются памятники типа Варваровки 15. Следует однако учесть, что первые две группы не возникли непосредственно на основе варваровских, каждая из них отделена от варваровской какими-то еще промежуточными группами. Одна из таких промежуточных групп для памятников Варваровского и Брызенского типов стала известна благодаря раскопкам В.И.Маркевича в 1978 г. на поселении у с. Старые Бадрахи в Единецком районе. Это поселение, представляющее, бесспорно, самостоятельный и ранее неизвестный тип, по основным формам керамики, ее орнаментации и другим категориям материалов ти-

* Раскопки В.Г.Эбеновича в 1972 г.

тиологически одно из наиболее близких Брынзенской группе и предшествует ей во времени. Какие промежуточные группы разделяют памятники Выхватинского и Варваровского типов, сколько их, восходят ли первые непосредственно к Варваровским или же к какому-то из возможных типологических вариантов последних, — все эти вопросы не могут быть еще решены из-за слабой изученности поселений этапа У-І на Среднем Днестре.

Наконец, последнее, что следовало бы уточнить, это вопрос о степени синхронности сопоставляемых групп. Выше уже отмечалось, что наличие обратной генетической связи предполагает полную синхронность или только частичную, обязательную для нижних горизонтов обеих групп, или же нижних горизонтов одной группы с верхними другой.

Для решения этого вопроса можно прилечь тот же хронологический показатель — процентное соотношение категорий керамики по выделенным для Выхватинского могильника микрогоризонтам [244; 96, с.43]. Брынзенские памятники (микрохронология для них еще не разработана, и поэтому мы вынуждены пользоваться усредненными данными) дают 50–70% столовой керамики и 30–50% кухонной. Это количество соотносится, в основном, с двумя нижними (и отчасти с третьим) хронологическими горизонтами Выхватинского могильника, дающим от 28 до 77% (в среднем около 60%) столовой посуды и около 40% кухонной. Это положение подтверждается также наличием на брынзенских памятниках мисок с упрощенным метопным орнаментом, который характерен преимущественно для второго горизонта Выхватинского могильника.

Все сказанное относительно хронологического соотношения рассматриваемых групп памятников позволяет заключить, что памятники Брынзенского типа синхронизируются не со всеми, а главным образом только с двумя нижними микрогоризонтами Выхватинского могильника и соответственно с памятниками, представляющими раннюю для Выхватинского типа подгруппу.

Анализ всех категорий материалов на предмет выявления территориального, генетического и хронологического соотношения памятников Выхватинского и Брынзенского типов позволяет сформулировать основные выводы.

Во-первых, памятники Выхватинского и Брынзенского типов представляют два самостоятельных локальных варианта — среднеднестровский и среднепрутский.

Во-вторых, памятники указанных типов представляют две независимые генетические группы (ответвления), образовавшиеся в результате раздвоения культурных традиций предшествовавших им во времени памятников типа Варваровки 15, хотя как брынзенские (через

поселения типа Старых Бадражей), так и выхвачинские (?) разделены от Варваровских другими промежуточными группами.

В-третьих, бризенские памятники одновременны, но не со всеми, а лишь с ранней подгруппой памятников Выхвачинского типа.

Соотношение памятников Выхвачинского и Усатовского типов. Вопрос о соотношении памятников Выхвачинского и Усатовского типов в последние годы достаточно полно рассматривались в работах В.Г.Зеновича [18; 73] и Т.Г.Мовши [89; 91; 92]. Согласно этим исследователям, каждая из групп памятников представляет самостоятельные локальные варианты: Выхвачинская - на Среднем Днестре, Усатовская - в Причерноморье. Все группы предположительно признаются генетически связанными (из них Выхвачинская рассматривается как исходная) и в большей или меньшей степени синхронными.

Самостоятельно проведенный нами анализ материалов подтверждает положения В.Г.Зеновича и Т.Г.Мовши. Поэтому, обращаясь к вопросу о соотношении этих двух групп памятников, мы ограничимся освещением лишь самых важных моментов, которые позволят более аргументировать, а в некоторых случаях уточнить и конкретизировать уже известные положения. Методические вопросы соотношения памятников Выхвачинского и Усатовского типов решаются в той же последовательности, что и для ранее проанализированных групп.

Типологическое сопоставление (см.табл.?) рассматриваемых групп показывает, что для Выхвачинской группы характерны только грунтовые могильники, в то время как для Усатовской - как грунтовые, так и курганные. Памятники различаются процентным соотношением разных категорий керамики: выхвачинские дают 50-70% столовой и 30-50% кухонной, усатовские - 30% и менее столовой и 70% и более кухонной. Для Усатовской группы характерны типы форм (типы 2,2; 2,II; 2,I2; 2,I3; 2,I4), которые не известны для выхвачинских памятников. Наконец, Выхвачинскую группу характеризует только реалистическая антропоморфная пластика, Усатовскую же - преимущественно схематическая.

Отмеченные типологические различия сопоставляемых памятников обусловлены тем, что они представляют различные территориальные варианты: выхвачинские занимают Среднее Поднестровье, усатовские - степную часть Северо-Западного Причерноморья. Граница между этими вариантами проходит приблизительно по линии Григориополь-Кишинев (рис.21). Крайними южными для Среднеднестровского варианта являются поселения Еранешти, Галошица. Крайние северные для Усатовской группы - грунтовые могильники Данченки, Данку I, Данку II и курган у с.Буторы на Днестре.

Различные по перечисленным выше признакам памятники Выхватинского и Усатовского типов сходны по другим важным признакам. За исключением внешнего проявления могильников (курганные, грунтовые), обе группы сходны по всем остальным чертам погребального обряда: трупоположению, скорченности костяков, положению на левом боку (рис. 17), ориентировке (рис. 18) и пр. Причем сходство наблюдается и по количественным показателям.

Сходство памятников проявляется и в комплексе керамики, в частности столовой посуды. Усатовские памятники дают те же типы форм расписной посуды (не считая отдельных случаев) и те же типы орнамента, что и выхватинские. Так как именно погребальный обряд и керамика наиболее четко отражают культурную преемственность, вывод о наличии прямой генетической связи между выхватинскими и усатовскими памятниками не вызывает сомнения. Причем поскольку отмеченные черты погребального обряда и расписная керамика Причерноморских памятников имеют в качестве исходных традиций, характерные для среднеднестровских памятников, то первые можно интерпретировать как вторичные, возникшие на основе выхватинских.

Вопрос о хронологическом соотношении сопоставляемых групп решается, с одной стороны, на основании типологии метопного орнамента, сменность которого (от сложного, через упрощенный, к простому), как было установлено [96, с.35], отражает его последовательное изменение во времени. С другой стороны, такими исходными материалами могут служить импортные изделия. В качестве же шкалы относительной хронологии можно привлечь микрохронологию Выхватинского могильника [244; 96, с.43].

Усатовские памятники, как и выхватинские, дают сложный, упрощенный и простой метопный орнамент (рис.20). В обоих случаях метопный орнамент сопровождает одну из ведущих форм столовой посуды – полусферические миски. Учитывая, что сложный метопный орнамент характерен преимущественно для первого, упрощенный – для второго, а простой – для третьего микрогоризонтов Выхватинец, усатовские памятники, на которых присутствуют все эти типы (за исключением – А, I, I, рис. 7), можно признать синхронными всем трем горизонтам этого могильника. Более того, усатовские памятники следует считать одновременными и с четвертым горизонтом Выхватинского могильника. Это положение вытекает из того факта, что в погребениях четвертого горизонта Выхватинец была обнаружена шаровидная амфора с двумя ушками-наделами на плечиках, а также с сетчатой росписью [96, с.58, рис. 3, ф. 18]. Другая подробная амфора, сочетающаяся с иным вариантом сетчатой росписи и относящаяся к тому же горизонту, происходит из разрушенного погребения [96,

с.67, рис. 12, ф.7]. Шаровидные амфоры (тип I, б) с сетчатой росписью характерны для большинства усатовских памятников, причем главным образом позднейших, таких как Данчены, Брешица, Болград, могильники в Маяках и др.

В качестве самостоятельных и неоспоримых данных, свидетельствующих о синхронности усатовских и выхватинских памятников, выступают усатовские изделия, обнаруженные на выхватинских памятниках. К таковым относятся три статуэтки усатовского типа (рис. 25, ф. 1-3), обнаруженные в погребениях № 42, 47 третьего хронологического горизонта Выхватинец. Импортным можно также признать со суд с шаровидным туловом, орнаментированный вертикальными прорезами, который происходит из первого погребения Первого Голерманского могильника (рис. 25, ф. 4). Сосуды такого типа с ручками или без них характерны только для Причерноморских памятников (Усатовской грунтовой и курганный могильники, курганный могильник в Маяках и пр.). Таким образом, синхронность сопоставимых групп не вызывает сомнений.

Как отмечалось ранее, и выхватинские, и усатовские памятники включают в себя по две относительно самостоятельные разновременные подгруппы. Сопоставление категорий материалов по каждой из подгрупп дает возможность определить, что ранние Усатовские комплексы синхронизируются главным образом с ранними Выхватинскими, а поздние Усатовские с поздними Выхватинскими.

Приведенный выше анализ материалов выхватинских и усатовских памятников позволяет сформулировать следующие основные выводы относительно их соотношения:

1. Памятники Выхватинского и Усатовского типов представляют самостоятельные локальные варианты: первые – на Среднем Днестре, вторые – в степной части Северо-Западного Причерноморья;

2. Усатовские памятники генетически восходят к культурным традициям, представленным на ранневыхватинских памятниках, и составляют одно из их боковых ответвлений;

3. Памятники Усатовского типа почти полностью синхронизируются с выхватинскими. Причем ранние усатовские памятники одновременно с ранним выхватинским (двум нижним горизонтам Выхватинского могильника), а поздние усатовские – поздним выхватинским (двум верхним горизонтам Выхватинского могильника).

Соотношение памятников Гординецкого типа с другими группами. Вопрос о памятниках Гординецкого типа (Касперовского, или Северного локального варианта – по И.Н.Закаруку и Т.Р.Мовше) в последние годы наиболее полно рассматривался в работах Т.Р.Мовши [39; 90; 92]. Но, как уже отмечалось, генетическое, территориальное и

хронологическое соотношение их с другими памятниками далеко не всегда получало правильное освещение.

Типологическое сопоставление гординештских памятников с иными группами представлено на табл. 7. Как видим, гординештские памятники в сравнении с памятниками любой другой группы проявляют сходство по одним признакам, вместе с тем различаются по другим.

Соотношение гординештских и бринзенских памятников. Обе группы характеризуются отсутствием грунтовых могильников; и те и другие дают много сходных типов столовой и кухонной посуды, антропоморфных статуэток и пр. Вместе с тем эти группы различны по ряду других признаков, главным образом по их количественному проявлению (табл. 7).

Территориально сопоставляемые группы совпадают таким образом, что ареал бринзенских памятников полностью перекрывается ареалом гординештских памятников, занимающих кроме того и Верхнее Попрутье, Верхнее (до Стрила) и отчасти Среднее (выше Каменки) Подднестровье и Верховья Южного Буга (рис. 21). Бринзенские памятники занимают Среднее Попрутье и Подднестровье (приблизительно от Атак и Могилев-Подольского до Серета). Отмеченное обстоятельство не только раскрывает своеобразие территориального соотношения этих групп памятников, но и дает ключ к определению их хронологического соотношения. Дело в том, что территориальное совпадение типологически различающихся памятников предполагает их разновременность. Сопоставляемые группы характеризуются **обоями** положениями и, следовательно, их различие обусловлено тем, что они представляют разновременные локальные варианты. Этот же результат можно получить основываясь на количественных показателях керамики с учетом тенденции ее развития. Привлечение этого материала важно и потому, что он дает ответ на вопрос о последовательности групп во времени. Как уже отмечалось, тенденция развития позднетрипольской керамики заключается в постепенном убывании столовой посуды взамен кухонной. Было отмечено также, что бринзенские памятники дают около 50–70% столовой посуды, а гординештские – менее 30%. Если эти положения принять за исходные, то различие сопоставляемых групп можно объяснить только их разновременностью. Более того, поскольку бринзенские памятники дают больше столовой посуды, нежели гординештские, то можно уточнить, что первая группа памятников является древней второй.

Бесспорные данные, подтверждающие отмеченную разновременность и последовательность памятников Бринзенского и Гординештского типов, представляют многослойные поселения. В настоящее время известны три поселения, на которых культурные слои с материалами Гарди-

зенского типа полностью или частично перекрывают сграфитами с материалами Гординештского типа. Это поселения Южной "Лисой горы" [149, с.126], Дараабаны II (шурфовки В.Г.Збечевича в 1972 г.) и Мерешовка (шурфовки автора в 1975 г.).

Итак, мы определили, что отмеченное типологическое различие памятников Бризенского и Гординештского типа обусловлено их разновременностью. Учитывая это обстоятельство, а также то, что обе группы совпадают территориально, сходство памятников по многим из качественных показателей керамики можно объяснить генетической взаимосвязью этих памятников. И действительно, многие специфические для гординештских памятников признаки не характерны для других групп позднего Триполья на рассматриваемой территории и в качестве исходных находят параллели только на бризенских памятниках. Таковыми являются миски с профилированным венчиком (типы 2,1), амфоры с профилированными ручками (типы 1,4,2 и 2,4,2), орнаментальные детали в виде рельефных бугорков-налепов, защищенные по краю днищ и т.п.

Соотношение гординештских памятников с выхватинскими и усатовскими. Типологическое сопоставление этих памятников дает различие по всем основным категориям материалов. Различны типы килий, погребальный обряд, керамические комплексы. Схожи лишь отдельные формы и типы орнамента расписной и кухонной посуды, клинические антропоморфные статуэтки. Сходство сопоставляемых памятников столь незначительно, что предполагать, а тем более утверждать наличие прямой генетической связи между гординештскими памятниками с одной стороны, выхватинскими и усатовскими – с другой, не приходится. Такое предположение исключается и потому, что, как было установлено, гординештские памятники возникли на основе бризенских. Следовательно, незначительное типологическое сходство гординештских памятников с выхватинскими и усатовскими может быть обусловлено не прямой, а обратной генетической связью, т.е. тем, что усатовские через выхватинские, а гординештские через бризенские восходят к единой традиции этапа перехода от среднего к позднему Триполью. дальнейшее рассмотрение сопоставляемых групп включает определение их территориального и хронологического соотношения.

Памятники Выхватинского типа занимают Среднее Поднестровье приблизительно южнее Сорок. Гординештские памятники занимают главным образом Среднее и Верхнее Попрутье, Верхнее Поднестровье, а также часть Среднего Поднестровья приблизительно выше Каменки. Иначе говоря, на небольшом участке от Каменки до Сорок находим памятники обеих групп. Территориальное совпадение двух разнотипных групп предполагает их разновременность, но поскольку оно харак-

терио только для одного из небольших микрорайонов, являющегося к тому же периферийным для обоих типов, то их разновременность может быть полной или только частичной (т.е., одна из групп памятников разновременна не всем, а только части памятников второй группы).

Степень асинхронности сопоставляемых групп можно определить из установленного ранее соотношения гординештских памятников с бринзенскими, а последних с выхватинскими. Мы определили, что Бринзенские памятники древнее гординештских. Никаких данных, свидетельствующих о наличии между ними промежуточных звеньев (самостоятельных типов), нет. Установлено, что бринзенские памятники синхронизируются главным образом только с ранними выхватинскими. Поскольку гординештские памятники непосредственно следуют по времени за бринзенскими, которые синхронны только ранним выхватинским, то отсюда вытекает, что гординештские должны быть одновременны с поздними выхватинскими. Этот же вывод направляется и из самостоятельного сопоставления некоторых признаков гординештских и выхватинских памятников.

Памятники Гординештского типа дают около 30% столовой посуды; два верхних горизонта Выхватинского могильника также дают 30–35% столовой посуды (третий горизонт около 50%, четвертый – около 20%) [96, с.72, рис. 20]. Среди керамики погребений двух верхних горизонтов этого могильника имеются единичные экземпляры мисок с профилированным венчиком и орнаментом по их верхнему краю [96, с.65, рис.10, ф.17; II, ф.2]. Подобные миски, как и орнаментация по верхнему краю, не характерны для керамики ранних горизонтов Выхватинского могильника, зато они составляют основное своеобразие керамического комплекса гординештских памятников. Поэтому присутствие этих типов на Выхватинском могильнике мы склонны рассматривать как результат культурных влияний или контактов между ними.

Приведенные выше данные позволяют считать, что гординештские памятники одновременны только двум верхним горизонтам Выхватинского могильника и соответствующим им поздним памятникам Выхватинского типа.

Территория памятников Гординештского и Усатовского типов различны (рис. 21). В Поднестровье их ареалы разделены памятниками Выхватинского типа. Границы ареалов первых двух групп, возможно, соприкасались лишь в Попрутье, где-то в районе Ясс.

Вопрос же о хронологическом соотношении этих памятников решается косвенным образом, благодаря установленной одновременности Гординештских памятников с поздними выхватинскими, а с другой сто-

рона, поздних выхвачинских с поздними усатовскими. Самостоятельные и бесспорные данные в пользу синхронности гординештских памятников с поздними усатовскими представляют взаимный импорт. В одном случае это статуэтка сереалиевского типа, характерная для поздних усатовских памятников, обнаруженная на поселении Гординештского типа в Сандраках (рис. 25, 5). В другом случае это типичная для гординештских памятников амфорка, снабженная конической крышкой с трибовидной ручкой (рис. 25, 6), обнаруженная на одном из позднейших могильников Усатовской группы у с. Данчены. Отмеченные обстоятельства позволяют признать гординештские памятники синхронными главным образом только поздним усатовским.

Основные выводы:

1. Памятники Гординештского типа генетически связаны с брынзенскими и возникли на их основе. Гординештские памятники, будучи более поздними, нежели брынзенские, непосредственно следуют за ними во времени и полностью перекрывают их ареал, занимая и другие районы вокруг;

2. Гординештские памятники генетически не связаны прямо с выхвачинскими, частично перекрывают их ареал и синхронизируются только с поздними;

3. Гординештские памятники генетически не связаны прямо с усатовскими. Они занимают разные территории. Гординештские памятники синхронизируются только с поздними усатовскими*.

Структурное соотношение памятников. Приведенный сравнительный анализ выделенных для позднего Триполья Приднестровья и прилегающих территорий относительно самостоятельных групп памятников Выхвачинского, Усатовского, Брынзенского и Гординештского типов, позволил установить, что по основным категориям материалов они не только различны, но и сходны, и что такое двойственное их проявление обусловлено определенной генетической, территориальной и хронологической соотнесенностью памятников.

Как было установлено, памятники Выхвачинского типа генетически связаны с усатовскими. Ранние выхвачинские памятники по отношению к усатовским выступают как носители исходных культурных традиций. Обе группы памятников, каждая из которых включает относительно разновременные подгруппы, синхронизируются таким образом,

* Автор сознательно не говорит о соотношении памятников Брынзенского и Усатовского типов. Их типологическое сходство минимально. Допимают они отдаленные друг от друга территории. Прямой генетической связи между ними нет. Брынзенская группа отчасти синхронизируется главным образом только с ранними усатовскими памятниками. Такая синхронизация определяется косвенным путем через памятники выхвачинского типа.

что ранние усатовские в основном одновременны с ранними выхвачинскими, а поздние усатовские – с поздними выхвачинскими. В территориальном отношении выхвачинские и усатовские памятники различны: первые занимают Среднее Поднестровье, вторые – степное Причерноморье.

Памятники Брынзенского типа генетически связаны с гординештскими и по отношению к ним являются исходными. Обе группы территориально совпадают таким образом, что ареал гординештских полностью перекрывает ареал брынзенских, занимая кроме Среднего Попрутья и отчасти Верхнего Поднестровья также Верхнее Попрутье, Верхнее Побужье и отчасти Среднее Поднестровье. Брынзенские и гординештские памятники различны в хронологическом отношении; первые являются древнейшими, вторые – более поздними.

Обе выделенные парные группы памятников не связаны прямой генетической связью, хотя каждая из них, первая через выхвачинскую, вторая через Брынзенскую, восходит к единим культурным традициям предшествующих им во времени памятников, очевидно, типа Варваровки 15.

Поскольку генетическая связь выступает как основная структурообразующая, то из установленной закономерности следует, что памятники выхвачинского и Усатовского типов, с одной стороны, а с другой – брынзенские и гординештские памятники выступают как составляющие компоненты двух различных подструктур, которые в свою очередь выступают как составляющие компоненты еще более сложного структурного образования – позднего Триполья Приднестровья, Попрутья и Побужья.

Отмеченное соотношение памятников, раскрывающее структурную целостность позднего Триполья Приднестровья и прилегающих районов, а также сложность его компонентного состава, убедительнее всего обнаруживается при формализованном подсчете силы связи сопоставляемых исходных подразделений и определяется как различная степень сходства и различия типов по основным категориям материалов.

Сходство и различие типов памятников определены путем взаимного попарного их сопоставления по признакам, характеризующим керамику, антропоморфную пластику и погребальный обряд (см.табл.7). Коэффициент сходства и различия (Q) вычислен по формуле логического "и" и "или" с оценкой признаков в один (слабое проявление) и два (сильное проявление) балла.

Результаты подсчетов приводятся в табл.8, а их графическое изображение – в табл.9.

Вычисленные для всех попарно сопоставленных групп памятников коэффициенты сходства фиксируют сильную связь между уса-

Т а б л и ц а 8

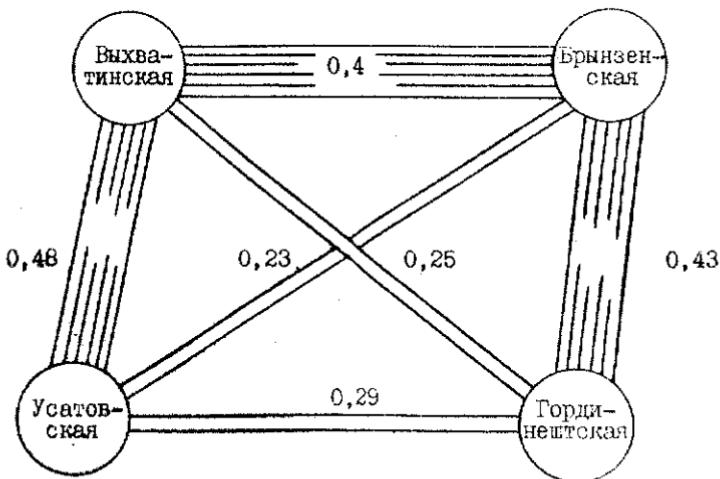
Результаты подсчетов (А) и значения коэффициентов сходства (Б) попарно сопоставленных разнотипных групп памятников по основным категориям признаков (табл.7) с оценкой признаков в один (слабое проявление) и два (сильное проявление) балла

Усатовская	Выхвачинская	Бринзенская	Гординештская
	<u>49</u> 103	<u>28</u> 121	<u>34</u> 118
	<u>38</u> 96	<u>27</u> 110	
A		<u>40</u> 94	

Усатовская	Выхвачинская	Бринзенская	Гординештская
	0,48	0,23	0,29
		0,4	0,25
B			0,43

Т а б л и ц а 9

Граф, построенный на значениях коэффициентов сходства попарно сопоставленных групп памятников
 — слабая связь, — сильная связь

товскими и выхватинскими памятниками, для которых $Q = 0,48$. Брынзенские же памятники сильно связаны с гординештскими, для которых $Q = 0,43$. Во-вторых, памятники обеих пар связаны между собой, но эта связь сильнее всего выражена для выхватинских и брынзенских памятников, для которых $Q = 0,4$.

Каждому из зафиксированных положений можно дать соответствующее объяснение.

I. Все взаимосвязанные между собой разнотипные группы памятников вместе составляют единое структурное целое. Структурная целостность памятников позднего Триполья рассматриваемой территории обнаруживается в едином для всех них культурном горизонте. Этот горизонт включает различные категории материалов, но наиболее полно распознается среди морфологических признаков столовой посуды. Таковой являются полусферические миски (тип I,1), амфоры с двумя ручками на тулове (тип I,4) или с ручками-ушками на плечиках (тип I,5), сосуды с усеченно-конической горловиной (тип I,6). Именно перечисленные формы керамики обеспечивают высокий коэффициент сходства между Выхватинскими и Усатовскими, Брынзенскими и Гординештскими, а также между объединяющими эти парные группы Выхватинскими и Брынзенскими. Другим характерным для рассматриваемого горизонта признаком является наличие сосудов баночного типа с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины из массы второй категории, а также реалистических статуэток Выхватинского типа. Все перечисленные признаки, составляющие как бы своеобразный комплекс, или горизонт материалов безотносительно к их количественному проявлению, характерны для всех разнотипных памятников рассматриваемой территории.

2-3. В рамках выделенного структурного образования связанные между собой памятники Усатовского и Выхватинского типов, с одной стороны, Гординештского и Брынзенского - с другой, образуют две относительно самостоятельные подструктуры. Самостоятельность, целостность подструктуры, образованной памятниками Усатовского и Выхватинского типов, обнаруживается в едином и своеобразном горизонте по стилистическим признакам столовой посуды (особенно показательен метопный орнамент), морфологическим признакам кухонной посуды и погребальному обряду. Целостность второй подструктуры обнаруживается по единим для обеих групп памятников морфологическим и отдельным стилистическим признакам столовой и кухонной посуды и отчасти по погребальному обряду.

4. Обе подструктуры взаимосвязаны между собой таким образом, что выхватинские и брынзенские памятники вместе или по отдельности выступают носителями культурных традиций, которые прямо или

опосредованно восходят к единым истокам, предопределяющим и характеризующим самостоятельность и своеобразие всей структуры. вместе с тем, по отдельности эти памятники выступают как носители различных исходных культурных традиций (выхватинские для усатовских, бринзенские для гординештских), предопределяющих и характеризующих своеобразие и самостоятельность возникших на их основе подструктур. Первое обстоятельство проявляется в том, что выхватинские и бринзенские памятники дают одинаковые типы форм столовой и кухонной посуды, антропоморфной пластики, которые типологически, пусть даже через ряд промежуточных звеньев, восходят к памятникам типа Варваровки I5 и раскрывают своеобразие всего позднего Триполья на рассматриваемой территории. Второе обстоятельство обнаруживается, во-первых, в том, что характерные для выхватинских памятников орнаментация столовой посуды и погребальный обряд являются исходными, и передаваясь усатовским, вступают тем самым как выражющие своеобразие этой пары памятников в отличие от пары, представленной бринзенскими и гординештскими памятниками. Во-вторых, характерные для Бринзенской группы своеобразные черты керамики и погребального обряда, в свою очередь, являются исходными, передаются гординештским памятникам и тем самым вступают как отражающие специфику этой пары памятников в отличие от выхватинских и усатовских.

Единые в структурном отношении памятники Выхватинского, Бринзенского, Усатовского и Гординештского типов территориально составляют самостоятельную культурную зону позднего Триполья. Она включает земли, ограниченные с запада Карпатскими горами, с юго-востока Черным морем и с севера Южным Бугом, иначе говоря, Поднестровье, Попрутье и Побужье.

Каждая из выделенных подструктур в территориальном отношении проявляется как составляющая самостоятельный регион. Памятники Выхватинского и Усатовского типов образуют юго-восточный регион, включающий Среднее Поднестровье (ниже Сорок) и степную часть Северо-Западного Причерноморья (от низовья Южного Буга до Низовья Прута). Памятники Бринзенского и Гординештского типов образуют северо-западный регион, включающий Среднее и Верхнее Попрутье, Верхнее Поднестровье и верховья Южного Буга. Поскольку в пределах первой подструктуры составляющие ее компоненты представляют разные территориальные варианты, то границы юго-восточного региона совпадают с границами ареалов и выхватинских, и усатовских памятников. Так как в пределах второй подструктуры составляющие ее компоненты совпадают территориально, то границы северо-западного региона соответствуют границам ареала гординештских памятников,

потому что полностью перекрывает ареал брынзенских, занимая и другие земли вокруг. Границы каждого из выделенных регионов перекрываются лишь на незначительном участке Среднего Днестра, в районе Каменки и Сорок.

Единые в культурном отношении памятники брынзенского и Гординештского типов разновременны и следуют один за другим во времени. Первые являются древнейшими, вторые - более поздними. Памятники Выхватинского и Усатовского типов, каждый из которых включает разновременные подгруппы, в целом синхронны. Но ранние усатовские почти полностью синхронизируются с ранними выхватинскими, а поздние усатовские - с поздними выхватинскими.

Обе выделенные подструктуры в целом одновременны. Однако, брынзенские памятники синхронизируются только с ранними выхватинскими и ранними усатовскими, а гординештские - с поздними выхватинскими и поздними усатовскими. Каждая из выделенных групп представляют самостоятельные хронологические горизонты, которые соответствуют двум финальным этапам развития Триполья на рассматриваемой территории и которые вместе составляют поздний период этой культуры. Синхронные между собой брынзенские, ранние выхватинские и ранние усатовские памятники соответствуют раннему этапу позднего периода культуры, а синхронные гординештские, поздние выхватинские и поздние усатовские - позднему, или финальному ее этапу.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

Структура и компонентный состав

Проанализированные нами материалы Поднестровья, Попрутья и Побужья, равно как и проведенный другими исследователями анализ материалов памятников Волыни и Среднего Поднепровья, дают представление об исключительно сложной структуре культуры позднего периода Триполья (рис. 26).

Позднее Триполье объединяет восемь исходных структурных подразделений, образованных памятниками Лукашевского, Софиевского, Трояновского, Городского, Брынзенского, Гординештского (Касперовского), Выхватинского и Усатовского типов. Каждый из типов представляет самостоятельный локальный или локально-хронологический вариант культуры, отличающийся от остальных происхождением, территорией или хронологически.

В определенной взаимосвязи перечисленные исходные подразделения образуют четыре сложные подструктуры. Каждая из подструктур, объединяя по две генетически взаимосвязанные разнотипные группы памятников и отличаясь по происхождению и территориально, проявляется как самостоятельная генетическая линия, раскрывающая своеобразный региональный культурный вариант.

Один из региональных вариантов образуют генетически взаимосвязанные памятники Лукашевского типа (исходные и древнейшие) и Софиевского типа (вторичные и более поздние). Оба типа в своей основе восходят к культурным традициям предшествовавших им среднетрипольских памятников типа Чапаевки и еще более древних коломийских. Составляя единую генетическую линию, оба типа вместе характеризуют своеобразие развития культуры позднего Триполья на территории Среднего Поднепровья.

Другой региональный вариант представляют памятники Трояновского и Городского типов. Первые являются древнейшими, вторые - более поздними. Оба типа, несмотря на сильное влияние днестровско-прутских культурных традиций, восходят в своей основе к предшествующим им памятникам, очевидно, типа Хорьев, Колодяжное. Они представляют самостоятельную генетическую линию, раскрывающую особенности развития культуры позднего Триполья на Волыни.

Два других региональных образования представляют, с одной стороны, памятники Брынзенского и Гординештского типов, с другой - Выхватинского и Усатовского.

В первом случае брынзенские памятники являются исходными и более древними, а гординештские – вторичными. Составляя самостоятельную генетическую линию, эти памятники раскрывают особенности развития культуры позднего Триполья на Среднем и Верхнем Пруте, Верхнем и отчасти Среднем (выше Сорок) Днестре и на Верхнем Буге.

Среди второй пары памятников вторичными являются усатовские. Однако они не следуют выхватинским во времени. Имея в основе традиции, представленные лишь на ранневыхватинских комплексах, усатовские памятники развиваются одновременно с выхватинскими, но на иной территории. Оба типа составляют единую генетическую линию, в пределах которой усатовские образуют как бы второстепенное, боковое ответвление. Оба типа характеризуют развитие культуры позднего Триполья в степном и отчасти лесостепном Пруто-Бужском междуречье, но выхватинские памятники дают представление о развитии культуры на Среднем Днестре, а усатовские – в степном Северо-Западном Причерноморье.

Сложность соотношения памятников двух последних региональных образований заключается и в том, что в отличие от Волынских и Среднеднепровских, они взаимосвязаны генетически. Оба образования, одно через памятники выхватинского, другое через памятники брынзенского типа, восходят к единым культурным традициям, нашедшим отражение в материалах, очевидно, типа Варваровки I5 (хотя между первыми и последними имеется ряд промежуточных звеньев). Из этого обстоятельства следует, что, во-первых, обе выделенные подструктуры составляют компоненты еще более сложного структурного подразделения, соответствующего зональному культурному варианту позднего Триполья, во-вторых, обе представленные этими подструктурами линии являются ответвлениями единой генетической линии, раскрывающей особенности развития культуры на территории всего Поппрутья, Поднестровья и Побужья. При такой сложной иерархической структуре все позднее Триполье в номенклатурном отношении должно рассматриваться как соответствующее культурной или культурно-исторической области.

Среди генетических линий позднего Триполья днестровско-прутская была наиболее мощной и динамичной. Еще в начале периода ее культурные традиции проникли на Волынь, где, взаимодействуя с традициями, представленными, очевидно, на памятниках типа Колодяжного и Хорьева, они обусловили возникновение трояновских памятников. Эти же традиции, распространяясь еще далее на север, в определенный момент взаимодействовали с лукашевскими, предопределив образование и своеобразие Софиевского варианта. На финальном этапе днестровско-прутские культурные традиции, представленные, в частно-

ти, на гординештских памятниках, вновь проникнув на Волынь, предопределили возникновение памятников типа Городска. Причем в этом случае влияние днестровско-прутских традиций было столь велико, что некоторые исследователи не без основания интерпретируют городские памятники как составляющие типологический вариант днестровско-прутских [89].

Отмеченные обстоятельства имеют принципиальное значение, поскольку исходящая из Поднестровья и Центральной взаимосвязь памятников позволяет характеризовать позднее Триполье не только как простую совокупность региональных вариантов, развивающихся одновременно на разных территориях, но и как единое, относительно самостоятельное в рамках всего Триполья культурное явление. Это единство обнаруживается в своеобразном комплексе материалов, который можно обозначить как общепозднетрипольский культурный горизонт. Он распространяется на подавляющее большинство памятников, соответствующих по схеме Т.С.Пассек только этапу С-2,У-2, и дает возможность отграничивать позднетрипольские памятники как от предшествующих среднетрипольских (в том числе памятников этапа С-1,У-1), так и от одновременных инокультурных памятников.

Наконец, как уже отмечалось, большинство региональных образований позднего Триполья объединяет по два разновременные группы памятников. Синхронизируя разнотипные памятники различных регионов, поздний период Триполья можно разделить на два самостоятельных этапа, обозначив их как ранний и поздний, или финальный. Ранний этап включает в большей или меньшей степени одновременные памятники типа Бризен на Среднем Пруте и Верхнем Днестре, ранние выхвачинские памятники на Среднем Днестре и в Причерноморье памятники типа Троянова на Волыни и типа Лукашей на Среднем Днепре. Финальный этап позднего Триполья представляют в основном одновременные памятники типа Гординешт на Среднем и Верхнем Пруте, Верхнем и отчасти Среднем Днестре и Верхнем Буге, поздние выхвачинские и поздние усатовские памятники на Среднем Днестре и в Причерноморье, памятники типа Городска на Волыни и типа Софиевки на Среднем Днепре (рис.26).

Структура позднего Триполья полнее всего раскрывается через характеристику каждого из составляющих его компонентов. Причем учитывая сложность структуры, характеристику его подразделений следует давать не только по каждому из типов памятников, но по типам в пределах каждого из образованных ими регионального или зонального образований (рис. 27). Такая последовательность позволяет нагляднее раскрыть как отличительные, так и общие черты каждого из простых или сложных подразделений, а также всей структуры позднего периода Трипольской культуры в целом.

Позднее Триполье Попрутъя, Поднестровья и Побужья

Все позднетрипольские памятники Попрутъя, Поднестровья и Побужья генетически взаимосвязаны между собой и представляют относительно самостоятельный зональный вариант Трипольской культуры в ее позднем периоде. Относительная самостоятельность этого варианта обусловлена тем, что все составляющие его компоненты прямо или косвенно в своей основе восходят к культурным традициям, представленным на памятниках, очевидно, типа Варваровки 15. Обнаруживается же самостоятельность этого зонального варианта наряду с территориальной обособленностью в своеобразном горизонте материалов, включаящем четыре типа форм столовой посуды (полусферические миски, шаровидные амфоры с двумя ручками на тулове, амфоры с ручками-ушками на плечиках и сосуды с высокой усеченно-конической горловиной), один тип формы кухонной посуды (горшки с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины) и реалистическим статуэткам так называемого вихватинского типа. В совокупности перечисленные материалы в большей или меньшей степени свойственны всем разнотипным памятникам рассматриваемого зонального варианта. Однако они не характерны для памятников среднего Триполья на рассматриваемой территории, хотя некоторые из них и имеют прототипы на них. Выделенный комплекс встречается на памятниках Золини и Среднего Поднепровья, но там они варьируют по ряду признаков и отличаются от днестровско-прутских.

Единые в культурном отношении и по происхождению памятники Попрутъя, Поднестровья и Побужья подразделяются на два региональных культурных варианта, каждый из которых обладает своеобразными чертами. Развиваясь одновременно, региональные варианты раскрывают особенность культуры позднего Триполья на Среднем Днестре и в степной части Северо-Западного Причерноморья (первый) и на Среднем и Верхнем Пруте, Верхнем и отчасти Среднем Днестре, на Верхнем Буге (второй).

Позднее Триполье Среднего Поднестровья и Причерноморья

Рассматриваемое региональное образование представлено группами памятников Вихватинского и Усатовского типов, генетически связанными между собой. Обе группы имеют в качестве исходных культурные традиции, прослеживающиеся в материалах ранневихватинских комплексов, чем и обусловлена целостность образованного ими регионального варианта. Структурное единство и самостоятельность это-

го варианта обнаруживается в его территориальной обособленности от ареала памятников другого регионального варианта, а также в росписи керамики (исключительно горизонтальное построение росписи, метопная орнаментация) и погребальном обряде (скорченное трупоположение в грунтовых или грунтовых и курганных могильниках). Все эти признаки в совокупности не характерны ни для среднетрипольских памятников рассматриваемой территории, ни для позднетрипольских памятников других региональных вариантов в внутри зоне или же за ее границами на Волыни и Среднем Днепре.

В пределах региона составляющие его памятники Выхватинского и Усатовского типов представляют разные локальные варианты: выхватинские памятники характеризуют культуру позднего Триполья на Среднем Днестре, а усатовские - в Причерноморье.

Памятники Выхватинского типа. Памятники Выхватинского типа были открыты еще в конце 40-х гг., однако их типологическая самостоятельность была определена сравнительно недавно [89; 91; 96].

К настоящему времени известно около 30 памятников этого типа. Они расположены на обоих берегах Днестра, приблизительно от Сорок на севере до Дубоссар и устья Реута - на юге (см.рис.2?). Памятники этого типа представлены поселениями и грунтовыми могильниками.

Поселения с материалами Выхватинского типа остаются еще слабо изученными, что затрудняет их характеристику. Незначительные раскопки проводились лишь на поселении Солончены II, а также (шурфовки) на поселениях у с.Бранешты, Гидирим, с-з им. Мичурина I, Бодланешты (ГФЭ).

Более двух третей поселений расположены на первых надпойменных террасах Днестра и его притоков. Остальные известные поселения занимают высокие коренные берега и мысовидные выступы. Поселения, укрепленные валами, рвами или экскарпами, неизвестны.

На поселениях засвидетельствованы остатки жилищ в виде площадок и землянок. Однако ни одно из них полностью не было раскопано, поэтому судить об их конструктивных деталях, равно как и о планировке на поселениях, еще не представляется возможным. Частично раскопанная на поселении Солончены II землянка имела полуовальную форму. Длина сохранившихся контуров по линии север-юг составляла 5 м, а по линии восток-запад около 2 м. Неровный пол понижался уступом и достигал в южной части глубины до 0,6 м от уровня прослеженных контуров. В заполнении землянки обнаружена керамика, орудия труда, кости животных [157, с.98].

Для рассматриваемого локального варианта известны три грунтовых могильника: один у с.Выхватинцы и два у с.Голерканы. Выхватинский могильник расположен на высоком мысу, образованном ле-

ным берегом Днестра и двумя глубокими оврагами. Могильник был открыт еще во время Великой Отечественной войны. Раскопывался он главным образом на протяжении 50-х гг. экспедицией, действовавшей под руководством Т.С.Пассек. За время работ было обследовано около трети могильника, зафиксировано 63 погребения [96, с.9].

Первый Голерканский могильник обнаружен в 1954 г. в процессе исследования раннетрипольского поселения, расположенного на высоком правом склоне Днестра. Было расчищено три погребения [159, с.25]. Второй могильник известен по разрушенному погребению, из которого происходит амфорка с двумя ручками-ушками на плечиках [79, с.132].

Курганные комплексы с материалами Выхватинского типа не известны. По-видимому, население, оставившее выхватинские памятники, хоронило умерших только на грунтовых могильниках.

На примере Выхватинец можно определить, что каждый могильник состоял из двух участков. На одном из них последовательно хоронились все члены определенной общины, как дети, так и взрослые. Другой участок был отведен под семейные некрополи. На Выхватинском могильнике отчетливо выделяются три группы семейных погребений. Каждый из таких некрополей включает одно или два мужских, одно женское и от одного-двух до шести детских погребений [96, с.54]. Раскопанные на Первом Голерканском могильнике погребения, по-видимому, также составляли семейный некрополь.

Все без исключения погребения, известные сейчас для Среднеднестровского варианта, совершены по обряду трупоположения. Умершие опускались в овальные или подпрямоугольные ямы, дно которых иногда посыпалось охрой, белой каолиновой глиной или золой и, очевидно, застипалось циновкой. Глубина ям, вероятно, зависела от возраста погребенных; так захоронение детей совершалось в неглубоких ямах (в среднем до 1,25 м), взрослых хоронили в более глубоких.

Погребенных укладывали в скорченном положении (100%), преимущественно на левом боку (75%), реже на правом боку или на спине. Руки сгибались в локтях, кисти перед лицом (более 80%), иногда на животе или вдоль туловища.

Ориентированы погребенные преимущественно на северо-северо-восток (более 75%). Причем в этом направлении ориентированы все женские захоронения, около 60% мужских и более 80% детских. Меньшее число погребенных ориентировано на юго-восток, юг и юго-запад (рис. 18).

После помещения трупа в могилу туда опускали сосуды (от одного до пяти-семи, реже - девять-одиннадцать) с содержанием, по-видимому, пищу и питье. Кроме керамики, которая сопровождает более 95% погребен-

ных, в детских погребениях найдены антропоморфные статуэтки, погре-
мушки, иногда - прясла. В мужские взрослые захоронения клади орудия
труда (кремневые серпы, роговые и костяные мотыги, ложила, острия)
в единичных случаях встречаются каменные топоры, костяные горгуши,
металлические шилья. В женских погребениях кроме керамики изред-
ка встречаются прясла. Украшения в виде подвесок и бусинок из раз-
личных материалов имеются только в детских и взрослых мужских по-
гребениях.

После совершения погребения ямы перекрывались деревянным на-
стилом и засыпались землей. Место захоронений обозначалось ка-
менными закладками или круглыми в плане кромлехами.

Население, оставившее выхватинские памятники, практиковало
только одиночные погребения.

Из-за нераскопанности поселений коллекция орудий труда и ору-
жия с выхватинских памятников малочисленна (рис.28, ф.30-42). Орудия
труда из кремня представлены клиновидными топорами, серпами с
заполированым рабочим краем, ножевидными пластинами. Интересен
топор-молот из погребения № 9. Он снабжен рукоятью из белой ивы
(*Salix alba* L.), которая была скреплена двумя клиньями и обоймой
из меди. Имеются мотыги, изготовленные из комоловой части или
ствола рогов благородного оленя. Из отростков рогов сделаны
боевые клевцы с муфточкой посередине, поворотный тарпун, тычки и
острия. Многочисленны проколки и острия из мелких костей или ос-
колков крупных трубчатых костей животных. Из сколов трубчатых кос-
тей изготавливались удлиненных пропорций прямоугольные ложила, а так-
же представленный в единственном экземпляре кинжал, который по
оформлению напоминает костяные антропоморфные статуэтки, харак-
терные для раннетрипольских и гумельницких памятников (рис.28, ф.34).
Из глины изготовлены прясла луковичной, реже - усеченно-биконичес-
кой формы. Некоторые из них орнаментированы круглыми наколами
(рис.28, ф.41, 42). Металлические предметы представлены только
одним экземпляром четырехгранныго шила, найденного в мужском
погребении № 7 Выхватинского могильника (рис. 28, ф.45).

Керамика Выхватинских памятников представлена столовой рас-
писной посудой и кухонной посудой с примесью ракушки. Столовая по-
суда составляет около 50-70%, кухонная - 30-50%.

По морфологическим признакам керамика представляет 10 основ-
ных типов форм, которые характерны как для столовой, так и для
кухонной посуды. Наиболее характерными формами являются: полусфе-
рические миски (рис.28, ф.1-4), шаровидные амфоры с двумя ручками
на тулове (рис. 28, ф.7-9, 12,13), амфоры с двумя ручками-
ушками на плечиках (рис.28, ф.10,11, 17-19), сосуды с шаровид-

ным туловом без ручек (рис. 28, ф.20, 21). Эти формы свойственны обеим категориям керамики. Только для столовой посуды характерны сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (рис.28, ф.14-16). Только для кухонной посуды свойственны сосуды баночных форм, снабженные тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины (рис. 28, ф.28).

Столовая посуда характеризуется исключительно горизонтальным построением орнамента выполненного черной, реже - черной и красной росписью и расположенные на внешней, а на мисках и на внутренней поверхности. Одним из наиболее широко распространенных является метопный орнамент, подразделяющийся на три типа: сложный, упрощенный и простой (рис.20, ф.4-7). Все три типа характерны преимущественно для мисок, но встречаются и на других формах. Распространенной является композиция в виде "совиного лика", встречающаяся на амфорах с двумя ручками на тулове. Для остальных форм характерны композиции из различных сочетаний полуovalных или дуговидных лент. Изредка имеется сетчатая роспись.

Орнамент кухонной керамики более однобразен. На мисках встречаются защипы или насечки по верхнему краю венчика. Все прочие формы сосудов чаще всего орнаментированы лентами из одного-четырех оттисков шнура, опоясывающими основание горловины. Оттиски шнура часто сочетаются с полосками из круглых или треугольных в плане наколов. Некоторые сосуды украшены только наколами. Изредка встречаются "жемчужины" под краем венчика, вертикальные ленты по плечикам сосудов.

Типология керамики памятников Выхватинского типа с учетом технико-технологических, морфологических и стилистических признаков, а также их приблизительное количественное соотношение приведены на рис.22; 28, ф. I-29.

Культовая пластика известна главным образом по антропоморфным статуэткам, обнаруженным в погребениях Выхватинского могильника. Статуэтки изображают женские фигуры и относятся к типу реалистических, или к так называемому Выхватинскому типу (рис. 28, ф.46, 47, 49). Кроме реалистических здесь найдены три экземпляра схематических статуэток, представляющих усатовский импорт.

К предметам культа следует отнести также две погремушки из погребений. Они имеют грушевидную форму и изготовлены из массы, характерной для столовой посуды. Одна погремушка завершается грибовидным отростком, другая - антропоморфной головкой. На первой роспись не сохранилась, вторая украшена сетчатой росписью (рис.28, ф. 48).

Украшения памятников Выхватинского типа немногочисленны и маловыразительны и происходят из погребений Выхватинского могильника. Они представлены створками раковин *unio* или сухопутными просверленными раковинами, которые использовались в качестве подвесок. Иногда из раковин *unio* вытачивались мелкие овальные подвески, кольцевидные бусинки. Имеются единичные экземпляры шаровидных бусинок, выточенных из камня (рис. 28, ф. 43, 44).

Как известно, погребения Выхватинского могильника подразделяются на четыре хронологических горизонта [96, с. 43]. Если исходить из предположения, что каждый из этих горизонтов соответствует одному-двум поколениям, а возраст одного поколения, при крайней низкой средней продолжительности жизни населения [250, с. 12] принять за 20–25 лет, то время действия этого памятника, а по всей вероятности и Выхватинской группы в целом, составляло не менее 135 ± 15 лет. Максимальная же продолжительность, по-видимому, не превышала 270 ± 30 лет.

Соотнесение материалов известных сейчас памятников Средне-Днестровского варианта с материалами выделенных для Выхватинского могильника хронологических горизонтов позволяет наметить две разновременные группы. Одна из них объединяет поселения Гидирим, Бранешты, Солончены II, могильник Голеркани I, которые, очевидно, соотносятся с погребениями двух нижних горизонтов Выхватинец. Они образуют раннюю группу, характеризующуюся преобладанием расписной керамики, а для полусферических мисок – преимущественно сложным и упрощенным метопным орнаментом. Вторую, позднюю группу представляют поселения Рацков, Выхватинцы I, Слободзея-Воронково, Катериновка, с-з им. Мичурина I и другие, материалы которых, вероятно, соотносятся с материалами двух верхних горизонтов Выхватинского могильника. Эти памятники характеризуются равным процентом столовой и кухонной посуды или, возможно, преобладанием последней. Для полусферических мисок этих памятников свойствен преимущественно простой метопный орнамент. Кроме того, на них чаще встречаются миски из массы с примесью ракушки.

Из-за недостаточности раскопанных поселений вопрос об относительной хронологии памятников Выхватинского типа нуждается в уточнении, но сам факт наличия разновременных типологических вариантов не вызывает сомнений.

Происхождение выхватинских памятников сейчас невозможно определить из-за слабой изученности поселений Выхватинского типа и предшествующих им памятников перехода от среднего к позднему Триполью в Среднем Поднестровье. Основываясь на сопоставлении материалов известных сейчас памятников, можно утверждать, что материа-

лы выхватинских памятников имеют в качестве исходных культурные традиции, представленные на памятниках типа Барваровки I5. Однако эти группы разделены рядом промежуточных звеньев (типов, или типологических вариантов), которые остаются еще не известными. Нет данных и для определения абсолютной датировки выхватинских памятников. Решение этого вопроса возможно сейчас только на основании их синхронизации с усатовскими памятниками.

Памятники Усатовского типа. Первые комплексы с материалами памятников Усатовского типа стали известны еще в конце прошлого столетия. В 1912 г. было открыто поселение Усатово - Большой Куяльник, которое начиная с 1921 г. вместе с открытыми впоследствии близ него двумя курганными и двумя грунтовыми могильниками, с незначительными перерывами исследовалось вплоть до начала 70-х гг. [181]. Материалы этих комплексов столь ярки и значительны, что определили название всей группы. В самостоятельный тип Усатовские памятники были выделены в 40-х гг. Е.Ф.Лагодовской [8; 10]. В последние годы большое внимание исследованию памятников Усатовского типа уделяли В.Г.Збенович [73], Э.Ф.Натокова [181], М.Петреску-Дымбовица и Д.Марин [74; 75].

В настоящее время известно более 50 усатовских памятников. Они занимают степную часть междуречья Прута, Днестра и Южного Буга. Северная граница проходит приблизительно южнее линии Иессы-Кишинев-Григориополь-Первомайск (рис.27). В Поднестровье усатовские памятники граничат с выхватинскими, а в Полтавье - отчасти с гординецкими, отчасти с брынзенскими. Усатовские памятники представлены поселениями, грунтовыми и курганными могильниками.

Известны шесть поселений Усатовского типа. Они локализуются в прибрежных районах. Несмотря на интенсивные разведывательные исследования последних лет, проведенные украинскими археологами во внутренних районах Днестровско-Дунайского междуречья, усатовские поселения здесь не обнаружены. Это обстоятельство, возможно, указывает на то, что усатовское население свои долговременные поселения устраивало вблизи рек, а не в степных безводных районах.

Усатовские поселения чаще всего расположены на мысах или пла-то берегов рек и лиманов. С напольной стороны поселение Маяки, как показали раскопки, было укреплено двумя линиями рвов. Рвы обнаружен также и с напольной стороны на поселении в Фолтештах. В обоих случаях рвы глубиной от 2,3-2,6 (Фолтешты) до 3,2-3,8 м (Маяки) имели воронковидную в сечении форму. Ширина рвов в различных местах на уровне обнаруженных контуров составляла от 4-5 до 6,8 м.

Несмотря на значительные раскопки поселений Усатовского типа, хозяйствственно-бытовые комплексы остаются еще относительно слабо изу-

земными. В результате раскопок на усатовском эпонимном поселении были обнаружены остатки каменных сооружений, различные по форме и размерам, которые практически остались непонятными. Часть сооружений одни специалисты предположительно трактуют как остатки фундаментов от наземных жилищ, другие – как остатки полуземляночных жилищ или как культовые сооружения [172, с.26; 9, с.48; 73, с.15]. Кроме отмеченных сооружений на поселении обнаружен ряд округлых в плане ям с вертикальными стенами. Некоторые из них были перекрыты каменными закладками. Эти ямы исследователи также интерпретируют по-разному [174, с.128; 73, с.16].

На поселении в Стоиканах обнаружены остатки двух углубленных в землю жилищ. Одно из них (# I) имело овальную форму длиной 5, шириной 3 м и глубиной около 1,35 м от дневной поверхности [37, с.153; 74, с.73]. Второе имело подпрямоугольную форму (2,2-3,35 м х 6 м, глубина 1,22 м) и было ориентировано с севера на юг. Вход находился с южной стороны. В землянке найдены скопления обожженной глины, происходящей, по-видимому, от разрушенного очага [74, с. 75].

На поселении в Фолтештах авторы раскопок по концентрации материалов определили наличие остатков 5-6 наземных жилищ легкой конструкции [75, с.24]. Кроме того, и в Стоиканах, и в Фолтештах обнаружены многочисленные остатки хозяйственных ям различных размеров и форм.

Захоронения производились в грунтовых или курганных могильниках. Курганные могильники найдены как в прибрежных, так и во внутренних районах Прuto-Днестровского междуречья, а также в Побужье. Грунтовые могильники известны главным образом по берегам крупных рек. Лишь в двух случаях установлена связь могильников с поселениями (Усатово, Маяки), и в обоих случаях наблюдается их непосредственная близость.

Грунтовые могильники подразделяются на большие – общирно-родовые (Усатово, Маяки-?) и малые – семейные (Данку I, Данку II, Данчины, Рышешты). Курганные комплексы делятся на собственно могильники (Усатово, Маяки, Парканы-?) и отдельные изолированные насыпи, которые составляют большинство.

Усатовские курганы невелики по размерам (высота до 2,5 м, диаметр до 30-35 м), однако большая часть их была досыпана в эпоху бронзы. Они содержат одно центральное погребение или от двух до четырех погребений, расположенных в различных частях насыпи, обычно в пределах сооруженного вокруг центра кромлеха.

Социологическая интерпретация курганных захоронений затруднена из-за отсутствия для подавляющего большинства из них антропо-

нологических определений [251; 252]. Учитывая значительные затраты труда по сооружению курганных насыпей, относительное богатство инвентаря центральных погребений, можно предположить, что этот обряд погребения применялся по отношению к лицам, занимавшим особое положение в обществе, или их семьям.

За исключением внешнего проявления могильников, погребальный обряд населения, оставившего усатовские памятники, по всем прочим признакам сходен с обрядом, зафиксированным на памятниках Выхватинской группы. Все погребения совершены по обряду трупоположения (100%) в подпрямоугольных или овальных ямах. Только на могильнике у с. Малки имеются единичные захоронения, совершенные в ямах с подбоями [Отчет 22]. Подавляющее большинство (более 90%) погребено в скорченном положении, преимущественно (65%) на левом боку (рис. 17). Более 70% костяков ориентировано по длинной оси ям, головой в северо-восточном (от 0 до 90°) направлении (рис. 18). Как и выхватинские, большинство усатовских погребений (более 95%) сопровождается керамической посудой, орудиями труда, оружием, украшениями, предметами культа. Но, к сожалению, соотнесенность категорий инвентаря с полом и возрастом погребенных в большинстве своем остается невыясненной. Незначительный процент погребений содержал охру, перекрывался деревянным накатом, сверху обозначался каменными замыадками и кромлехами.

Небольшие различия в погребальном обряде Выхватинской и Усатовской групп: для последней известны единичные погребения, совершенные в положении на спине (Парканы, курган № 91, 147; Тудорово), захоронения на древней поверхности под эвклидами без ям (Усатово, Второй курганный могильник; Парканы, курган № 90), большое количество погребений содержит металлические изделия, охру или сопровождается каменными замыадками. Только для усатовских могильников характерны культовые ямы, остатки кострищ, кости животных (чаще всего козы или овцы).

С усатовских памятников известна значительная коллекция орудий труда и бронзия (рис. 29). Из сланца изготовлены клиновидные плоские топоры и долотца, из твердых пород камня – преимущественно топоры с просверлинами и отбойники. Изделия из кремня представлены разнотипными скребками, ножевидными пластинами, проколками и острялками, наконечниками стрел и дротиков с прямым или выемчатым основанием. Многочисленны микролитоидные вкладышевые пластины геометрических форм. Из рога и кости изготавливались мотыги, листрия и проколки, долотца и лопаты, поворотные гарпуны, реже – парадное оружие [77, с. 58, рис. 2, ф. 12].

Для усатовских памятников характерно значительное в сравнении с другими число изделий из меди или мышьяковистой бронзы. Ведущими типами являются книжалы так называемого усатовского типа, плоские клиновидные топоры-тесла, долота, четырехгранные в сечении молоты. Примечательно, что подавляющее большинство изделий из металла происходит из курганных погребений, причем преимущественно из центральных. Свообразие форм металлических изделий позволило специалистам аргументировать положение о наличии у усатовских племен собственной металлообработки [263, с.24], что свидетельствует об исключительно высоком уровне их развития.

Обращает на себя внимание тот факт, что присел с усатовскими памятниками известно значительно меньше, чем с других позднегородских памятников.

Коллекция керамики усатовских памятников наряду с несколькими десятками тысяч экземпляров фрагментированного материала включает еще около 400 целых сосудов, происходящих преимущественно из погребальных комплексов. Керамика представлена двумя основными группами: столовой расписной и кухонной из массы с различными примесями. На разных памятниках керамика первой группы составляет от 30 до десятых долей процента. Полностью она отсутствует лишь в могильниках Данку I, Данку II. Кухонная керамика, содержащая в виде примеси преимущественно толченую ракушку, реже - известье и талько в единичных случаях шамот (Ланчени, Фолтешты), составляет от 30 до 100%. Кроме отмеченных, на некоторых поселениях имеется одна группа керамики. Она изготовлена из массы с примесью песка, реже - тщательно измельченной ракушки и отличается от кухонной хорошим обжигом, плотностью черепка и превосходно заполированной блеском поверхностью. Цвет поверхности черный или коричневый. На поселении Усатово эта керамика составляет около 1,5%, а в Маяках около 11% [73, с.94].

Усатовские памятники дают те же типы форм и орнамента столевой посуды, что и выхванинские. Различия наблюдаются лишь в том, что на усатовских полусферических мисках имеется единственный вариант сложного метопического орнамента, в орнаментации количественно преобладает сетчатая роспись, шаровидные амфоры с ручками-ушками на плечиках дают вариант (с ножками), который отсутствует на выхванинской посуде.

Кухонная керамика в большинстве случаев также повторяет типы, характерные для выхванинских памятников. Свообразными для Усатовской группы являются миски с S-видным профилем, амфорки с ручками или без них и орнаментацией из вертикальных проложений, сосуды кубковидных и цилиндрических форм. Орнамент состоит из тех же

ментов, что и орнамент кухонной керамики выхвачинских памятников, но на усатовской он более обилен. В двух случаях имеются изображения зверей [77, с.59, рис. 3, ф.1; 165, с.79, рис. 24]. Оригинальной чертой является частая встречаемость белой пасты в орнаментальных негативах. (Типология расписной и кухонной усатовской керамики дана на рис.19; 29, ф.1-30). Что касается группы керамики из массы с примесью песка и тщательно заполированной поверхностью, то она представлена главным образом фрагментированным материалом [73, с.94].

Для Усатовской группы характерны разнообразные категории культовых предметов. Наиболее частотны антропоморфные изображения, которые находим и на поселениях и в погребальных комплексах. Они представлены главным образом схематическими статуэтками четырех различных типов (рис.29, ф.66-67, 70). Изредка встречаются обломки реалистических статуэток Выхвачинского типа (рис.29, ф.68).

Зооморфная пластика известна по единичным находкам на поселении в Усатово. Это, очевидно, изображения бычков. Фигурки изготовлены из массы, характерной для столовой посуды, и в некоторых случаях расписаны (рис.29, ф.69).

Особую разновидность представляют две витесанные из известника головы быков. Одна из них обнаружена среди камней кромлеха в кургане № 9 Первого могильника в Усатово, вторая - в культовой яме № 6 кургана № 2 Второго могильника в Усатово [73, с.126, рис.43].

Последнюю разновидность предметов культа представляют плоские известняковые стелы с антропоморфными и зооморфными изображениями. Одна такая стела (частично поврежденная, высотой 1,1 м) обнаружена среди камней кромлеха кургана № 3 Первого Усатовского могильника. На одной из ее плоскостей были выгравированы человеческая фигура, фигура олена и три фигуры, по-видимому, лошадей [73, с.123, рис. 41]. Имеются сведения, что рядом с этой плитой была обнаружена еще одна с рельефным изображением лошади [254, с.35]. Другая стела (высотой 2,7 м) с изображением собаки происходит из насыпи кургана № 11 того же могильника.

Для усатовских памятников известны многочисленные и разнообразные украшения (рис.29, ф.59-64), большинство которых происходит из погребальных комплексов. Металлические украшения представлены колечками в полтора-два и более оборотов. Они изготовлены преимущественно из медной (с незначительной примесью мышьяка), реже - серебряной проволоки, круглой в сечении. Встречаются подвески из свернутых в трубочки медных пластинок. В качестве подвесок использовались просверленные молочные зубы оления, хищных животных, створки речных и морских раковин. Многочисленны бусины в виде уд-

лииенных или коротких цилиндриков из трубчатых костей птиц и рогов благородного оленя. Последние часто обжигались для придачи им черного цвета, и на низках они обычно чередуются с бусинами светлого, естественного цвета. Реже встречаются бусины из глины или известняка. В единичных случаях обнаружены бусины из белой пасты, перламутра, янтаря и других материалов.

С поселений Мачки и Усатово происходит значительная коллекция костей домашних и диких животных. Преобладают кости домашних животных (более 95%, по osobям более 84%): мелкого рогатого скота - 76-58% (по osobям - 68-47%), крупного рогатого скота - 13-27% (18-32%), лошадей - 11-14% (14-18%). Останки диких животных представлены костями благородного оленя, дикого осла, тура и др.

Относительная и абсолютная датировка. В настоящее время на основании качественного и количественного различия материалов в пределах усатовских памятников выделяются две разновременные группы. Первая, ранняя группа еще относительно слабо документирована и представлена только памятниками Нижнего Днестра. К ней относятся курганные могильники в Усатово, отдельные курганные комплексы на Тираспольщине и, по-видимому, грунтовый могильник у с. Раскайцы, одиночное погребение и случайные находки у с. Тудорово, Оланецкого района. Для этой группы характерно приблизительно от 30-35 до 10% расписной керамики. Одной из ведущих ее форм являются полу-сферические миски, украшенные преимущественно сложным и упрощенным метопным орнаментом.

Вторая, позднейшая группа представлена памятниками как Нижнего Днестра, так и Нижнего Прута и Буга. В нее входит большинство известных памятников: Фолтены, Стоянки, Данку I, Данку II, милякские комплексы, грунтовые могильники в Усатово и др. Памятники этой группы содержат от 10 до 0% расписной керамики, главным образом миски с простым метопным орнаментом, амфоры, сопровождающиеся в основном сетчатой росписью. Большой процент составляют миски с S-овидным профилем, статуэтки серезлиевского типа. Именно для этой группы характерна тщательно заполированная керамика из массы с примесью песка или шамота.

Поселение Усатово - Большой Куюльник, давшее примерно 12-18% столовой посуды и характеризующееся признаками, свойственными для обеих групп памятников, очевидно, существовало значительное время и синхронизировалось с обоими выделенными хронологическими горизонтами.

Усатовские памятники почти полностью синхронизируются с выхватинскими, причем ранние усатовские - с ранними выхватинскими, а поздние усатовские - с поздними выхватинскими. Это синхрониза-

ции основана на типологическом единстве орнаментации полуферических мисок, метопный орнамент которых имеет значение хронологического признака. Неоспоримым аргументом является также усатовский импорт, обнаруженный на Выхватинском могильнике (три статуэтки) или на Первом Голерканском могильнике (сосуд с вертикальными проложениями).

Из инокультурных групп памятников усатовские синхронизируются отчасти с нижнемихайловскими и отчасти с памятниками второго и, вероятно, третьего слоев поселения Михайловка. Такая синхронизация документируется находками усатовских статуэток Серезлиевского типа в погребениях курганов у Широкого [197, с.19], Баратовки [198, с.63], Новоалексеевки [198, с.59], а также находкой позднетрипольских черепков в жилище № 8 Михайловского поселения [199, с.96] и др. Усатовские материалы определенно можно синхронизировать с майкенскими, что документируется майкенским импортом: сосуд в погребении № 2 кургана № 12 могильника в Усатово [178, с.115, рис.5, ф.2], шаровидные сосуды с ручками или без них, орнаментированные вертикальными проложениями [рис.29, ф.29].

Самостоятельную синхронистическую линию представляют Усатовские памятники в сопоставлении с памятниками Подунавья и Балканского полустрова, входящими в круг эгейско-анатолийских влияний. Аналогии в керамическом материале, орнаментации, изделиях из металла, в частности кинжалах, позволили исследователям синхронизировать усатовские памятники с культурами Чернавода [73, с.141; 236, с.119;], Конофенъ [255] и др. Благодаря этому времени возникновения усатовских памятников определяется рамками второй половины III тысячелетия, приблизительно 2400–2000 гг. до н.э. [73, с.143]. Этим же временем датируют период перехода от энеолита к эпохе бронзы, к которому относятся и позднетрипольские памятники, румынские исследователи [237, р.556]. Подобная датировка как будто бы подтверждается также данными радиоуглеродного метода, полученными для Маяк (четыре пробы) и Усатово (одна проба) (см. гл. I).

Происхождение памятников Усатового типа. По вопросу о происхождении Причерноморского локального варианта высказывались различные, порой взаимоисключающие мнения. В последние годы большинством трипольеведов признано, что усатовские памятники возникли на основе традиций, характерных для среднеднестровских памятников Выхватинского типа [73, с.146; 91, с.31]. Эта точка зрения основана на интерпретации сходства, иногда выплыть то тождества, многих элементов материальной культуры упомянутых локальных вариантов. Сходство обнаруживается по всем основным признакам погребального обряда: трупоупокоение, скорченность костяков, преоблада-

щее положение на левом боку, ориентировка и т.д. Причем большинство признаков совпадает и по количественным показателям. Полным можно считать сходство этих памятников по комплексу столовой посуды: технике и технологии ее изготовления, формам, орнаментальным композициям и др. Формализованный подсчет сходства этих памятников более чем по 70 признакам, характеризующим все основные категории материалов, дал достаточно высокий показатель ($q = 0,48$). Столь высокий коэффициент сходства усатовские памятники не дают ни с одним из иных (кроме Выхватинского) как позднетрипольских, так и нетрипольских комплексов.

Отмеченные обстоятельства неоспоримо доказывают генетическую взаимосвязь памятников Выхватинского и Усатовского типов, а это в свою очередь означает, что оба группы памятников, во-первых, представляют единую генетическую линию, во-вторых, выступают как составляющие компоненты единого регионального варианта, раскрывающего особенности развития позднего Триполья на Среднем Днестре и в Причерноморье.

Возникший в результате переселения части трипольского населения из Среднего Поднестровья Причерноморский локальный вариант складывался главным образом в результате взаимодействия пришельцев с иноземческими группами. Наиболее раннее и мощное внешнее влияние оказали, очевидно, племена - носители майкопского культурного субстрата и памятников типа нижнего слоя Михайловки. Именно с этими культурами, по-видимому, связано появление таких черт погребального обряда, как захоронения под курганными насыпями, каменные, мегалитические сооружения, отдельные типы керамики. Определенную роль в образовании Причерноморского локального варианта, по всей вероятности, сыграли племена ямной культуры, культуры Средний Стог II, однако в настоящее время эти влияния еще очень слабо документируются материалами.

Паряду с восточными в сложении Усатовского культурного варианта важную роль бесспорно сыграли также юго-западные племена. Черты, характерные для культуры Чернавода, отчетливо выявляются в керамическом материале позднеусатовского поселения Малки [73, 103]. Особенно сильным было это влияние в припрутских и придунайских районах, где носители культуры Чернавода непосредственно соприкасались с усатовцами. Это обстоятельство столь очевидно, что авторы раскопок Фолтештского поселения вполне справедливо признают его материалы более сходными с материалами Чернавода II, нежели с усатовскими [75, с.69].

Кроме отмеченных инокультурных влияний своеобразие культуры усатовских племен, очевидно, было обусловлено и новыми для поздне-

трипольского населения экологическими условиями. Степные пространства Северо-Западного Причерноморья содействовали большему развитию скотоводства, чем традиционного земледелия. Это обстоятельство нашло отражение в полном отсутствии долговременных поселений во внутренних районах Прутско-Днестровского и Днестровско-Бужского междуречий, а также в фаунистических остатках поселений в Усатово, Малках, Фолтештах.

Наконец, следует отметить, что усатовские племена занимали земли, по которым проходили основные пути, связывавшие племена Восточной Европы с культурами Нижнего Подунавья и Балкан. Интенсивные культурные и торговые связи, существовавшие между различными племенами, сыграли немалую роль для усатовского населения, которое в сравнении с позднетрипольским населением иных территорий, бесспорно, достигло гораздо более высокого уровня экономического и социального развития. Свидетельством тому является наличие у усатовских племен собственного очага металлообработки [253], бедных и богатых погребений, семейных некрополей [77, с.64] и т.д.

Позднее Триполье Среднего и Верхнего Попрутья, Верхнего Поднестровья и Побужья

Это региональное образование представлено памятниками Грынзенского и Гординештского типов. Обе группы генетически взаимосвязаны, первая является исходной. Структурное единство рассматриваемого регионального образования обнаруживается в его территориальной обособленности (рис.27), а также в керамическом материале и его росписи (миски с профилированным краем, горизонтальное и вертикальное построение росписи, композиции из сочетания лент, состоящих из трех-четырех и более узких полосок) и погребальном обряде (отсутствие грунтовых, а возможно, и курганных могильников).

В пределах региона эти типы памятников представляют разновременные культурные варианты: брынзенские памятники раскрывают особенности развития культуры в регионе на раннем этапе, гординештские - на позднем, или финальном этапе культуры.

Памятники Брынзенского типа. Первые памятники Брынзенского типа стали известны еще в начале XX в. Однако время исследования приходится главным образом на 50-е - 70-е гг. Типологическая самостоятельность этих памятников была намечена [89, с.33] и окончательно определена сравнительно недавно [256, с.7].

В настоящее время известно около 25 памятников Брынзенского типа (рис. 27). Они занимают незначительную территорию Средне-

го Попрутья и Поднестровья (приблизительно от Атак и Могилев-Подольского до Стыра).

Памятники Брынзенского типа представлены только поселениями. Учет степени археологической изученности территории позволяет считать, что население, оставившее эти памятники практиковало погребальный обряд, который не материализовался в археологических памятниках (воздушное, водяное или другие возможные виды).

К настоящему времени среди памятников Брынзенского типа лучше всего исследованы поселения Брынзены-Цыганка (раскопано почти полностью), Костешты IV, Выратик "Холм" и Жванец "Шовб".

Поселения обычно располагаются на высоких естественно укрепленных местах. Одни из них занимают высокие террасы, склоны или кромки плато высоких берегов, возвышающиеся на 6-8, иногда 15-20 м над уровнем рек, другие располагаются на мысовидных выступах или скалистых останцах, образованных петляющими руслами рек или в местах их слияния, и возвышаются на 30-50 м (иногда и более) над окружающей местностью. Наиболее характерным в этом отношении является поселение Брынзены-Цыганка, расположавшееся на конусовидном останце высотой более 50 м, и поселения Жванец "Шовб"; Костешты IV, которые занимали останцы высотой соответственно 25 и 40 м. Раскопки, проведенные на этих поселениях, показали, что с напольной стороны они были укреплены искусственными сооружениями. На поселении в Брынзенах прослежены остатки оборонительного рва [83, с.56]. Ров и вал, стены которых были укреплены камнями, выявлены на поселении Жванец "Шовб" [150, с.83; 151, с.326]. Сложной была система оборонительных сооружений на поселении Костешты IV, включавшая три пары валов и рвов.

Расположенные на мысах или останцах поселения, как правило, невелики по размерам. Так, поселение Брынзены-Цыганка занимало чуть более 1 га, а поселение Костешты IV - еще меньше. Однако, говоря о размерах поселений, следует учесть, что например, в Жванце хозяйственно-бытовые и производственные комплексы обнаружены и за линией укреплений, на примыкающем к останцу плато. Нечто подобное характерно и для поселения Брынзены-Цыганка, где в непосредственной близости от укрепленного останца (в 150-200 м), на ближнем удобном для обитания склоне обнаружен культурный слой и остатки жилищ со сходными материалами [124, с.29]. Отмеченные обстоятельства имеют важное значение для определения структуры поселений. Уже сейчас, опираясь на примеры поселений Жванец "Шовб" и Брынзены-Цыганка, можно говорить о том, что некоторые поселения рассматриваемого локального варианта состояли из двух частей: укрепленной, обороняемой в случае опасности, и неукрепленной, составляющей своего рода посад.

На поселении Бринзены-Штанка жилища (всего зафиксировано 37) располагались группами (по два-семь) и занимали периферийные участки останца вокруг относительно свободной центральной площади, где обнаружены остатки двух наиболее крупных по размерам сооружений. Подобная планировка предполагает наличие радиально расходящихся от центральной площади улочек^{*}.

Другая система планировки выявлена на поселении Костешты IV, (раскопано 27 жилищ). Здесь жилища располагались рядами, вдоль которых, очевидно, проходили относительно прямые улочки, пересекающиеся под прямым углом. В центре поселения имелась подпрямоугольная площадь, на которой найдены остатки трех сооружений.

Для поселений Бринзенского типа выявлено два различных вида жилищ: наземные дома в виде глинябитных или каменных площадок и углубленные в материк землянки или полуземлянки.

Землянки или полуземлянки обнаружены на поселениях Мерешовка, Костешты II [126, с.267]. На поселении Иванец "Шово" были открыты остатки нескольких землянок, вырубленных в материковом известняке [150, с.85]. Одна из них имела неправильную удлиненную овальную форму (3,8хx7,1 при глубине 1,1 м от современной поверхности) и была ориентирована на северо-северо-восток. Землянка, по-видимому, разделялась на две части, в одной обнаружены остатки трех очагов, в другой - хозяйственная яма и глинябитная вымостка. Вдоль южной стены жилища сохранилась каменная кладка от основания стен [82, с.87]. Углубленное в землю жилище найдено и на поселении Костешты IV. В одной из углубленных ее частей расчищены остатки лода открытого очага. Землянка перекрывалась наземным жилищем.

Незначительное число известных землянок и полуземлянок, возможно, объясняется тем, что население, оставившее памятники, предпочитало сооружение наземных домов. Однако нельзя не учесть и тот факт, что до настоящего времени значительным раскопкам подвергались лишь поселения, расположенные на каменных останцах, где сооружение землянок было затруднено, а в ряде случаев вообще невозможно из-за твердости материковой основы.

Остатки наземных домов зафиксированы почти на всех поселениях рассматриваемого типа. На раскопанных поселениях в Бринзенах, Костештах IV, Варатике (холм), за исключением упомянутой уже землянки в Костештах IV, были обнаружены остатки более чем 60 наземных домов. Большинство из них имеет вид многослойных площадок подпрямоугольной, реже - овальной формы, шириной от 4-5 до 6-8 м и длиной от 5-6 до 8-9, иногда до 13-14 м и ориентировано по длиной оси с северо-востока на юго-запад.

* Сведения о планировке жилищ на поселениях Бринзены-Штанка и Костешты IV предоставлены В.И.Маркевичем.

В процессе исследования упомянутых поселений В.И.Маркевич для многих наземных жилищ было выявлено трехслойное залегание строительных остатков. Верхний слой толщиной 4-5 см состоит из обожжённой глиняной обмазки с примесью песка. Его верхняя поверхность обычно хорошо заглажена, нижняя носит негативные отпечатки ниже лежащего слоя толщиной 3-4 см из массы с примесью полова. Второй слой с нижней стороны носит негативы поперечно уложенных плах или радиально расколотого кругляка. Оба слоя трактуются как соответствующие межэтажному перекрытию, следовательно, реконструируются как двухэтажные дома.

На слое из массы с примесью песка, т.е. на полу верхнего этажа, остатки печей отсутствуют. Встречаются только остатки округлых (диаметром 0,5-0,8 м) или подпрямоугольных (IxI,7 м) в плане глинобитных возвышений. Их стены склонены "под конус" и имеют от 5-6 до 10 см в высоту. Рядом с возвышениями обнаружены различные орудия труда и другие находки.

Под двумя описанными слоями обычно залегает третий (толщиной 3-5 см) из массы с примесью полова. Верхняя его поверхность хорошо заглажена. Лежит этот слой непосредственно на скальном материке, а иногда — на искусственно разорванных площадках. Этот слой В.И.Маркевич интерпретирует как пол первого этажа.

На полу первого этажа во всех жилищах зафиксированы остатки печей, обычно по одной, и только в двух случаях по две. Печи сводчатые, подквадратные с закругленными углами, реже — овальные. Они выполнены из лент шириной 10-12 и толщиной 3-4 см. Внутри печей, слева от устья, обнаружены подтреугольные углубления, служившие, по-видимому, для хранения огня. Перед устьем находились предтопочные возвышения. Размеры печей с учетом предтопочных возвышений от 0,9xI до I,3xI,3 м. Кроме печей на полу первого этажа обнаружены по одному-два, изредка три глинобитных возвышения вышеописанных форм и размеров. Рядом с печами и возвышениями найдены различные орудия труда и т.п.

Стены жилищ обычно имели толщину около 0,25-0,3 м. Обмазка стен носит отпечатки вертикального (Брынзены) или горизонтального (Костешты II) плетня.

Следует отметить, что кроме описанных остатков жилищ, состоявших из трех наслоений обмазки, на поселениях Брынзены и Костешты II обнаружены и однослойные площадки, представляющие бесспорные остатки одноэтажных домов. К сожалению, в предварительных публикациях результатов раскопок остатки подобных жилищ не получили освещения.

Наблюдения над остатками жилищ в Брынзенах позволили В.И.Маркевичу определить следующую последовательность операций по сооружению наземных двухэтажных домов: "... а) сооружались стены на прутяном каркасе или без него, толщиной 25-30 см; б) на продольные стены поперек дома укладывалось потолочное или межэтажное перекрытие, состоящее из плах шириной 12-22 см и долей радиально расположенного кругляка шириной 10-16 см; сооружались стены второго этажа (в тех домах, где он был); в) на деревянное перекрытие потолка или межэтажное перекрытие наносился слой глины с примесью половы толщиной 4-6 см; г) наносился второй слой глины с примесью песка толщиной 3-5 см; д) сооружалась двускатная крыша; е) сооружался пол из глины с примесью песка или половы" [83, с.63].

Убедительным представляется и вывод о причинах обожженности обмазки наземных домов. В.И.Маркевич объясняет этот факт гибелью домов в результате пожаров, а не тем, что они обжигались при строительстве, как считалось до недавних пор [83, с.69].

Выявленную последовательность в сооружении наземных домов, равно как и причину обожженности их остатков, очевидно, можно принять фактом, имеющим значение и для других трипольских памятников не только позднего периода (в частности брынзенских), но и среднего.

Отличаются от описанных наземные дома, обнаруженные на поселении Жванец-Шовб. Их остатки представлены в виде площадок из плоских сланцевых плит, лежащих в один, два или три слоя. Конструктивные детали на них не прослежены [82, с.85].

Характеризуя памятники Грынзенского типа, следует обратить особое внимание на производственный комплекс, обнаруженный на поселении Жванец "Шовб". Речь идет о многочисленных печах для обжига керамики, выявленных на плато "Лисая гора" рядом с валом и рвом поселения на останце. Все печи были сводчатыми и располагались в два ряда. Они имели подковообразную форму и два яруса: нижнего - то-поясной камеры и верхнего - обжигательной камеры. Ярусы разделены плитчатой перегородкой - черном с продухами, служившими подом для обжигательной камеры [147, с.96; 148, с.226; 151, с.326]. Открытый Т.Г.Мовшой производственный комплекс имеет принципиальное значение, поскольку позволяет судить о высокой специализации керамического производства, рассчитанного, очевидно, на удовлетворение потребностей обитателей не одного поселения.

На ряде поселений Брынзенского типа были также зафиксированы остатки ям различного назначения, которые, однако, остались неосвещенными в литературе. Обращает на себя внимание отсутствие хозяйственных ям на поселениях Брынзены-Цыганка и Костешты IV, что,

по-видимому, объясняется непреодолимостью материковой основы останцев.

Орудия труда и оружие, собранные на поселениях Брынзенского типа (рис.30, ф.30-45), многочисленны и разнообразны. Основная их часть изготовлена из местного, реже - привозного волынского кремня. Наиболее характерны следующие изделия из кремния: сверла и развертки, проколки и острия, скребки и скребловидные орудия, ногти и ножевидные пластинки, пилочки и вкладышевые орудия с заполированым рабочим краем, треугольные наконечники стрел и дротиков с прямым или выемчатым основанием, клиновидные топоры типа "транше" и т.п. Из твердых пород камня изготавливались отбойники, растительные камни. Имеются фрагменты проушных топоров с простым или грибовидным обухом.

Многочисленны изделия из кости и рога. Они представлены проколками, остриями, лошилами-лопаточками, долотцами и имеют самые различные формы и размеры. Обращают на себя внимание костяные книжалы, составляющие одну из специфических черт рассматриваемых памятников (рис.30, ф. 39-41). Много экземпляров мотыг и их заготовок, сделанных из комоловой части или ствола рогов благородного оленя. Часто встречаются боевые топоры-молоты, "клевцы" с проушиными.

Изделия из металла немногочисленны. На поселении Брынзены-Цганка найдено всего два предмета: прорубник и клиновидный топор-тесло с цельнолитой "пяточкой" (рис.30, ф. 44). С поселения Костешты IV происходят два металлических орудия типа проколок и шильев [127, с. 151]. Не исключено, что к слоям с материалами Брынзенского типа относится также книжал усатовского типа, обнаруженный в Бильче-Золоте [257, с.59, табл. X, 2].

Из прочих орудий труда необходимо отметить большое количество прядел (дисковидные, луковичные, полусферические, усеченно-конические или биконические и других форм) с орнаментом или без него (рис.30, ф. 43). Изредка встречаются прядла, выточенные из черепков. Части находки грузил и отвесов в виде усеченно-конических цилиндриков, четырехгранных пирамидок или грушевидной формы.

Коллекция керамики, известная с памятников Брынзенского типа, огромна (рис. 23, 30, ф. I-29). Между тем она не получила сколько-нибудь полного освещения, нет точных данных о количественном соотношении различных категорий и типов посуды.

Брынзенские памятники, как и Выхвачинские, дают две категории керамики: столовую расписную и кухонную из массы с примесью ракушки, реже - шамота. Расписанная посуда на разных памятниках составляет около 50-70%, кухонная - 30-50%.

Для столовой посуды характерны те же типы форм, что и для посуды с выхватинских памятников (рис.30, ф.1-18). Незначительные различия лишь в том, что на бринзенских памятниках, по-видимому, больше конических мисок и шаровидные амфоры с двумя ручками на тулове дают два варианта: с простыми и профилированными ручками.

С своеобразие керамики бринзенских памятников обнаруживается главным образом в ее орнаментации. В отличие от выхватинской, для бринзенской посуды характерно как горизонтальное, так и вертикальное построение росписи, причем последняя преобладает. Бринзенская керамика, ее орнаментальные композиции больше и чаще загружены дополнительными элементами в виде треугольников, "волчьих зубов" и т.п. Как и на памятниках Среднего Поднестровья и Причерноморья, полусферические миски орнаментированы метолинами композициями, но для них свойственны лишь простые и упрощенные метолины. Ведущим (более 50%) для бринзенских мисок является орнамент из сочетания горизонтально и вертикально расположенных дуговидных лент (рис. 20, ф. 8,9). Зооморфные и антропоморфные мотивы росписи характерны только для бринзенской керамики. В ряде случаев эти изображения в сочетании с другими элементами образуют композиции (рис. 30, ф. 19), носившие бесспорно определенную смысловую нагрузку, отражавшие сложные религиозные представления обитателей древних поселений.

В сравнении с выхватинской, бринзенская кухонная керамика по формам и орнаментации относительно менее разнообразна. Ведущей формой являются сосуды баночных форм с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины, орнаментированные различными наколами, резными линиями, отпечатками шнура (рис.30, ф.21-23, 25-29).

Культовая пластика на бринзенских памятниках представлена только антропоморфными, преимущественно женскими, статуэтками. Преобладают статуэтки так называемого выхватинского типа (рис.30, ф.55). Изредка встречаются статуэтки с реалистическим изображением деталей головы и лица (рис.30, ф. 54).

Украшения встречаются редко. Они представлены подвесками из просверленных сухопутных или речных раковин, зубов хищников (рис.30, ф.46-47). Встречаются бусинки из глины различных форм и размеров. Целое ожерелье, состоящее из просверленных зубов оленя (196 штук) и пастовых бусинок в виде плоских цилиндриков (73 штуки), обнаруженное в сосуде, происходит с поселения у с. Кетрошика [125, с.86, рис. 3].

Кроме описанных материалов, на поселениях были найдены остатки домашней и дикой фауны. Результаты определения показали, что на поселении Жланец "Ново" (коллекция менее 1 тыс. костей) преобладали

живые животные (около 70%), а на поселении Брынзены-Циганка (коллекция около 10 тыс. костей – домашние (более 80%). Среди домашних животных на обоих поселениях первое место занимал крупный и мелкий рогатый скот, затем свинья, лошадь, собака [82, с.91; 83, с.77; 11, с.51]. Останки диких животных на поселении Брынзены-Циганка представлены преимущественно костями благородного оленя и кабана, встречаются кости тура, зубра, косули, зайца, бобра и др.

Обращают на себя внимание результаты определения культурных и диких растений. На керамике, обмазке с поселения Брынзены-Циганка зафиксированы отпечатки пшеницы однозернянки, двузернянки и пшельти, ячменя голозерного, проса обыкновенного, гороха, чечевицы, вики, а также группы лохолистной, черешни, горловины, терна, кизила и др. [83, с.78].

В отличие от выхватинских и усатовских, брынзенские памятники в пределах образованного ими культурного варианта типологически достаточно однородны. Некоторые различия по хронологическим признакам наблюдаются лишь между материалами поселения Брынзены-Циганка и материалами поселений Коштепты IУ, Варатик "Холм", из которых первое, очевидно, более раннее. Однако наблюдаемые различия столь незначительны, что все памятники Брынзенского типа в целом можно рассматривать как относительно одновременные, просуществовавшие короткий промежуток времени.

Что касается хронологической соотнесенности, то брынзенские памятники определяются как синхронные ранним выхватинским и ранним усатовским. Соотношение брынзенских и ранних выхватинских памятников определяется из установленного для них сходства по качественным и количественным показателям технико-технологических признаков, главным образом столовой посуды, при том, что каждая из этих групп занимает разные территории. Соотношение брынзенских памятников с ранними усатовскими устанавливается косвенным путем через выхватинские. В качестве самостоятельного аргумента в пользу синхронизации последних двух групп можно привлечь находку шаровидной амфоры (рис.25, ф.7) с двумя профилированными ручками на тулове из кургана № 12 Первого Усатовского могильника, которая, очевидно, является брынзенским импортом.

Брынзенские памятники можно синхронизировать с представляющими инокультурную группу памятниками культуры воронковидных сосудов. Основанием тому служат характерные как для брынзенских, так и для выхватинских памятников полуэтические миски, орнаментированные упрощенными и простыми методами, обнаруженные на поселении в Зимак [207].

Новая линия синхронизации предложена недавно В.О.Титовым для бризенских памятников с памятниками тисапольгарской культуры. Основана такая синхронизация на выделенном для поселений Бризенцы Цыганка и Костешты ГУ тисапольгарском керамическом импорте [127]. Однако ей вроде бы противоречит ряд обстоятельств, специально рассмотренных в работе В.Думитреску [258]. Независимо от того, как решится в будущем этот вопрос, важно подчеркнуть то, что предложенная синхронизация еще раз демонстрирует отмеченную тенденцию к уединению датировки позднего Триполья.

По своему происхождению бризенские памятники, как и вихватинские, связанны с культурными традициями, представленными на поселениях типа Варваровки [5]. Однако в качестве непосредственной основы для образования культурного варианта с бризенскими памятниками послужили памятники типа Старых Бедражей, занимающие промежуточное положение между Бризенскими и Варваровскими комплексами.

Памятники Гординештского типа. Памятники Гординештского типа были открыты еще в начале XX столетия, но типологическое обоснование получили лишь в начале 70-х гг. в работах Т.Г.Моэши [89] и Ю.Н.Захарука [90]. Т.Г.Моэши предложила для выделенной ею группы несколько неудобное название – "Северная". В работе Ю.Н.Захарука эта же группа называется "Касперовская", или "Касперовский тип", что также представляется неудачным, поскольку малочисленные, неопубликованные материалы поселения у с.Касперовцы не могут быть использованы в качестве эталонных. Именно поэтому для характеризуемого типа памятников здесь предлагается название "Гординештский" (от с.Гординешты Единецкого района Молдавской ССР, где при раскопках одного из поселений была получена наиболее выразительная коллекция керамики [85]).

В настоящее время известно около 40 памятников Гординештского типа. Они занимают Среднее (приблизительно выше Ясс) и Верхнее Попрутье, Среднее (приблизительно выше Каменки) и Верхнее (до Галича) Поднестровье, Верхнее Побужье (рис. 27).

Памятники Гординештского типа представлены только поселениями. За исключением упомянутого выше курганных комплекса у с.Костешты, грунтовые и курганные могильники для этой группы памятников неизвестны. Учитывая общую степень изученности территории, отсутствие грунтовых могильников можно объяснить особенностями погребального обряда. Вопрос же о возможном курганным обряде захоронения из-за слабой изученности этой разновидности памятников в настоящее время остается еще открытым.

Поселения Гординештского типа расположены в тех же географических условиях, что и Бризенского. Один из них (поселение Меч-

кие террасы или плато коренных берегов. Большинство же памятников занимает мисовидные образования или останцы, ограниченные с трех сторон высокими крутыми склонами. На поселении в Гординештах [85, с. 91] и в Хородиште (сведения Д. Марина) с напольной стороны про сложены оборонительные валы и рвы.

Поселения обычно незначительны по размерам, их площадь редко превышает 2-3 га. Из-за незначительности раскопанных площадей судить о внутренней планировке поселений пока не представляется возможным.

На гординештских поселениях обнаружены остатки двух типов жилищ: углубление в материк землянки или полуземлянки и остатки наземных домов. Одна полуземлянка была обнаружена на поселении в Сандраках [61, с. 77], три других - в Івилловцах. Жилище-полуземлянка № I в Івилловцах (2x 5,4 м при максимальной глубине 0,65 м) была ориентирована с юго-востока на северо-запад. В ней обнаружены два удлиненно-ovalных, углубленных в грунт очага, разделенных перемычкой [81, с. 137]. Торая найденная на этом поселении полуземлянка-жилище - мастерская. Она имела неправильную-ovalную форму (1,6-3,9 x 11,9 м при глубине 1 м) и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. В разных частях пола расчищены остатки трех кострищ. В жилище обнаружены многочисленные кремневые и каменные орудия труда и их заготовки [153].

Остатки наземных домов представлены скоплениями кусков обмазки с отпечатками плетня или плах. Скопления иногда образуют однослойные площадки так называемого редуцированного типа. Конструктивные детали домов на таких площадках обычно не прослеживаются. Подобные площадки обнаружены в Хородиште, Гординештах, на поселении в Сандраках, где они залегали двумя строительными горизонтами [61, с. 77]. В Печоре найдена площадка, на которой обмазка залегала в два-три слоя. Площадка имела подпрямоугольную форму (5x 11 м), в северной части ее пола прослежены остатки печи [39, с. 187].

Кроме остатков жилищ на ряде поселений выявлены ямы различных форм и размеров, очевидно, и различного назначения. Особый интерес представляет яма № 8, обнаруженная в Івилловцах. Она имела форму восьмерки и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. В юго-восточной части ямы, имеющей большие размеры (1,5x 2 м), найдены остатки развалившейся сводчатой печи овальной в плане формы (1x1,65 м). Под развалом печи в слое золы найдено пять скоплений сожженных человеческих костей. Рядом с ними лежали обожженные кости быка, косули, овцы (?), козы, створки раковин *unio*. Кроме того, в заполнении ямы имелись раздавленные сосуды (18 экземпляров), пряслица, грузила и другие изделия. Но определению

С.И. Терасимова, остатки сожженных костей принадлежали человеку 18-30 лет. Описанный комплекс Т.Г. Морша [152, с.221] интерпретирует как культовый (?).

Орудия труда и оружие на гординештских памятниках в основном представлены теми же разновидностями и типами, что и на брынзенских памятниках (рис.3I, ф.47-69).

Кремневые изделия изготовлены преимущественно из местного сырья, но встречаются и изделия из волынского кремня. Многочисленны сверла и развертки, проколки и острия. Часто встречаются ножевидные пластинки, вкладышевые орудия, скребки и скреблоподобные орудия. Много топориков типа "трайше". Не исключено, что именно с памятниками рассматриваемого типа связаны клады кремневых топоров из Кислициного [259]. Изредка встречаются наконечники стрел с прямым или выемчатым основанием и т.п. (рис.3I, ф.56).

Здесь уместно еще раз напомнить про обнаруженное в Цвикловских жилище-мастерскую. В ее заполнении найдены стойники, ножевидные пластинки и серпы, скребки, наконечники стрел. Но самая главная находка – это 67 готовых сверл, проколок и их заготовок. Этот комплекс, наряду с кладами кремневых топоров, свидетельствует о специализированном изготовлении отдельных категорий орудий труда.

Найдены обломки проушинных топоров-молотов, ретуширы, растиральные камни и другие предметы, изготовленные из камня твердых пород. Костяные и роговые изделия в сравнении с брынзенскими менее разнообразны. Имеются проколки, острия, долотца, мотыги, но лишь изредка встречаются кlevцы и лощила. Отсутствуют вислообушные молотки, молотки с "муфточкой", клинкеты брынзенского типа.

Металлические изделия известны по единственной находке – златому топору-теслу с поселения Хородиште (рис. 3I, ф.70). Многочисленны пряслы и грузила, представленные теми же типами, что и на брынзенских памятниках (рис.3I, ф.61-62).

Керамика памятников Гординештского типа представлена столовой расписной и кухонной посудой из массы с примесью ракушки или памота, изредка песка, слюды и др. (рис.24; 3I, ф.1-46). Столовая посуда составляет 30% и менее. Кухонная керамика является ведущей и составляет 70% и более.

По морфологическим признакам гординештская столовая и кухонная керамика в основном повторяет брынзенскую. Своеобразна форма крышек: они полусферические, с грибовидной ручкой (рис. 3I, ф. 6-7).

Своеобразие керамики гординештских памятников составляет воспись в виде геометрических сочетаний лент из трех-четырех (и иногда до 16) узких полосок (рис.3I, ф.1, 3-4, 9,12). Один из наи-

более характерных признаков керамического комплекса гординецких памятников – наличие мисок с профилированным краем венчика. Этот тип мисок составляет около 50% от кухонной или около 35–40% от всех прочих форм керамики (рис.31, ф.22–25).

Из других отличительных черт назовем следующие: частая встречаемость орнамента по верхнему краю венчика кухонных сосудов; овальные бугорки-налепы, вертикально или горизонтально расположенные по плечикам или тулову сосудов; одиночные или парные бугорки-налепы на верхней части ручек сосудов; пальцевые защипы или ногтевые вдавления по внешнему краю днищ и пр.

Культовая пластика на гординецких памятниках представлена антропоморфными, преимущественно женскими, статуэтками. Они разнотипны и встречаются в единичных экземплярах (рис.31, ф.84,85).

Украшения с рассматриваемых памятников почти неизвестны. Их характеристика возможна лишь благодаря находке клада украшений из поселения в Цвиковицах [154]. Клад был найден в шаровидной амфорке с двумя ручками-ушками на плечиках. Он включал 822 предмета. Из них 68 медных изделий: два пластинчатых браслета с несомкнутыми концами, 31 трубчатая пронизка и 35 цилиндрических бусин из свернутых пластинок (рис.31, ф.71–76). Все предметы имеют медную основу с природными примесями олова, серебра, сурьмы, мышьяка. Целое ожерелье составляют 122 зуба благородного оленя с просверлинами. Кроме того, в клад входило 275 пронизок и раковин моллюсков и 357 известняковых бусинок в виде плоских цилиндриков (рис.31, ф.77–81).

Фаунистические остатки на поселении Цвиковицы представлены костями домашнего быка, свиньи, козы-овцы, возможно, лошади, а также костями благородного оленя, косули, зайца, бобра [81, с.145]. Для остальных поселений определения фаунистического материала отсутствуют.

В пределах рассматриваемой группы можно выделить ранние памятники, на которых столовая посуда составляет от 30 до 15–10%, и более поздние, где столовой посуды меньше 15–10%. Однако в целом хронологический разрыв между ними незначителен и, очевидно, все они соответствуют единому этапу.

По отношению к брынзенским памятникам, гординецкие являются хронологически более поздними, что определяется формальной логикой (группы территориально совпадают, но типологически различны), а также данными стратифицированных памятников (Иванец, Дарабаны II, Мерешовка).

Из иных групп памятников гординецкие синхронизируются с поздневыхватинскими и позднеусаговскими. В первом случае синхронизация документируется присутствием гординецких мисок или под-

ражаниями им в погребениях третьего микрогоизонта Вихватинского могильника [36, с.65, рис.10, 17], во втором случае – с одной стороны, позднеусатовскими статуэтками Сереалиевского типа, обнаруженными на поселении в Сандраках (рис. 25, ф.5), с другой – шаровидной амфорой с крышкой, завершающейся грибовидной ручкой, гординештского типа, обнаруженной в погребении позднеусатовского могильника в Даиченах (рис.25, ф.6).

Прямых данных о синхронизации гординештских памятников с памятниками иных примыкающих к ним с запада культур в настоящее время нет. Благодаря косвенным данным, через посредство памятников Городского типа, гординештские, по-видимому, можно синхронизировать отчасти с памятниками культуры воронковидных сосудов, и отчасти с памятниками культуры шаровидных амфор.

Происхождение памятников Гординештского типа связано с культурными традициями предшествующих им на месте памятников типа Бринзен. Такая интерпретация основана на формализованном подсчете коэффициента сходства основных категорий материалов, который для гординештских и бринзенских памятников равен 0,43, в то время как в сравнении с иными, ранее охарактеризованными группами, коэффициент сходства менее чем 0,3. Определенную роль в образовании локального варианта, представленного гординештскими памятниками, оказали, очевидно, и племена иных западных культур, что, однако в настоящее время еще плохо документировано.

Позднее Триполье Волыни

Как уже отмечалось, позднее Триполье на территории Волыни представлено памятниками типа Троянова и типа Городска. Первые являются более древними, вторые – позднейшими. К начальным фазам позднего периода, бесспорно, относится и поселение у с.Хорьев, раскопанное недавно Н.А.Пелещицким [Отчеты 30;31], которое представляет новый самостоятельный тип, но не может быть учтено, поскольку результаты раскопок не опубликованы [214].

Следует оговорить, что несмотря на значительное число известных на Волыни памятников, типологическое определение многих из них затруднено. Во-первых, большинство памятников известно по незначительным коллекциям материалов, во-вторых, материалы многих хорошо раскопанных памятников остаются неопубликованными и малодоступными. Наконец, типологическое определение затруднено и потому, что известные здесь типы памятников обладают многими общими признаками. Именно в силу отмеченных обстоятельств исследователи

на протяжении многих лет рассматривали памятники этой территории как однотипные, представляющие якобы единый локальный вариант с разновременными комплексами, а не как региональное образование, включающее разновременные культурные варианты [14; 88].

Памятники Трояновского типа. Памятники типа Троянова были открыты и отчасти исследованы еще в 20-х гг. XX столетия. Однако, их исследования проводились главным образом в 50-е гг. Относительная хронологическая и типологическая самостоятельность Трояновских памятников была определена сравнительно недавно [18; с. 9].

В настоящее время известно около 25 памятников типа Троянова (рис. 27). Они занимают территорию верховья рек Ростовица, Тетерева, Случи и Горини.

Памятники Трояновского типа представлены только поселениями. Отсутствие могильников, очевидно, объясняется особенностями погребального обряда, который не материализовался в археологических комплексах.

Поселения обычно расположены на высоких, чаще всего естественно укрепленных мысах и останцах [260, с. 302]. На ряде поселений (Деревичи, Ягнатин, Белиловка и другие) с напольной стороны прослежены рвы и валы, которые, однако, исследователи связывают с культурными слоями более позднего времени. Между тем, по аналогии с верхнепрутскими и верхнеднестровскими памятниками, нельзя исключить, что некоторые из прослеженных искусственных оборонительных сооружений, по-видимому, относятся все же к позднетрипольскому времени. Это предположение находит подтверждение на примере поселения Паволоч, которое, будучи ограниченным с напольной стороны искусственными земляными сооружениями, характеризуется лишь одним – позднетрипольским – культурным слоем [49, с. 96].

О планировке поселений можно судить по раскопкам в Троянове, где были зафиксированы остатки 35 жилищ. Они располагались двумя группами, разделяя поселение как бы на две неравные части. Планировка жилищ в пределах северо-западной (малой) части поселения не поддается определению из-за значительных разрушений культурного слоя. На основной же части поселения прослеживается круговая планировка жилищ двумя, возможно, тремя концентрическими кругами. Внутренний круг имел в диаметре около 25–40 м.

Для поселений типа Троянова известны остатки как наземных, так и углубленных в грунт жилищ. Остатки наземных домов раскопаны или прослежены на поселениях Троянов [52; 217], Паволоч [49], Вой-

* Отмеченные обстоятельства не исключают ошибочного типологического определения отдельных памятников, известных по маловыразительным материалам (рис. 27).

шевоква [47], Колодажное "Ивасева гора" [14, с.19] и др. Они имеют вид подпрямоугольных или овальных площадок, состоящих из разрозненных обломков обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева, лежащей в один, реже - два слоя. Площадки имеют в длину от 3-4 до 6-8 м, а в ширину 2-4 м. В Троянове большинство площадок ориентировано на юго-восток. В отдельных случаях на слое обмазки прослежены остатки печей (Паволоч, Троянов) и расположенных рядом с ними глинобитных возвышений (Троянов).

Углубленные в грунт землянки или полуземлянки встречаются редко. Известные по раскопкам в Троянове, эти жилища имели неправильную овальную форму или форму восьмерки; длина 6-9 м, ширина 2-4, глубина до 1,2 м от современной поверхности. В некоторых землянках обнаружены очажные углубления. Кроме жилищ на поселениях в Троянове и Паволоче были выявлены различные хозяйствственные ямы.

Орудия труда и оружие на памятниках типа Троянова в основном представлены теми же разновидностями, что и на иных позднетрипольских памятниках. Кремневые изделия изготавливались из местного сырья. Они представлены клиновидными топорами, ножевидными пластинами, остриями и сверлами, вкладышевыми орудиями, скребками и скреблово-видными орудиями, наконечниками стрел (рис. 32, ф. 37-45). Из камня твердых пород изготавливались растиральные камни, боевые топоры-молоты (рис. 32, ф. 48). Имеются изделия из рога и кости: мотыги, лопата, долотца, острия, проколки (рис. 32, ф. 46-47, 49-80).

Металлические изделия немногочисленны. Имеется кинжал с по-селения в Троянове [рис. 32, ф. 51]. С интересующими нас материалами, возможно, связана находка клиновидного топора-тесла с по-селения Гоща [212, с.84, рис.28, ф.3].

Многочисленны находки прясл различных форм. Многие из них орнаментированы на колами. Имеются зооморфные изображения (рис. 32, ф. 52-53).

Керамика памятников типа Троянова представлена двумя категориями. Первая из них - столовая расписанная - идентична столовой посуде ранее описанных памятников. На рассматриваемых памятниках она составляет около 8-10% (Троянов, Паволоч). Ведущими формами являются: полусферические миски, шаровидные амфоры с двумя ручками на тулове, амфоры, имеющие крышки с двумя ручками-ушками или одной грибовидной ручкой, сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (рис. 32, ф. I-II). Орнаментальные композиции не всегда определимы из-за сильной фрагментированности сосудов. На мисках встречается метопный орнамент или же сочетания горизонтально и вертикально расположенных дуговидных лент, на обломках других сосудов - различные сочетания лент, иногда сетчатая роспись.

Керамика второй категории отличается разнообразием примесей в массе, из которой изготовлена. Подразделяется на две группы. Одна из них представлена сосудами, изготовленными из массы с примесью песка, шамота, слюды и пирита (рис.32, ф.12-25). Поверхность сосудов пролощена и часто покрыта красно-вишневым ангобом. Он частично нанесен и по внутреннему краю сосудов полосой в 2-3 см. Другую группу представляют сосуды с примесями кварца, ракушки, имеется и растительная примесь. Поверхность сосудов грубая, шероховатая, темно-серого или черного цвета (рис.32, ф.26-29, 34).

Керамика второй категории является ведущей и составляет около 90% и более. Одной из самых распространенных форм являются миски и мисы (рис.32, ф.12, 13, 16, 18) с одной-двумя ручками по тулову или без них, с диаметром устья 40-50 см. Характерны чаши с открытым устьем и S-овидным профилем (рис.32, ф.15, 17), шаровидные амфоры с двумя простыми или профилированными ручками на тулове (рис.32, ф.24, 25), имеющие вытянутую усеченно-коническую горловину и достигающие в высоту до полуметра. Многочисленны сосуды баночных форм с тремя-четырьмя бугорками по основанию горловины (рис.32, 26, 27, 34). Сосуды орнаментированы резными линиями, оттисками шнура или же насечками и наколами самой различной формы. Орнамент в виде одной-трех параллельно нанесенных полосок расположен преимущественно по основанию горловины сосудов.

Предметы культа на памятниках представлены антропоморфными и зооморфными статуэтками (рис. 32, ф. 54-58). Антропоморфные статуэтки, за редким исключением, относятся к типу выхватинских (рис.32, ф.56, 58). На поселении Паволоч обнаружена статуэтка с реалистическим изображением деталей головы и лица (рис.32, ф.55). Она отличается от бризенских лишь примесями в тесте и цветом поверхности.

Зооморфная пластика (рис.32, ф.54) известна по единичным малоизразительным статуэткам животных.

Украшения для памятников типа Троицова почти неизвестны. На поселении Паволоч был найден зуб оленя с просверленной [49, с.101, табл. II, 31], а в Троицово - медное колечко [67, с.128] и глиняные бусины [14, с.30].

На поселении Паволоч [49, с.102] среди остатков фауны кости домашних животных составляли более 90%. Первое место занимали кости крупного, затем мелкого рогатого скота и свиньи. Дикая фауна представлена одиночными костями тура, лисицы, бобра, оленя, зайца и др. Для остальных поселений данных о фауне нет.

Исходя из наблюдаемой для раскопанных памятников однородности материалов как по качественным, так и по количественным пока-

зателем, предварительно можно считать, что все поселения типа Троянова относительно одновременны и просуществовали недолго.

Памятники Городского типа. Первые памятники типа Городска были открыты и раскопаны еще в 20-40-х гг. В последнее десятилетие эти памятники исследовались главным образом на территории Западной Волги (Костинец, Лозы, Листвин, Голышев и др.). Но материалы большинства из них до сих пор остаются неопубликованными.

На протяжении многих лет памятники типа Городска рассматривались совместно с ранее охарактеризованными Трояновскими [14, с.88]. В последние годы исследователи склонны рассматривать эти памятники как представляющие типологический вариант гординештских, или Северной группы, по определению Т.Г.Мовши [18, с.92].

В настоящее время известно около 10 памятников Городского типа (рис.27). Они занимают приблизительно ту же территорию, что и трояновские памятники, с той лишь разницей, что их ареал смешен несколько к западу и включает земли от верховьев Тетерева до верховьев Стыри.

Памятники рассматриваемого типа представлены только поселениями. Шесть из них подвергались значительным раскопкам. Однако в раскопках на поселениях Листвин, Голышев, Костинец имеется лишь предварительная информация, что значительно осложняет характеристику всей группы в целом.

Большинство известных поселений расположено на высоких естественно укрепленных мысах и останицах. На некоторых поселениях (Жорнов, Лозы) с напольной стороны визуально прослежены оборонительные валы и рвы. Хотя позднетрипольские слои на этих поселениях перекрываются средневековыми, не исключено, что некоторые из оборонительных сооружений связаны с позднетрипольскими слоями.

Отличается по расположению поселение Голышев, занимающее незначительное пойменное возвышение.

Судить о внутренней планировке поселения рассматриваемого типа сейчас невозможно из-за отсутствия данных с хорошо раскопанных памятников.

Для памятников Городского типа характерны наземные дома и полуземлянки. Первые представлены остатками в виде редуцированных площадок или остатков очагов и концентрации материалов. Остатки таких домов обнаружены в Городске [30, 31], Лозах [72], Голышеве [71] Листвине [211]. Землянки или полуземлянки чаще всего состоят из нескольких ям различных конфигураций, объединенных общим контуром. В разных частях этих жилищ встречаются остатки печей или очагов. Остатки подобных жилищ были открыты в Костинце. Одно из них имело окружную форму, диаметр около 3 м [50, с.134], другое – полу-

землянка с остатками подковообразной печи - неправильно-овальную форму, размер 1,55x 2 м при глубине 0,7 м [70, 199]. Обнаруженная в Городске полуzemлянка [31, с.384, рис.24] состояла из двух больших соединенных между собой частей. В каждой из них найдены остатки очагов. Полуземлянка была ориентирована с востока на запад и имела в длину 4,7, а в ширину 1-1,6 м. Подобный тип жилища обнаружен также на поселениях Голышев [71], Ново-Чартория [48]. Целая группа полуземлянок, в том числе и жилище-мастерская по обработке кремня раскопана на поселении Листвин [68, с.210]. Кроме жилищ на поселениях были выявлены хозяйственные ямы различных форм и размеров.

Орудия труда и оружие на памятниках типа Городска представлены в основном кремневыми изделиями, изготовленными из местного сырья. Они известны по многочисленным экземплярам клиновидных плоских топоров. Часто встречаются ножевидные пластинки, острия и проколки, скребки и скребловидные орудия. Имеются сверла и вкладыши серпов (рис.33, ф.38-42). Из твердых пород камня изготовлены проушенные топоры-молоты (рис.33, ф.43), долотца, растиральные камни.

Обращает на себя внимание малочисленность костяных и роговых изделий. Лишь изредка встречаются проколки, острия, отростки рогов с просверлинами.

Металлические изделия для этой группы памятников неизвестны. Исключение, возможно, составляет лишь четырехгренное шило, обнаруженное на Малом городище (№ 3) в Городске (рис.33, ф.44).

Часто встречаются глиняные пряслица самых различных форм с орнаментом или без него (рис.33, ф.45-47).

Керамический комплекс памятников Городского типа характеризуется незначительным процентом столовой расписной посуды. На поселении Ново-Чартория она составляет около 11%, на остальных памятниках - менее 5%. Встречаются преимущественно обломки полусферических мисок, на которых изредка сохранился метопный орнамент или сочетания горизонтально и вертикально расположенных дуговидных лент (рис.33, ф.13). Из иных форм встречаются обломки амфор с двумя ручками-ушками на плечиках и крышками, орнаментированными лентами, часто в сочетании с сетчатой росписью (рис.33, ф.4-6). Отдельные фрагменты, по-видимому, происходят от шаровидных амфор с двумя ручками на тулове, сосудов с шаровидным туловом.

Большинство керамики (около 90% и более) городских памятников изготовлено из массы с теми же примесями, что и посуда поселений типа Троянова: песок, кварц, ракушка, слюда, графит, изредка - растительная примесь. Поверхность сосудов в одних случаях грубая, шероховатая, в других - склажена или залощена и покрыта крас-

новатой или красновато-вишневой краской или ангобом. Наиболее распространенными являются полусферические или усеченно-конические миски со слегка закругленными к устью стенками. Реже встречаются миски со слабо выраженным S-овидным профилем. Миски имеют простой закрученный и чаще всего профилированный край венчика (рис.33, ф.7-21). На мисках с простым венчиком наряду с вишнево-красной ангобированной поверхностью изредка встречается коричневая роспись в виде полуовальных или волнистых полосок (рис.33, ф.7-9). Для мисок с профилированным краем венчика характерен преимущественно орнамент из оттисков шнура, полосок или наколов разной формы. Они образуют различные сочетания и обычно нанесены по верхнему краю венчика и плечикам мисок (рис.33, ф.12-17, 19-21).

Среди прочих форм следует отметить довольно часто встречающиеся фрагменты шаровидных амфор с двумя простыми или профилированными ручками по тулowi (рис.33, ф.22 - 25), обломки амфор с двумя ручками-ушками по плечикам и обломки крышек к ним с двумя ручками-ушками или с грибовидными ручками (рис.33, ф.26-29). Широко распространены сосуды баночных форм, в том числе с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины (рис.33, ф.31-33). Они имеют различные пропорции и размеры, большинство орнаментировано насечками, наколами, оттисками шнура, которые в виде полосок нанесены по краю венчика, основанию горловины, изредка - по плечикам.

Культовая пластика на памятниках Городского типа представлена единичными обломками статуэток выхватинского типа (рис. 33, ф.48, 49) и статуэток бычков, изготовленных, однако, из массы с различными примесями. Обращают на себя внимание обнаруженные на поселениях Голышев и Листвин единственные в своем роде фрагменты крупных (около 15-20 см) зооморфных статуэток из массы с примесью ракушки, орнаментированные оттисками шнура. (Эти материалы еще не опубликованы.)

Украшения для памятников Городского типа не известны или не опубликованы (?).

Определения фаунистических остатков известны только для поселения в Городске [30, с.346; 31, с.432]. Кости домашних животных составляют примерно 95%, причем около 65% из них принадлежат лошади. Встречаются кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и собаки.

В пределах охарактеризованной группы по содержанию столовой посуды выделяется лишь поселение Ново-Чартория, которое, очевидно, является одним из наиболее ранних. Некоторые различия наблюдаются также между восточными и западными Волынскими памятниками, что, по-видимому, объясняется расположением последних на границе с куль-

турой воронковидных сосудов. В целом же все памятники Городского типа относительно одновременны и просуществовали недолго. Относительная хронология и происхождение памятников Волыни. Отмеченная выше относительная хронология памятников типа Троицкого и Городского определяется тем, что совпадающие территориально разнотипные памятники обычно являются относительно разновременными. Вместе с тем, учитывая сходство некоторых из городских памятников (Ново-Чарторыйска) с троицкими по процентному соотношению столовой посуды, можно считать, что эти группы отчасти одновременны, по крайней мере позднейшие троицкие с наиболее ранними городскими.

Что касается соотношения троицких и городских памятников с колодижинскими и памятниками типа Хорьев, то первые две группы в целом более поздние. Данное положение можно аргументировать тем, что столовой посуды на памятниках типа Колодижное и Хорьев больше, а многим ее формам, как и антропоморфной пластике, присущи черты, характерные для среднего периода Триполья. Труднее определить место памятников типа Хорьев. Возможно, они занимают промежуточное положение между колодижинскими и троицкими. Однако нельзя исключить и то, что хорьевские и колодижинские памятники одновременны и представляют разнотерриториальные группы: первые - в Западной Волыни, вторые - в Восточной. Окончательное решение этого вопроса возможно лишь после полной публикации материалов раскопок на Волыни.

Четко определяется хронологическое соотношение волынских памятников с памятниками типа Брынзен и Гординешт. Как уже отмечалось, одной из ведущих форм керамики городских памятников являются полусферические миски с профилированным краем венчика. Этот же тип составляет одну из специфических черт гординештских памятников. Но на городских памятниках совершенно отсутствует роспись из геометрических сочетаний широких лент, свойственная для наиболее ранних гординештских памятников. Отмеченные обстоятельства дают основание синхронизировать городские памятники с гординештскими, но только с наиболее поздними из них, такими как Звениччин, Поливанов Яр и др.

Если такая синхронизация верна, то исходя из установленного соотношения гординештских памятников с брынзенскими, троицкие памятники можно синхронизировать отчасти с брынзенскими, отчасти с гординештскими. В качестве дополнительного аргумента для синхронизации троицких памятников с некоторыми брынзенскими можно привлечь статuetку с поселения Паволоч (рис. 32, ф. 55), которая по реалистической манере передачи деталей головы и лица идентична брынзенским (рис. 30, ф. 54) и, очевидно, представляет подражание им.

Из инокультурных групп трояновские и городские памятники синхронизируются главным образом с памятниками культуры воронковидных соудов, с которыми обнаруживают ряд общих черт. Неоспоримые данные о синхронизации городских памятников с памятниками упомянутой культуры представляет керамика культуры воронковидных соудов, обнаруженная на поселениях Лозы [69, с.104] и Костянец [70, с.199].

Можно предположить частичную синхронизацию позднетрипольских памятников Волыни с культурами шаровидных амфор и шнуровой керамики. Отчасти она документируется находкой позднетрипольской расписной амфорки в погребении в Заншине [207]. Самостоятельные данные по этому вопросу приводятся также в исследованиях И.К.Свешникова [261, с.161]. В целом же памятники культур шаровидных амфор и шнуровой керамики на территории Волыни являются более поздними и с исчезновением позднетрипольских полностью перекрывают их ареал.

Рассмотренные с точки зрения возможного их происхождения культурные традиции волынских памятников имеют двойное проявление. С одной стороны, материалы каждого из охарактеризованных типов памятников обнаруживают ряд исходных форм в предшествующих им на месте памятниках: трояновские в хорьевских и колодяжинских, а городские в трояновских. С другой стороны, материалы волынских позднетрипольских памятников имеют в качестве исходных многие черты, свойственные разнотипным памятникам Днестровско-Прутского междуречья: трояновские (отчасти и хорьевские) – брынзенским, а городские – гординецким. Причем днестровско-прутские традиции на позднетрипольских волынских памятниках гораздо многообразнее и сильнее выражены, чем местные.

Местные традиции в материалах позднетрипольских памятников Волыни лучше всего прослеживаются по технико-технологическим признакам кухонной керамики. Это своеобразные примеси в глиняной массе: (кварц, песок, слюда, графит, шамот, ракушка, растительная примесь) и особенности обработки поверхности (тищательное склаживание или лощение с покрытием красноватой или вишнево-красноватой краской или ангобом). Эти признаки свойственны керамике колодяжинских и хорьевских, затем трояновских и городских памятников, но в совокупности они не характерны ни для днестровско-прутских, ни для среднеднепровских памятников и раскрывают основное своеобразие лишь памятников Волынского регионального варианта позднего Триполья.

Днестровско-прутские культурные традиции на памятниках типа Троянова обнаруживаются по морфологическим признакам керамики и

антропоморфной пластики. Но совокупности признаков комплекса керамики и антропоморфной пластики трояновских памятников не находит себе прототипов в предшествовавших им на месте колодажининских памятниках или на памятниках Среднего Поднепровья, хотя отдельные компоненты этого комплекса встречаются и там и там. Однако он почти целиком повторяет комплекс форм, свойственных для памятников типа Бринзен и Выхватинец.

Если исходные формы керамики и антропоморфной пластики (в определенном соответствии технико-технологических и морфологических, а в некоторых случаях и метрических признаков), представленные на ранних днестровско-прутских памятниках, рассматривать как некие "чистые" типы, то основное своеобразие комплекса керамики трояновских памятников проявляется в том, что здесь наряду с "чистыми" типами, присутствуют и их варианты. Причем последние количественно преобладают. Так, шаровидные амфоры с двумя ручками-ушками, полусферические миски, антропоморфная пластика на днестровско-прутских памятниках выполнены только в массе без видимых примесей. На трояновских же памятниках эти формы выполнены преимущественно из массы с различными примесями. Шаровидные амфоры с двумя ручками на тулове, сосуды с высокой усеченно-конической горловиной, сосуды бочончной формы с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины и другие формы дают на днестровско-прутских памятниках одни метрические показатели (пропорции), на трояновских - другие.

Подобным же образом обнаруживаются днестровско-прутские традиции гординештских памятников в материалах городских.

Отмеченное проявление комплекса материалов дает возможность предложить следующую трактовку вопроса о происхождении культурных вариантов позднего Триполья Волыни.

Культурный вариант, представленный памятниками типа Троянова, очевидно, возник в результате переселения части днестровско-прутского населения (по-видимому, с бринзенскими материалами) и его взаимодействия с местными волынскими племенами, оставившими памятники типа Хорьев и Колодяжное. В процессе этно-культурных ассимиляций более устойчивыми оказались традиции пришлого населения, хотя многие из них были восприняты в переработанном виде. Как бы то ни было, результатом этих процессов явилось возникновение качественно нового культурного варианта, представленного в своеобразном типе памятников, обладающем общими для них исходными компонентами.

Сходным, очевидно, был процесс образования позднейшего на Волыни культурного варианта, представленного памятниками Городского типа. Различными были лишь исходные компоненты, из которых мест-

ый был представлен трояновским, а пришлый – гординештским.

Следует отметить, что возникшие на Волыни этно-культурные образования в свою очередь оказали определенное влияние на позднетрипольские племена Днестровско-Прутского междуречья. В частности, такой своеобразный морфологический признак керамики, как профилированные ручки (с одним или двумя коническими налепами на верхней части), характерные для гординештской керамики, очевидно, следует связывать именно с влиянием традиций трояновского населения. На интенсивные культурные и торгово-обменные связи племен Волыни с населением, оставившим брынзенские и гординештские памятники, явственно указывают присутствующие на последних относительно многочисленные изделия из волынского кремня.

Наконец, определенную роль в формировании культурных вариантов позднего Триполья, по-видимому, сыграли также окружающие их с запада, севера и востока племена культуры воронковидных сосудов, шаровидных амфор и шнуровой керамики, культурные группы с ямочно-гребенчатой керамикой, позднетрипольские племена Среднего Днестра.

Позднее Триполье Среднего Поднепровья

Среднеднепровский региональный вариант позднего Триполья представлен памятниками Лукашевского и Софиевского типов. Первые раскрывают особенности развития культуры позднего периода на раннем этапе, вторые – на позднем.

Памятники Лукашевского типа. Из памятников рассматриваемого типа первым наиболее полно было раскопано поселение у с.Лукаши [33], которое впоследствии и определило название всей группы. Основная же часть памятников этого типа была открыта и раскопана преимущественно в 60-х – начале 70-х гг. Лукашевские памятники как представляющие самостоятельный тип были выделены только в конце 60-х гг. [87; 94].

В настоящее время известно 12 памятников Лукашевского типа (рис. 27). Они занимают Киевское Поднепровье от устьев Ирпени и Остера на севере до устья Стугны и верховьев Трубежа на юге.

Памятники этого типа представлены только поселениями. В отличие от ранее описанных, они обычно занимают относительно низкие речные и пойменные террасы. Лишь поселения Евминка I и Евминка II занимают высокие мысовидные выступы, однако целенаправленные поиски возможных искусственных оборонительных сооружений с их напольной стороны не дали положительных результатов. Раскопки и наблюдения над обнажениями культурных слоев поселений Лукаши, Под-

город II, Подгорцы III, Софиевка показали, что все они навелики по размерам и объединяют от 6 до 13 жилищ, расположенных по овалу или кругу.

Для поселений Лукашевского типа выявлены остатки как наземных, так и углубленных в грунт жилищ. По наблюдениям В.А.Круца, первые характерны для южной группы поселений, вторые - для северной. Только на поселении Подгорцы II, относящемся к южной группе, наряду с остатками наземных домов были зафиксированы и жилища-землянки.

Остатки наземных домов представлены редуцированными площадками, состоящими из разрозненных кусков обмазки в один-два, реже - три слоя, с отпечатками древесины или без них. Площадки имели различные формы и размеры. Конструктивные детали на них не прослежены.

Землянки и полуzemлянки, раскопанные в Казаровичах, Евминке I, Евминке II, имели овальную или неправильную подпрямоугольную форму, длина от 4 до 9 м, ширина от 2 до 7 и глубина от 0,5 до 1,4 м. На поселении Евминка II одно из жилищ имело форму восемьмерки. В некоторых жилищах выявлены остатки печей, очагов. Кроме жилищ на поселении Софиевка и Евминка II обнаружено по одной хозяйственной яме.

Коллекция орудий труда и оружия с лукашевских памятников сравнительно немногочисленна. Кремневые изделия, по предположению В.А.Круца, изготавливались из привозного волынского сырья. Они представлены ножевидными пластицами и серпами, скребками, сверлами, наконечниками стрел с выемчатым основанием (рис.34, ф.35-43). Из твердых пород камня изготовлены преимущественно растиральные камни, из кости и рога - проколки, острия, тесла, рыболовные крючки, лопата-кишаки, мотыги, клевые (рис.34, ф.44-50), из глины - пряслица с накольчатым орнаментом или без него, грузила. Металлические изделия неизвестны.

Керамика памятников Лукашевского типа представлена расписной посудой и посудой из массы с различными примесями.

В отличие от посуды ранее описанных памятников лукашевская расписная посуда имеет мягкий желто-беловатый оттенок, в тесте встречается примесь крововика, а на поверхности - светло-коричневатый ангоб (рис.34, ф.1-II). На различных памятниках эта керамика составляет от 4 до 22% (Евминка II - 4,6%, Евминка I и Лукаши по 9, Софиевка - 10, Подгорцы II - 22,5%)^{*}.

Керамика второй категории подразделяется на две группы. Для первой характерна масса с примесью песка, качественный обжиг. Поверхность сосудов тщательно стяжана или подлощена и имеет крас-

* Особый и далее качественные показатели для керамики приводятся В.А.Круца [56; 82, табл.9].

новатый или черно-серый цвет (рис. 34, ф. 12-27). На различных памятниках эта керамика составляет от 46 до 78% (Емынка II - 48, Емынка I - 51, Подгорцы II - 57,4, Софиевка - 76, Лукаши - 78%). Керамика второй группы этой категории изготовлена из массы с примесью ракушки, иногда песка (рис. 34, ф.28-34). Цвет поверхности от красно-коричневого до темно-серого. Поверхность сосудов обычно шероховатая и чаще всего имеет следы полосчатого стеклования - расчесы. На разных памятниках эта керамика составляет от 13 до 51% (Лукаши - 13%, Софиевка - 14, Подгорцы II - 20, Емынка I - 36, Емынка II - 34%).

Кроме отмеченных для поселений Емынка I, Емынка II характерна еще одна группа керамики (составляющая соответственно 14 и 15%) так называемого софиевского типа, которая свойственна памятникам последующего Софиевского типа.

Для керамики первой категории и первой группы второй категории в основном характерны те же типы форм (рис. 34). Ведущими являются полусферические и конические миски. Первые имеют простой закругленный край венчика, вторые - простой профилированный край. Во краю венчика встречаются налепные ручки различных форм, в том числе и в виде схематических головок животных. Орнамент на мисках из массы первой категории представляет собой сочетания различных лент, выполненных главным образом коричневой краской. Роспись встречается и на наружной и на внутренней поверхности. Орнаментальные композиции, за редким исключением, не определяются из-за сильной фрагментированности посуды. Орнамент на мисках из массы с примесью песка встречается редко, обычно это различные сочетания углубленных полосок по верхнему краю профилированных венчиков конических мисок.

Разнообразны варианты шаровидных амфор с относительно широким или узким устьем, с округлым или ребристым туловом, с ручками по плечикам и тулову или без ручек. На плечиках сосудов иногда имеются бугорки-наколы. Встречаются сосуды грушевидной формы и одноручные кувшины. На сосудах отмеченных форм из массы первой категории орнамент представлен преимущественно в виде сочетания широких расписных лент (рис. 34, ф. I-10). На сосудах из массы с примесью песка орнамент встречается редко и состоит главным образом из углубленных полосок, образующих "елочки", которые расположены вертикально или в перевернутом виде по плечикам или всему тулову сосудов (рис. 34, ф. 19, 20). На других формах горизонтальные полоски в сочетании с наколами или без них опоясывают основание горловины или плечики сосудов (рис. 34, ф. 21, 24-27). На некоторых формах встречаются "жемчужинки", налепные ручки-ушастые и т.п.

Керамика из массы с примесью ракушки представлена однотипными по форме сосудами-горшками с открытым широким устьем и округлым туловом. Орнамент состоит из насечек и наколов самых различных форм (рис. 34, ф. 28-34), которые одним, реже - двумя рядами расположены по внешнему краю венчика и основанию горловины. На горловине или по ее основанию встречаются ручки-налепы различных форм, в том числе и зооморфные (рис. 34, ф. 31).

Антропоморфная пластика памятников Лукашевского типа малоисследована. Она представлена стоячими, изрека - сидячими женскими фигурами (рис. 34, ф. 54-57). Эти статуэтки отличаются от пластики всех ранее описанных памятников тем, что по морфологическим признакам (выпуклости по бочкам с одним сквозным отверстием, смоделированные в виде конического цилиндра ноги, слабо выраженный рельеф головок и т.п.) сходны главным образом с пластикой среднего периода Триполья.

Украшения почти неизвестны. Встречаются лишь единичные бусинки из позвоночных костей рыб (рис. 34, ф. 52, 53).

Определения фаунистических остатков имеются только для поселений Подгорцы II и Евминка I [66, с. 142]. На обоих поселениях преобладают кости домашних животных, соответственно 98 и 59%. Кости крупного рогатого скота составляют ~ 46 и 30%, свиньи - 19 и 30, лошади 27 и 24, мелкого рогатого скота 8 и 3%. Среди останков диких животных поселения Евминка I количественно преобладают кости благородного оленя, косули и кабана. Много костей рыб и болотной черепахи.

По всем основным категориям материалов и в особенности по технико-технологическим, морфологическим и стилистическим признакам керамики памятники Лукашевского типа отличаются от ранее описанных памятников Волыни и Поднестровья. Зато значительное сходство они обнаруживают с материалами памятников типа Чапаевки, на которых многие их признаки находят исходные формы. Отмеченное обстоятельство позволило В.А. Крупу интерпретировать Лукашевскую группу как генетически связанную с Чапаевской, за которой она следует во времени [66, с. 10; 108].

Памятники Софиевского типа. Первые памятники Софиевского типа были открыты и раскопаны еще в конце XIX - начале XX столетия. Большая группа поселений и первые грунтовые могильники были открыты в конце 40-х - начале 50-х гг. На протяжении многих лет эти памятники рассматривались вместе с лукашевскими. Типологически они были разграничены только в конце 60-х гг. [95].

В настоящее время известно около 25 памятников Софиевского типа (рис. 27). Они занимают Киевское Поднепровье на участке от

устьев Прямати и Остера на севере до устья Струги на юге. Памятники этого типа представлены поселениями и грунтовыми могильниками.

Известно около 20 поселений. В отличие от лукашевских, они обычно расположены на высоких естественно укрепленных мысах лёссовидных террас Днепра и его притоков. По размерам и планировке они, по-видимому, не отличаются от лукашевских, хотя точные данные для освещения этого вопроса, кроме поселения в Казаровичах, отсутствуют.

Для полно исследованного поселения в Казаровичах [66, с. III] была выявлена структура из двух частей, включающая укрепленный "детинец" и неукрепленный "посад". "Детинец" в силу особенностей местности - открытой с напольной стороны террасы Днепра - был приближен к одному из наиболее высоких ее участков. С северо-восточной стороны участок, по-видимому, был ограничен береговой линией, с напольной стороны - укреплен двумя рвами. Внутренний ров имел в плане форму полукульца диаметром 60 м и упирался обоими концами в береговую линию террасы. Внешний ров, проходившей на расстоянии 4 м от внутреннего и параллельный ему, был прослежен лишь частично. В кольце укреплений обнаружены два прохода шириной по 3 м. Один обращен к неукрепленной части поселения, другой - в поле. Рвы имели воронковидную в сечении форму, ширина их верхней части 2,5-3 м, глубина 1,5-1,6 м. Неукрепленная часть поселения тянулась узкой полосой по краю террасы на протяжении почти 1000 м. На территории "детинца", раскопанного более чем на половину, были обнаружены остатки трех жилищ и около 25 хозяйственных ям. Значительное число хозяйственных ям при почти полном отсутствии жилищ, возможно, объясняется тем, что укрепленная часть поселения, служившая в случаях нападения врага убежищем для людей и скота, в мирное время использовалась главным образом для хранения запасов зерна и других продуктов.

Для поселений Софиевского типа известны только углубленные в грунт жилища: Они имели овальную или подпрямоугольную форму, размеры - от 2x2,2 до 3x10 м, глубина до 1,5 м. Пол жилищ более или менее ровный с отдельными углублениями. Прослежены остатки углубленных или расположенных на полу очагов. Подобные жилища открыты на поселениях в Казаровичах, Пирогово, Бортничах, Кирилловских земляниках. В Бортничах одно жилище состояло из двух углубленных частей, разделенных материковой перемычкой. Кроме жилищ на поселениях обнаружены хозяйственные ямы различных форм и размеров.

В отличие от всех ранее охарактеризованных групп памятников позднего Триполья, Софиевская характеризуется грунтовыми могиль-

никами с трупосожжениями. Они известны по раскопкам у Софиевки, Красного Хутора, Чернина, Заваловки. Кроме того, одиночное погребение Софиевского типа было обнаружено при раскопках более раннего поселения у с. Чапаевка [229, с. 71]. За исключением последнего, все могильники расположены на высокой донной террасе левого берега Днепра. К Софиевской группе, очевидно, относится и открытое в значительном удалении от ее ареала погребение в кургане у с. Колодистое, данные о котором, однако, противоречивы [24, с. 124; 189, с. 190].

Могильники относительно невелики по размерам (от 40 до 100^{м²}), но содержат от 100 до 200 захоронений (в Софиевке - 145, Красном Хуторе - 195, Чернине - 94). Незначительным числом погребений (16) отличается лишь Заваловский могильник. Большое число погребений на могильниках позволяет предположить, что каждый из них служил кладбищем для обитателей одного или нескольких поселений. Вместе с тем, наблюдаемая на некоторых могильниках (Красный Хутор, Софиевка) группировка по три-семь погребений дает основание полагать, что захоронения совершались по семейному или родовому признаку, как в Выхватинцах, Усатове и других памятниках Поднестровья.

Сожжение умерших совершалось на стороне, а затем остатки погребались в сосудах-урнах или без них в простых ямах. Для различных могильников соотношение урновых и безурновых захоронений различно. На могильниках в Софиевке и Чернине урновые захоронения составляют около 30%, в Красном Хуторе - около 52%, на Заваловском имеются только безурновые. Установлено, что при захоронении остатков сожжения, кости располагались в анатомическом порядке: трубчатые кости - снизу, кости черепа - сверху.

Около 25-35% погребений сопровождалось инвентарем. Он встречается как в урновых, так и в безурновых захоронениях. Инвентарь обычно помещали рядом или вперемешку с человеческими костями. Иногда он носит следы огня. Инвентарь представлен посудой, орудиями труда, оружием, украшениями, изготовленными из камня, кости, металла, глины, янтаря. В единичных случаях найдены антропоморфные статуэтки. К сожалению, из-за отсутствия антропологических определений судить о соотношении категорий инвентаря с полом и возрастом погребенных не представляется возможным.

В некоторых погребениях найдены обожженные кости животных.

На софиевских памятниках орудия труда и оружие в основном представлены теми же категориями, что и на лукашевских. Кремневые изделия изготовлены из привозного болинского сырья. Многочисленны ножи и ножевидные пластинки, вкладыш серпов, скребки. На могильниках часто встречаются наконечники стрел. Имеются острия и клиновидные топоры (рис. 35, ф. 43-48). На поселениях обнаружены рас-

тические камни, а на могильниках - боевые топоры-молоты с простым или выделенным обушком, сделанные из твердых пород камня (рис.35, ф.49,50). Многочисленны проколки, острия, кlevцы, мотыги из кости и рога, а также глиняные пряслы и грузила различных форм с орнаментом или без него (рис.35, ф.62,63).

В отличие от лукашевских, на софиевских памятниках, в частности на могильниках, нередко встречаются изделия из металла. Они представлены кинжалами усатовских форм или особой удлиненно-листовидной формы, имеющей аналогии на майкопских памятниках. Имеются и черенковые ножи, долотца, плоские топоры-тесла, четырехгранные шильца (рис. 35, ф.51-55). По определению Е.Н.Черных, большинство изделий изготовлено на медной основе с различными естественными примесями, но в единичных случаях зафиксирована и искусственная примесь мышьяка. Своебразие набора металлических изделий этой группы памятников позволило Е.Н.Черных интерпретировать их как представляющие самостоятельный металлообрабатывающий очаг Тримольской и, в частности, позднетрипольской культуры [253, с.24].

На памятниках Софиевского типа керамика представлена теми же категориями и группами, что и на лукашевских. Основное различие наблюдается по количественному проявлению и по формам.

На софиевских памятниках столовая расписная посуда встречается только в единичных обломках. Имеются фрагменты полусферических и конических мисок, шаровидных амфор с двумя ручками на тулове. Они расписаны узкими или широкими лентами коричневатого цвета (рис.35, ф.1,2).

Единичны находки керамики обеих групп второй категории, характерных для лукашевских памятников. Только на поселениях Бортниччи и Казаровичи эта керамика составляет около 18%. По формам и орнаменту она повторяет типы, свойственные предшествовавшей ей лукашевской посуде. Керамика этих двух категорий встречается преимущественно на поселениях и лишь в исключительных случаях на могильниках.

Основной для рассматриваемой группы памятников является керамика так называемого софиевского типа. Она не характерна для других групп позднетрипольских памятников (исключением являются поселения Евминка I, Евминка II, представляющие Лукашевский тип). Эта керамика изготовлена из массы с большим содержанием сильно измельченной ракушки, изредка - песка. Посуда хорошо обожжена, черепок плотный, поверхность тщательно слгажена или подлощена, цвет ее от серо-черного до красноватого. На поверхности сосудов встречается коричневый или красноватый ангоб. По характеру примесей и обжигу керамика этой категории с поселений несколько отличается от посуды с могильников; последняя выполнена более небрежно.

Для данной категории керамики характерны полусферические, реже - конические миски, миски с коротким венчиком и S-овидным профилем (рис. 35, ф. 3-15). Многочисленные шаровидные амфоры с двумя простыми или профилированными ручками на тулове (рис. 35, ф. 16-21), сосуды с высокой усеченно-конической горловиной (рис. 35, ф. 28-33), горшки баночных форм, варьирующие по размерам и пропорциям. Среди последних наиболее распространеными являются высокие горшки с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины (рис. 35, ф. 34, 35, 37, 38). Иногда встречаются также фрагменты шаровидных амфор с двумя ручками-ушками по плечикам, и крышками с грибовидными ручками или двумя ручками-ушками (рис. 35, ф. 25-27), одноручные кувшины (рис. 35, ф. 24).

Орнамент сосудов этой категории относительно беден. На мисках изредка находим наколы по внешнему краю венчика. Своеобразны фигурные ручки-налепы, в том числе антропоморфные и зооморфные (рис. 35, ф. 7). На шаровидных амфорах и сосудах с высокой подковообразной горловиной орнамент отсутствует. Лишь изредка встречается роспись в виде волнистых или прямых лент, расположенных горизонтально или вертикально, роспись в виде овальных мазков, покрывающих все туло. На сосудах с шаровидным туловом или горшках иногда имеются насечки и защипы по краю венчика, отиски шнурка или полосы из наколов и углублений различных форм по основанию горловины. Часто на туловах этих сосудов встречаются одиночные или парные бугорки-налепы.

Пластика на памятниках Софиевского типа представлена единичными экземплярами. Из Заваловского могильника известна сильно схематизированная статуэтка в виде подпрямоугольной плоской пластины с перехватом посередине (рис. 35, ф. 68). Сходная отчасти статуэтка происходит с поселения Казаровичи (рис. 35, ф. 67). Более реалистична по исполнению женская статуэтка с поселения Киев-Сырец I, которая, однако, отличается от статуэток иных групп памятников тем, что на ее плечиках имеются вертикальные отверстия для насаживания головки (рис. 35, ф. 66). Маловыразительный фрагмент женской статуэтки происходит также с поселения Бортниччи (35, ф. 64, 65).

Украшения известны главным образом по находкам в погребениях. Они представлены проволочными или пластинчатыми колечками и пронизками, браслетами, бусинами из свернутых медных пластинок, иногда из янтаря (рис. 35, ф. 56-59).

Фаунистические остатки определены лишь для двух поселений Софиевского типа Пирогово и Подгорцы I [66, с. 142]. На первом поселении кости домашних животных составляли около 40%, на втором - примерно 60%. На последнем преобладали кости крупного рогатого скота, затем лошади, свиньи и мелкого рогатого скота.

Относительная хронология и вопросы происхождения. Среди памятников Софиевского типа поселения Бортниччи и Казаровичи, содержащие около 18% керамики, характерной для лукашевских памятников, очевидно, являются наиболее ранними. В целом же все памятники этого типа можно рассматривать как относительно одновременные.

В сравнении с лукашевскими, Софиевские памятники являются более поздними. Такое соотношение определяется по количественному различию столовой расписной посуды, по наличию промежуточных комплексов: лукашевских с чертами, характерными для софиевских (Евминка I, Евминка II), и наоборот – софиевских с чертами, характерными для лукашевских (Бортниччи, Казаровичи). Кроме того, в Казаровичах местами были зафиксированы культурные слои с материалами обоих типов.

По отношению к памятникам Волыни, софиевские синхронизируются с городскими и отчасти, по-видимому, с трояновскими (наиболее поздними комплексами). В первом случае синхронизацию можно аргументировать импортными изделиями: сосуд кубковидной формы с пищевой орнаментацией из Казаровичей (рис. 36, ф. 2)* крышка с грибовидной ручкой из погребения в Софиевке (рис. 35, ф. 25). Эти изделия представляют то ли городской, то ли гординешский импорт или подражания ему.

Синхронизация городских памятников с частью трояновских основывается на единстве многих форм керамики: амфоры с профилированными ручками, сосуды с высокой усеченно-конической горловиной, горшки с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины. Однотипны статуэтки из Паволоч (рис. 32, ф. 55) и Казаровичей (рис. 35, ф. 67).

На основании обнаруженных на могильнике у Красного Хутора кинжалов усатовских форм Софиевскую группу можно синхронизировать также и с усатовскими памятниками.

Если указанная синхронизация верна, то памятники Лукашевского типа, предшествовавшие софиевским, следует считать одновременными отчасти с ранними памятниками типа Троянова, с хорьевскими и, по-видимому, отчасти с колодяжинскими на Волыни, с памятниками типа Бризен и ранними выхватинскими в Попрутье и Поднестровье. В связи с этим следует упомянуть импортную с днестровско-прутских памятников миску на памятнике Лукашевского типа в Процеве (рис. 36, ф. I).

* Рисунок сосуда из Казаровичей и миски с поселения в Процеве (рис. 36) публикуется с разрешения В.А.Круца.

Из инокультурных групп лукашевские и софиевские памятники синхронизируются с граничившими с ними на севере неолитическими памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой [239, с.108], а на востоке -- с памятниками типа Пивихи и более поздними -- древнеямыми [66, с.153].

Культурный вариант, представленный памятниками Софиевского типа, В.А.Круц рассматривает как возникший на основе лукашевских культурных традиций [66,с.108,136]. Действительно, генетическая взаимосвязь памятников Лукашевского и Софиевского типов неоспорима. Она обнаруживается в технико-технологических категориях керамики, в формах и росписи столовой посуды, в орнаментации различных типов мисок и т.п. Все эти и другие признаки в большей или меньшей степени свойственны памятникам обоих типов и характеризуют их как компоненты единого регионального культурного варианта или особую линию развития позднего Триполья на Среднем Днепре.

Однако софиевские памятники значительно отличаются от лукашевских по таким важным признакам, как наличие шаровидных амфор с ручками-ушками на плечиках, сосудов с высокой усеченно-конической горловиной, сосудов баночных форм с тремя-четырьмя сугорками-налепами по основанию горловины. Эти типы форм в совокупности составляют более 50% от всех прочих форм керамики софиевских памятников. Они совершенно отсутствуют на лукашевских памятниках, и их происхождение не может быть связано с традициями последних. Зато указанные формы широко представлены на позднетрипольских памятниках типа Троянова и отчасти Городска, на которых они, как отмечалось, появились в результате днестровско-прутских влияний на население, оставившее памятники типа Брынзен. Это обстоятельство дает основание считать, что Софиевский вариант позднего Триполья на Среднем Днепре сложился в результате взаимодействия нескольких однокультурных компонентов: местного, представленного лукашевскими традициями, и пришлого -- днестровско-прутского, воздействие которых, однако, было опосредовано трояновскими традициями. Кроме этих основных компонентов в образовании Софиевского варианта определенную роль сыграли, вероятно, племена, оставившие памятники типа Пивихи [66, с.155].

Относительная самостоятельность и своеобразие структур позднего Триполья

Итак, мы охарактеризовали все известные для позднего Триполья разнотипные группы памятников и образованные ими региональные и зональные варианты. Было показано, что, возникнув на различных культурных традициях конца среднего Триполья, памятники Днестров-

ско-Прутского междуречья, Волыни и Среднего Поднепровья различны по основным категориям материалов и их признакам, что и дало основание интерпретировать их как представляющие относительно самостоятельные, одновременно развивающиеся на разных территориях генетические линии или сложные региональные и зональные культурные варианты. Вместе с тем было подчеркнуто, что некоторые памятники, независимо от их принадлежности к тому или иному региональному варианту, сходны между собой. Это сходство обнаруживается главным образом по своеобразному комплексу керамики, включающему пять типов форм: полусферические миски, шаровидные амфоры с двумя ручками-ушками на плечиках и полусферическими крышками, амфоры с двумя ручками на тулове, сосуды с высокой усеченно-конической горловиной и баночных форм, сосуды с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины (рис.37). Перечисленные типы форм верифицируют по самым различным признакам: по технико-технологическому исполнению, по размерам и пропорциям, по отдельным морфологическим признакам.

Выделенный комплекс керамики в единстве всех форм и их вариантов отсутствует на памятниках конца среднего Триполья (в том числе и памятниках этапа У-І.С-І по схеме Т.С.Пассек), хотя отдельные его компоненты встречаются, в частности, на днестровско-прутских, реже - волынских памятниках. Зато в большей или меньшей мере он свойствен всем группам позднетрипольских памятников, за исключением лукашевской, независимо от их хронологического и территориального положения (рис.38-41).

По происхождению данный комплекс керамики связывается с памятниками типа Варваровка I5, на которых все компоненты обнаруживают исходные формы, и где на наиболее ранних памятниках позднего периода (типа Брынзен и Выхватинец) компоненты этого комплекса составляют около 70-80% всех прочих форм керамики. Получив столь широкое распространение на памятниках Брынзенского и Выхватинского типов, формы выделенного комплекса керамики впоследствии были унаследованы на гординештских памятниках, а в результате переселения части выхватинского населения на юг - и на усатовских. С другой стороны, в результате переселения части брынзенского, а затем и гординештского населения на Волынь и его взаимодействия с местным населением, а посредством последних - и с населением Среднего Поднепровья, формы выделенного комплекса передались сначала трояновскому населению, затем городскому и софиевскому.

Обращает на себя внимание тот факт, что если на днестровско-прутских памятниках рассматриваемые формы керамики представлены главным образом в строго определенном технико-технологическом ис-

полнении, то на волынских и среднеднепровских – эти формы варьируют и по технико-технологическим признакам, и по размерам, и по пропорциям, в чем собственно и обнаруживается некоторое своеобразие каждого из этих региональных вариантов.

Единые для подавляющего большинства групп памятников позднего Триполья типы форм керамики в совокупности можно рассматривать как своеобразный общепозднетрипольский горизонт, или комплекс материалов. Именно этот горизонт материалов позволяет характеризовать культуру позднего Триполья не только как простую совокупность одновременно развивающихся разнотерриториальных вариантов, но и как целостное образование, все компоненты которого едини и по генетическому признаку.

Особенностью же этой структуры является то, что целостность ее обусловлена не только общностью основы в далеком прошлом, но и результатом взаимодействия различных для позднего периода культурных традиций, из которых днестровско-прутские, будучи наиболее устойчивыми и динамичными, определили развитие Волынского и Среднеднепровского вариантов.

Как уже отмечалось, выделенный общепозднетрипольский горизонт материалов не распространяется лишь на памятники Лукашевского типа. Поэтому принадлежность последних к позднему Триполью определяется по хронологическому признаку (как синхронные) и благодаря самостоятельно существующей между софиевскими и лукашевскими обратной генетической связи.

Этапы в развитии позднего Триполья

При характеристике региональных вариантов было показано, что каждый из них включает или разновременные типы памятников или разновременные в пределах типов памятники. Учитывая хронологическое соотношение памятников как по каждому из регионов, так и между памятниками различных регионов, в пределах позднего Триполья можно выделить две разновременные группы, каждая из которых включает относительно одновременные памятники.

Первую группу образуют памятники типа Брынзен, ранние Выхватинские и ранние Усатовские комплексы Поднестровья, Попрутья и Побужья, памятники типа Троянова на Волыни и Лукашевского типа на Среднем Днепре. Вторая группа включает памятники типа Гординешт, поздние Выхватинские и поздние Усатовские комплексы в Пруто-Бужском междуречье, памятники типа Городска на Волыни и Софиевки на Среднем Днепре. Каждая из этих групп представляет различные этапы

в развитии позднего Триполья: первая - ранний, вторая - поздний, или финальный этап (рис.26).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что хронологические границы разновременных групп памятников типа Брынзен и Гордигешт (принятые в качестве исходных) не совпадают со сменностью разновременных групп памятников Среднего Поднестровья, Причерноморья, а также Волыни и Среднего Поднепровья. Эти несовпадения, очевидно, объясняются различиями как в темпах культурного развития населения, так и особенностями исторических ситуаций, сложившихся в том или ином регионе позднетрипольского ареала.

Основные различия, наблюдаемые между памятниками выделенных этапов, заключаются в том, что черты, унаследованные от культуры Триполья периода расцвета, на ранних памятниках выражены более полно и интенсивно, в то время как на комплексах финального этапа они или утрачены, или видоизменены, в чем, собственно, и отражается процесс постепенного отмирания и исчезновения своеобразия культуры Триполья в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разночтные группы археологических памятников позволяют характеризовать позднее Триполье как сложное этно-культурное и социальное образование, возникшее, с одной стороны, в результате многостороннего исторического развития трипольского общества на предшествующих периодах, а с другой - в результате не менее сложных исторических процессов, имевших место уже на этапах последнего - позднего периода их развития.

Занимая первоначально сравнительно небольшую территорию, трипольские племена еще в раннем периоде начали расселяться из Среднего Подпрутья и Подднестровья на юг, север и северо-восток. В результате этих расселений, благодаря различию в условиях обитания, этнического окружения, некогда относительно единое в культурном и этно-социальном отношении трипольское общество распадается на ряд племенных образований, которые в дальнейшем развиваются отчасти самостоятельно, отчасти взаимодействуя друг с другом.

Локальные различия в трипольской культуре прослеживаются уже на памятниках конца раннего периода, а затем все более отчетливо на памятниках среднего периода. К концу этого периода археологически фиксируется несколько самостоятельных локальных вариантов, среди которых наиболее поздние представлены, по-видимому, памятниками типа Чалаевки на Среднем Днепре, Колодяжного, на Волыни, Варваровки 15 в междуречье Среднего Прута и Днестра. Кроме того, самостоятельные локальные варианты существовали, вероятно, на Верхнем Днестре (памятники кошиловецкого типа) и на Южном Буге (?). Племена - носители этих вариантов - единые в далеком прошлом по-своему происхождению, но прошедшие самостоятельные пути развития, обладали в чем-то различной материальной и духовной культурой.

Примерно к середине III тысячелетия до н.э. в силу неизвестных нам исторических событий в междуречье Среднего Днестра и Прута на базе ранее существовавшего здесь локального варианта возникают два качественно новых культурных явления, представленных памятниками типа Брызен и Выхватинец. К этому времени полностью исчезают ранее обитавшие на Южном Буге трипольские племена. Вытесненное или ассимилированное, по-видимому, носителями традиций памятников ти-

на Бранденбург, исчезает также верхнеднестровское население, оставившее кошиловецкие памятники. На Волыни и Среднем Днепре какое-то время, вероятно, продолжали действовать традиции ранее существовавшего культурного варианта, однако, в скором времени, на Среднем Днепре, трансформируясь, возникает новый культурный и этно-социальный вариант, представленный памятниками Лукашевского типа. Дальнейшее развитие всех существующих к отмеченному рубежу культурных и этно-социальных образований, собственно, и характеризует то новое явление, которое определяется понятием "поздний период" или "позднее Триполье".

Следует отметить, что к концу среднего периода или на этапе перехода от среднего к позднему трипольская культура претерпевает резкий упадок, проявляющийся, в частности, в значительном сокращении территории ее распространения, а следовательно, и населения. Эта ситуация сохраняется и к началу позднего периода.

Все известные к этому времени варианты локализировались на ограниченных, отдаленных друг от друга территориях. Основная же часть ареала, ранее занятого трипольскими племенами, к началу позднего периода, пустовала (рис. 42).

К началу периода позднего Триполья прилегающие с запада территории были заняты проникшими еще ранее из Центральной и Северной Европы племенами культуры воронковидных сосудов. Севернее Киевского Поднепровья продолжали обитать неолитические племена с ямочно-гребенчатой керамикой. На юге — на нижнем Дунае — на основе гумельницкой культуры и культуры Сэлкуца возникают культуры Чертанова и Коцофень. На востоке — в Поднепровье и Понтигулье — формируется культура с памятниками типа нижнего слоя Михайловки.

Финальный период развития Триполья характеризуется новым расцветом культуры. Он сопровождается постепенным осваиванием ранее заброшенных земель пустующего Северо-Западного Причерноморья, а также за счет частичного оттеснения неолитического населения на север. Именно на позднем периоде трипольская культура достигла в территориальном плане максимального распространения.

На протяжении всего периода позднего Триполья в его развитии наблюдаются два диалектически противоположных процесса. Один из них заключается в постепенном возникновении новых культурных и этно-социальных образований. Этот процесс шел за счет трансформации или расселения части исходных культурных и племенных образований ранней поры позднего Триполья, их взаимодействия как между собой, с родственным по происхождению населением, так и с инокультурными племенами сопредельных территорий. Возникшие в результате этого процесса новые образования, с одной стороны, все более и более ут-

рачивают собственно трипольские культурные традиции, а с другой все сильнее углубляются различия в их материальной, и, очевидно, духовной культуре.

Другой процесс заключался в постепенной нивелировке культурных вариантов. Этот процесс шел главным образом за счет взаимодействия племен в пределах позднетрипольской культурно-исторической общности. Процесс начался еще в начале периода и с различной интенсивностью протекал на всем его протяжении и во всех регионах позднетрипольского ареала.

Результатом этого процесса была частичная унификация материальной культуры всех позднетрипольских племен, что и нашло отражение в едином для подавляющего большинства памятников общепозднетрипольском горизонте материалов.

Культурный центр Триполья по-прежнему находился в междуречье Среднего Прута и Днестра. Именно с развитием населения этой территории связан расцвет всей культуры Триполья позднего периода разно как и отмеченные выше культурные и этно-социальные процессы.

Еще на раннем этапе периода, очевидно, в результате демографического скачка происходит раскол в культурном и племенном образовании, представленном памятниками типа Выхватинец. Часть населения продолжает развиваться на месте – на Среднем Днестре, другая же переселяется на юг – в Причерноморье. В процессе сложных взаимодействий пришлого населения с племенами – носителями майкопских культурных традиций и племенами, оставившими памятники типа нижнего слоя Михайловки, формируется ядро нового своеобразного Усатовского локального варианта.

Одновременно с выхватинским населением происходит частичное расселение племен, оставивших памятники типа Брынзен. Однако они передвигаются не на юг, а на север – на Восточную Волынь. Взаимовлияние, смешение пришлого и коренного населения, оставившего памятники типа Колодяжного, Хорьева, приводит к образованию Трояновского варианта, в материальной культуре которого унаследованы традиции, свойственные обоим компонентам. Более того, часть населения, обладающая уже смешанной материальной культурой, проникает еще далее на север – в Среднее Поднепровье. Взаимодействуя с населением Лукашевского культурного варианта, пришлые племена обусловили трансформацию материальной культуры и возникновение Софиевского локального варианта. Сложившаяся на различных основах материальная культура этого варианта несет на себе отпечатки как лукашевских, так и волынских и днестровско-прутских культурных традиций.

Такова в общих чертах картина культурных и этно-социальных процессов на раннем этапе позднего периода Триполья (рис. 42).

На финальном этапе позднего периода (рис. 43) вихватинское наследие по-прежнему продолжает развиваться на Среднем Днестре. Усатовские племена резко расширили свой ареал, заняв все междуречье нижнего течения Прута, Днестра и Южного Буга. В культуре этих племен появляются территориальные особенности (поскольку они граничат с различными иноэтническими племенами) в Днестровско-Прутском междуречье за счет сильного влияния культуры Чернавода, в Подбужье, очевидно, отчасти под влиянием племен культуры нижнего слоя Мишковки, отчасти под влиянием проникших к этому времени на правобережье Днепра племен ямной культуры.

К началу финального этапа на базе Брынзенского варианта возникает новое этно-культурное и социальное образование, оставившее гординештские памятники. Носители нового варианта расширяют свою территорию, занимая Верхнее Попрутье, почти все Верхнее Поднестровье и верховья Южного Буга. Вытесняемое вихватинское население, они занимают также часть этой территории. Кроме того, еще в начале этапа гординештское население проникает на Волынь. Взаимодействие его с обитавшим здесь трояновским населением, обусловливает возникновение нового культурного варианта, представленного городскими памятниками. Причем роль прошлого населения была столь значительной, что этот вариант можно рассматривать и как самостоятельное культурное явление, и как своеобразное территориальное подразделение Гординештского варианта.

На среднем Днепре на финальном этапе развиваются софиевские племена.

В хозяйственно-бытовом отношении племена позднего Триполья характеризуются многими чертами, унаследованными от предшествовавшего им во времени населения.

Имеются укрепленные и неукрепленные поселения с круговой или рядовой планировкой жилищ. Отличаются лишь размеры: поселения менее обширны, нежели в среднем периоде. Новым является также возникновение поселений, состоящих из двух частей, со своеобразными укрепленными "детинцами" и неукрепленными "посадами" (Брынзены, Казаровичи).

Сохраняется традиционное для среднего периода строительство одно- или двухэтажных наземных жилищ на каркасе из плетня, обмазанного глиной. Наследуется традиция по изготовлению столовой расписной посуды, посуды из массы с ракушкой и другими примесями, хотя формы и орнаментация керамики воспринимаются в новом, переработанном виде.

В хозяйственных комплексах позднего периода [26, с.20] наблюдаются локальные вариации в зависимости от конкретных экологических и исторических условий обитания населения. Но основным занятием по-прежнему является земледелие и скотоводство, второстепенным – собирательство, охота и рыболовство.

Судя по орнаментации керамики и сходным формам культовой (антропоморфной, реже – зооморфной) пластики, позднетрипольское население переняло, очевидно, и многие из верований и религиозных представлений своих предшественников.

Все унаследованное от среднего периода Триполья черты материальной и духовной культуры по мере развития племен на позднем периоде начинают утрачиваться, перерабатываться и к концу периода постепенно исчезают. Причем совершенно очевидно, что чем дальше от основного центра культуры и чем позже во времени, тем интенсивнее шел процесс исчезновения исходных традиций. Широко распространение на раннем этапе двухэтажные жилища постепенно сменяются одноэтажными и углубленными в землю землянками и полуземлянками.

Изменяется техника и технология изготовления керамики. Столовая расписная посуда, полностью сменяется к концу периода посудой из массы с различными примесями, меняются ее формы и орнаментация.

С расселением племен на юг, в Причерноморские степи, складывается новый для позднего Триполья хозяйствственный комплекс, основанный главным образом на разведении мелкого рогатого скота.

Новый погребальный обряд с трупоположениями в грунтовых могильниках на Среднем Днестре, в грунтовых и курганных могильниках в Причерноморье, обряд с трупосожжениями в грунтовых могильниках на Среднем Днепре, постепенное исчезновение антропоморфной пластики или замена реалистически выполненных статуэток схематическими, появление на усатовских памятниках стел с зооморфными или антропоморфными изображениями, а также высеченные из камня головы животных, их использование при совершении погребальной обрядности – все эти и другие черты культуры наглядно свидетельствуют о существенных изменениях, произошедших в идеологических и религиозных представлениях племен периода позднего Триполья.

На протяжении всего периода наряду с естественным половозрастным разделением труда прослеживается интенсификация процесса разделения труда в различных сферах хозяйствственно-бытовой и производственной деятельности населения.

О естественном половозрастном разделении труда нагляднее всего свидетельствуют данные Быхватинского и других могильников, в погребениях которых разнофункциональные категории инвентаря (kj-

ме керамики) распределяются в строго определенной зависимости от пола и возраста умерших.

Разделение труда в производственной сфере, его специализация документируются находками кладов украшений (Кетрошика, Цвиковцы), мастерской по изготовлению кремневых изделий на поселении в Цвиковцах, комплексом из многочисленных печей для обжига керамики на поселении Иванец.

Важно отметить, что разделение труда наблюдается и по основным отраслям хозяйства, таким как земледелие и скотоводство, которым в одних случаях уделялось примерно одинаковое внимание, а в других – одно из них преобладало. С своеобразный охотниче-земледельческий комплекс демонстрируют материалы Иванецкого поселения. Более того, различия обнаруживаются и по каждой из этих отраслей. Так, земледелие в междуречье Среднего Прута и Днестра (Бринзены) было поликультурным, ориентированным на культивирование зернобобовых, винограда и фруктов, в то время как на Волыни и Среднем Днепре оно было, очевидно, монокультурным, без элементов виноградарства и садоводства. Если в Причерноморье (Усатово, Манки) основное внимание уделялось разведению мелкого рогатого скота, то на Среднем Пруте (Бринзены) преобладал крупный рогатый скот. На Волыни и Среднем Днепре, где население порой обитало в одинаковых экологических условиях, одни памятники фиксируют преобладание крупного рогатого скота (Паволоч, Подгорцы I, Подгорцы II), другие – лошади (Городск), третьи – свиньи (Емынка I).

О прогрессирующем развитии разделения труда свидетельствует распространение в позднетрипольском обществе металлообрабатывающего производства, которое, бесспорно, было доступно лишь узкому кругу профессиональных мастеров. На основании изучения металлических изделий Е.Н.Черных наметил в пределах позднего Триполья два очага металлообработки, функционирование одного из которых связано с усатовскими племенами, а другого – с софиевскими [253, с.24]. Оба очага, по мнению исследователя, находились на более высоком техническом уровне, нежели действующий на раннем периоде развития культуры очаг, что, в частности, подтверждается наличием в позднем периоде изделий из мышьяковистой бронзы.

Разделение труда, специализация производства предполагают интенсивные культурные и торгово-обменные связи как между отдельными поселенческими коллективами, племенами, так и с племенами иных культур. Это предположение находит подтверждение в многочисленных взаимных импортах: усатовские статуэтки на Выхватинском могильнике и на поселении Гординештского типа в Сандраках, усатовский суд на Голерканском могильнике, бринзенские и гординештские сосу-

лы на усатовских памятниках (Усатово-курган I/12, Данчены), кинжалы на могильнике Красный Хутор, отлитые по усатовским образцам, и др.

Особенно показательны в этом отношении изготовленные из белоглинского кремня и камня орудия труда и оружие среднеднепровских памятников, а также многочисленные изделия на бризенских и гординештских памятниках Поднестровья и Попрутъя. Специализация земледелия и скотоводства предполагает также развитие внутренних торговько-обменных связей или, по крайней мере, их стимулирование.

Развитие связей позднетрипольского населения с другими более или менее отдаленными племенами иных культур также свидетельствовано многочисленными взаимными импортами: позднетрипольская керамика на поселениях культуры воронковидных сосудов (Зимно, Лежниши), на поселениях неолитических культур лесной зоны (Пустыни 5). Особенno часто встречаются позднетрипольские сосуды и антропоморфная пластичка к востоку от трипольского ареала, включая левобережье нижнего Днепра (Любимовка, Чисовое, Новоалексеевка, Животиловка, Михайловка). Нередко находят обратные импорты, т.е. инокультурные изделия на позднетрипольских памятниках: керамика культуры воронковидных сосудов на поселении в Костянце, керамика культур воронковидных сосудов и шнуровой керамики на поселении в Лозах, чешская полгарская керамика (?) на поселениях в Бринзенах, Костештах IV, Жванце, майкопский сосуд в усатовском кургане I/12, чернавопольские влияния, а возможно и импорты на поселении в Маяках.

Чрезвычайно важную роль в культурных и торгово-обменных связях сыграло, конечно, развитие местной металлообработки. Отсутствие местного сырья, выявленная Е.Н.Черных ориентация позднетрипольских металлообрабатывающих очагов на различные сырьевые базы (софиевского - на Карпаты и Балкани, усатовского - на Кавказ) давали сложную организацию обмена исходного материала, его доставку, обмен и распределение готовой продукции.

Характерные для позднетрипольского общества разделение труда и специализация различных сфер производства, интенсивные культурные, торгово-обменные связи неоспоримо свидетельствуют об исключительно высоком уровне развития хозяйства и экономики. Примечательно в этом отношении заключение Е.Н.Черных [253, с.24] о наличии на позднетрипольских памятниках изделий из искусственных сплавов индийской бронзы. Это полностью подтверждает ранее высказанное Т.С.Пассек мнение о том, что развитие позднетрипольских племен на финальных этапах ознаменовало собой начало новой эпохи в развитии древних обществ на юго-западе современной территории СССР - эпохи бронзы [263, с.92]. Все эти явления не могли не сю-

ваться на социальном строе и общественных отношениях носителей позднетрипольской культуры.

В сравнении со средним периодом культуры новым для социального строя позднетрипольского общества является наличие наряду с большой патриархальной семьей малой моногамной. Тенденция к сегментации большой патриархальной семьи, прослеженная С.И. Бибиковым [264, с. 61] для среднего периода Триполья, в позднем периоде сопровождается постепенным выделением и утверждением малой семьи как самостоятельной социальной и, по-видимому, хозяйственной единицы трипольского общества. Изменение института семейных отношений в позднем периоде отчасти прослеживается в изменениях строительства жилищ. Характерные для раннего этапа обширные наземные дома, расчлененные, очевидно, на большую патриархальную семью, постепенно сменяются незначительными по размерам наземными домами или землянками и полуземлянками, в которых обитание нескольких парных семей было невозможным. Основным проявлением процесса становления малой семьи является возникновение малых семейных некрополей, каждый из которых включает одно-два мужских, одно женское и от двух до шести детских захоронений. Причем, как правило, одно из мужских захоронений по качеству и количеству инвентаря, а иногда и по чертам погребального обряда, выигрышно отличается от прочих захоронений. Это обстоятельство, очевидно, отражает особое положение мужчин в позднетрипольском обществе, равно как и патриархальный характер малой семьи.

Малые семейные могильники встречаются и на общинно-родовых кладбищах (Выхнатинцы, Усатово I, Усатово II - грунтовые могильники, Собиевка - ?, Красный Хутор - ?), и по отдельности (Данку I, Данку 2, Данчены, Рыщешты). Не исключено, что возникновение семейных некрополей, территориально изолированных от общих кладбищ, также отражает тенденцию ко все более полному обособлению малой семьи от общинно-родового коллектива.

Другим важным следствием развития разделения труда, торговли и обмена в позднетрипольском обществе было возникновение института общинно-родовой и племенной верхушки. Первоначально избранные для организации общественно-трудовой деятельности, регулирования торгово-обменных операций и других нужд, отдельные члены этих коллективов постепенно становятся распорядителями и обладателями основных богатств. Показательны принадлежавшие, очевидно, общинно-родовым вождям захоронения в курганных или грунтовых могильниках, сопровождавшиеся своеобразным набором металлических изделий (кинжал, плоский топорик, иногда еще лилья, долотца, украшения), каменными и роговыми орудиями труда и оружием. Такие захоронения

немногочисленны и по указанным категориям инвентаря резко отличаются от остальной массы погребений с рядовым инвентарем или без него.

Важным фактором возникновения и укрепления общинно-родовой и племенной верхушки были, по-видимому, усиливающиеся в позднем периоде военные столкновения как в пределах позднетрипольской общности, так и с племенами иных культур. Наглядным примером тому является расположение поселений в естественно укрепленных местах, а также обнаруженные на многих из них искусственные оборонительные сооружения - рвы, валы.

Вполне вероятно, что постоянно существовавшая на протяжении всего позднего периода угроза со стороны иноэтнических племен способствовала возникновению более или менее прочных и долговременных племенных союзов. Не исключено, что отмеченный процесс частичной нивелировки и унификация материальной культуры разнотерриториальных племенных образований позднего Триполья как раз и отражает тенденцию к объединению и консолидации трипольского населения.

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что трипольские племена на финальном этапе находились в социальном отношении где-то на уровне возникновения военной демократии, которая, как показывает развитие последующих культур на юго-западе нашей страны, была достигнута лишь к концу эпохи бронзы, а возможно, еще позже к началу железного века.

Достигнув высокого развития, позднетрипольская культура примерно в конце II тысячелетия до н.э. исчезает относительно одновременно по всему ареалу. Северо-западная часть территории, ранее занятая позднетрипольскими племенами, включается в ареал культуры шаровидных амфор, на остальной территории распространяются племена, представляющие ямную культуру.

Вопрос о роли позднетрипольского населения в этно-генетическом и культурном процессах становления и развития племен эпохи бронзы в настоящее время остается еще открытым. Не исключено, что позднейшие трипольские племена, взаимодействуя с проникшими на их территорию племенами культуры шаровидных амфор и племенами ямной культуры, содействовали образованию некоторых культур штурмовой керамики (Среднеднепровская культура)*. Однако эти процессы еще слабо документированы археологическими материалами и для их окончательного освещения требуется проведение новых целенаправленных исследований.

* Самостоятельный культурный вариант со штучной керамикой в последние годы выделяется также в днестровско-бугровских зонах.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Passéek T. La céramique tripolienne. - ИГАИМК, вып. I22, 1936.
2. Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. - МИА, 10, 1949.
3. Кричевский Е. Ю. О процессе исчезновения трипольской культуры. - МИА, 2, 1941, с.245-253.
4. Кричевский Е. Ю. Про відносну хронологію пам'яток трипільської культури - А.т.І, 1950, с.9-36.
5. Sulimirski T. The Problem of the Survival of the Tripolye Culture. - PPS, vol. XVI, 1950, p.42-51.
6. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
7. Dumitrescu V. Hâbâșești. București, 1954.
8. Лагодовская О. Ф. Проблемы усатівської культури. - НЗ ІІА УРСР, кн.І. Уфа, 1943, с.53-66.
9. Лагодовская О.Ф. Усатівська культура та II місце в археологічному минулому України. - Вісник АН УРСР, № 6, 1947, с.47-51.
10. Лагодовская О. Ф. Пам'ятки усатівського типу. - А. т.ІІ, 1953, с.95-108.
11. Пассек Т. С. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. - Изв. АН СССР, № 5(25), 1955, с.15-31.
12. Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. - МИА, 84, 1961.
13. Круц В. О. Пізньотрипільське поселення поблизу с. Софіївка на Дніпрі. - А. т.ХII, 1969, с.203-209.
14. Шмаглий М. М. Городсько-волинський варіант пізньотрипільської культури. - А. т.Х, 1966, с.15-37.
15. Sulimirski T. Corded Ware and Globular Amphorae North-East the Carpathians. London, 1968.
16. Sulimirski T. Prehistoric Russia. London, 1970.
17. Dumitrescu V. Contribuții asupra problemei finale a culturii Cucuteni-Tripolie. Omagiu lui L. Conatantinescu-Lăși. București, 1965, p.51-60.
18. Зенович В. Г. Хронологія пізнього Трипілля. - А. вмк. 7, 1972, с.3-25.

19. Vulpe R. Izvoare. București, 1957.
20. Schmidt H. Cucuteni. Berlin-Leipzig, 1932.
21. Дергачев В. А. Позднетрипольские курганы Тираспольшины. - АИМ за 1973 г. 1974, с.249-266.
22. Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. - СА. У., 1940, с.239-244.
23. Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.
24. Спичин А. А. Раскопка курганов близ с.Колодистого.- ИАИ. вып. I2, 1904, с.II9-II6.
25. Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда - Белозерский вал и соседние городища и курганы между низовьем р.Ингульца и началом Днепровского лимана. - Тр. ІІІ АС, т.3. М., 1897.
26. Болтенко М. Ф. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков. - Вісник Одеської комісії краєзнанства, ч.2-3. Одесса, 1925, с.5-20.
27. Болтенко М. Ф. Кераміка з Усатова. - ТКУ, вип.І, 1926, с.8-30.
28. Dumitrescu H. Le station préhistorique de Horodiște, sur la Prut. - Dacia, vol.IX-X, 1945, p.127-163.
29. Надасzek С. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque néolithique. Album de fouilles. Leopol, 1914.
30. Петров В. П. Поселения в Городську. - ТК, т.І, 1940, с.339-382.
31. Кричевский Е. Ю. Поселения в Городську. - ТК, т.І, 1940, с.383-451.
32. Вовк Х. Передністоричні знахідки на Кирилівській вулиці у Києві. - В кн.: Матеріали до українсько-руської етнології, т.І. Львів, 1899.
33. Мальована неолітична кераміка на Полтавщині. Прага, 1923.
34. Макаренко М. Досліди на Остерщині. Евминка. - КЗ ВУАК за 1925 р. 1926, с.61-64.
35. Макаренко М. Евминка. - КЗ ВУАК за 1926 р., 1927, с.84-86.
36. Petrescu - Dîmbovita M., Găzav I., Mateescu C. Săpăturile arheologice dela Foltești. - SCIV, vol. 2: I, 1951, p.249-266.
37. Petrescu - Dîmbovita M.. Cetățuia de la Stoicanii, vol. 1, M., 1953, p.112-113, 162-166.
38. Лагодовська О. О. Пізньотрипольське поселення у с.Сандраках. - АІ, т.VI, 1956, с.ІІ8-І29.

39. Черныш Е. К. Многослойный памятник в с. Нечора на Южном Буге. - АСТЭ, вып. I, 1959, с. 166-201.
40. Маркевич В. И. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. - Изв. МФ АН СССР, № 5 (25), 1955, с. 131-145.
41. Аликова А. Е. Выхватинский могильник. - КСИИМК, вып. XXI, 1949, с. 69-75.
42. Розенфельдт И. Г. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 г. - КСИИМК, вып. 56, 1954, с. 98-103.
43. Пассек Т. С. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. - КСИИМК, вып. 56, 1954, с. 76-97.
44. Пассек Т. С. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. - КСИИМК, вып. 70, 1957, с. 78-93.
45. Виезжев Р. И. Археологічні пам'ятки нижньої течії р.Гнилоп'яті. - АП, т.ІІ, 1952, с. 197-208.
46. Виезжев Р. И. Археологічні пам'ятки верхньої течії р.Гнилоп'ять та нижньої течії р.Гульва. - АП, т.У, 1955, с. 165-167.
47. Лагодовская Е. Ф. Войцеховское позднетрипольское поселение. - КСИА УССР, вып. 3, 1954, с. 86-89.
48. Захарук Ю. М. Шацькотрипольське поселення у верхів'ях р. Случі. - АП, т.УІ, 1956, с. 130-133.
49. Макаревич М. Л. Трипольське поселення біля с. Паволочі. - АП, т.УІ, 1952, с. 96-103.
50. Свешников И. К. Раскопки в с. Костянці на полі Лиственщина. - АП, т.УІ, 1952, с. 131-142.
51. Захарук Ю. М. Поселення софіївського типа в окрестностях Києву. - АП, т.УІ, 1956, с. III-II4.
52. Амбургер И. П., Білановська Т. Д. Шацькотрипольське поселення біля с. Бортничів. - АП, т.УІ, 1956, с. II5-II7.
53. Самойловский И. М. Тіlopальний могильник біля с. Софіївки. - АП, т.УІ, 1952, с. 121-123.
54. Захарук Ю. М. Софіївський тіlopальний могильник. - АП, т.УІ, 1952, с. II2-II20.
55. Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням. - АП, т.УІ, 1956, с. 92-98.
56. Канівець В. І. Могильник епохи міді біля с. Чернина на Київщині. - АП, т.УІ, 1956, с. 99-100.
57. Захарук Ю. М. До питання про обряд поховання населення трипольської культури в середньому Подніпров'ї. - НЗ ІСН, т.І, 1953, с. 153-162.

48. Захарук Ю. М. Пізньотрипільська культура середнього Подніпров'я в світлі нових археологічних даних. - НАН, т. II, 1954, с.16-33.
 49. Даниленко В. Н. К вопросу о месте киевотрипольской культуры в этно-генетическом процессе. - КСИА УССР, вып. 2, 1963, с.81-83.
 50. Шмаглий М. М. Кераміка поселень городського типу. - А. т.ХІІ, 1961, с.20-37.
 51. Лагодовская Е. Ф. Трипольское поселение в с.Сандраки Винницкой области и некоторые вопросы позднего Триполья. - КСИА УССР, вып.2, 1953, с.76-77.
 52. Petrescu-Dimbovita M. Date noi asupra înăstărilelor cu ocră din Moldova. - SCIV, vol.1:2, 1950, p.110-125.
 53. Нестор N. Probleme noi în legătură cu neoliticul din R.P.R. - SCIV, vol.1:2, 1950, p.216-219.
 54. Круц В. О. Новий могильник софіївського типу біля с. Завалівка на Дніпрі. - А. т.ХІІ, 1968, с.126-130.
 55. Круц В. О. Трипольский могильник з обрядом тілонокладення поблизу Києва. - А. вып.15, 1975, с.41-50.
 56. Круц В. А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев, 1977.
 57. Белановская Т. Д., Шмаглий Н. М. Позднетрипольское поселение у с. Троицова Житомирской обл. - КСИА УССР, вып.8, 1959, с.125-127.
 58. Нелещин Н. А. Раскопки позднетрипольского поселения у с.Листвиц на Волыни. - АО за 1970 г. 1971, с.236-237.
 59. Нелещин Н. А. Розкопки біля с.Лози у верхів'ях Горині. - АДУ за 1969 р., вып. IV, 1972, с.101-104.
 60. Нелещин Н. А. Раскопки у с.Костянец на Волыни. - АО за 1967 г., 1969, с.199.
 61. Нелещин Н. А. Раскопки у с.Голышев на Волыни. - АО за 1972 г., 1973, с.321.
 62. Нелещин Н. А. Пізньотрипільські поселення у верхів'ях Горині. - А. вып.II, 1973, с.55-62.
 63. Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
 64. Petrescu-Dimbovita M., Marin D. Noi cercetări arheologice la Stoicosani. - SCIVA, vol.25:I, 1974, p. 71-97.
 65. Petrescu-Dimbovita M., Marin D. Nouvelles Fouilles Archéologique à Foltești. - Dacia (N.S.), vol. XVIII, 1974, p.19-72.
 66. Petrescu M. Contribuții la problema începuturilor epocii neolitului în Moldova. - AM, vol.III-III, 1964, p.105-122.

77. Дергачов В. О. Пізньотрипільські могильники Іванку та Молдавії - А, вип.28, 1978, с.56-65.
78. Рафалович И. А. Раскопки в дачинах. - АО за 1976-1977, с.457-458.
79. Маркевич В. И. Памятники эпохи неолита и энеолита. АКМ, вып.2, 1973.
80. Zaharia N., Petrescu - Vișeuca și Z., Zaharia E. Așezări din Moldova de la paleolitic pînă în sec. XVIII. București, 1970.
81. Мовша Т. Г. Новое позднетрипольское поселение Пржевальск в Среднем Поднестровье. - СА, № I, 1964, с.131-145.
82. Мовша Т. Г. Позднетрипольское поселение в с. Еланец. КСИА, вып.123, 1970, с.84-94.
83. Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970-1971 гг. - АИМ за 1970-1971 гг., 1973, с.52-78.
84. Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции. - АИМ за 1972 г., 1974, с.27-51.
85. Дергачев В. А. Позднетрипольские поселения у с. Гординешты. - АИМ за 1970-1971 гг., 1973, с.90-100.
86. Маркевич В. И. Итоги полевых работ, проведенных в 1969 г. Молдавской неолитической экспедицией. - АИМ за 1966-1969 гг., 1972, с.49-64.
87. Круц В. О. Нове про етапи заселення Київського Подніпров'я племенами трипільської культури. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР (Київ, 1968 р.). Київ, 1969, с.102-104.
88. Шмаглий М. М. Пам'ятки городського типу. - Археологія УРСР, т.І. Київ, 1971, с.205-210.
89. Мовша Т. Г. О северной группе позднетрипольских памятников. - СА, № I, 1971, с.31-54.
90. Захарук Ю. М. Пам'ятки касперівського типу. - Археологія УРСР, т.І. Київ, 1971, с.183-186.
91. Мовша Т. Г. Памятники Рыхватинского типа. - МАСП, вып.7, 1971, с.21-32.
92. Мовша Т. Г. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля. - А, вип.5, 1972, с.3-24.
93. Збенович В. Г. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикернатья и Малопольши. - Acta archeologica Carpathica. Krakow, 1976, t.XVI, p.21-56.
94. Круц В. О. Пам'ятки лукажівського типу. - Археологія УРСР, т.І. Київ, 1971, с.197-200.

95. К р у ц В. О. Пам'ятки софіївського типу. - Археологія УРСР, т.І. Київ, 1971, с.20I-205.
96. Д е р г а ч е в В. А. Выхватинский могильник. Кипшинев, 1978.
97. Р а с с е к Т. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les raports et les informations des archéologues de l'URSS, М., 1962
98. Археологія Української РСР, т.І. Київ, 1971.
99. Q u i t t a H., K o h l G. Neue Radiocarbondaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion. Zeitschrift für Archäologie. Bd.-3, N 2. Berlin, 1969, S.247-250.
100. G i m b u t a s M. The Beginning of the Bronze age in Europe and the Indo-European 3500-2500 B.C. - Journal of the Indo-European Studies 1;2, 1973, p.163-214.
101. С е м е н ц о в А. Л., Р о м а н о в а Е. Н. Долу - ханов П. М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА.- СА, 1969, № I, с.25I-26I.
102. К а т и н ч а р о в Р. Периодизация и характеристика на культурыта през бронзовата епоха в Южна България.- Археология, XVI, I. София, 1974, с.1-22.
103. П а н а й о т о в И. К вопросу о датировке начала бронзовой эпохи на территории Болгарии.-Pulpuludeva, vol.1. Sofia, 1976, с.225-231.
104. Ч е р н ы х Е. Н. Об основных этапах древнейшей металлургии на территории Болгарии. - Thracia, vol.III ; Serdicae, 1974, с.379-396.
105. Ч е р н ы х Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. - СА № 4, 1978, с.53-82.
106. Ч е р н ы х Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
107. Л е б е д е в Г. С. Системное описание археологической культуры. - В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с.56-58.
108. З а х а р у к Ю. М. Проблемы археомогичної культуры. - А. т.ХУП, 1964, с.12-42.
109. М а с с о н В. М. Понятие культуры в археологической систематике. - В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов совещания). Ташкент, 1972, с.9-II.
110. К а м е н е ц к и й И. С., М а р ш а к В. И., Ш е р Я. А. Анализ археологических источников. Л., 1975.
111. К е т р а р у Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. - АКМ, вып.І, 1973.

112. Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. - АКМ, вып.3, 1973.
113. Лапушкин В. Д. Памятники раннего железного века. - АКМ, вып.4, 1974.
114. Рикман Э. А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. - АКМ, вып.5, 1975.
115. Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI-XIII вв.). - АКМ, вып.6, 1974.
116. Полевой Л. Л., Бирня П.П. Средневековые памятники ХІІ-ХІІІ вв. - АКМ, вып.7, 1974.
117. Археологічні пам'ятки Української РСР (краткий список). Київ, 1966.
118. Добролюбский А. О., Загинайло А. Г. Опыт сводного картографирования археологических памятников. - В кн.: Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев-Одесса, 1976, с.92-III.
119. Владимирикский О. В. Археологические разведки в Березовском и Николаевском районах Одесской области в 1975 г. В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса, 1976, с.209-214.
120. Свешников І. К. Довідник з археології України. Львівська область. Київ, 1976.
121. Бирня П. П., Бейлекчи В. С. Материалы к археологической карте Попрутья. - ДММ, 1969, с.171-184.
122. Бирня П. П., Чеботаренко Г. Ф. Материалы к археологической карте Попрутья. - МИАЭ МССР, 1964, с.273-284.
123. Титов В. С. Открытие новой культуры ранней бронзы в Молдавии. - АО за 1974 г., 1975, с.447.
124. Титов В. С. Некоторые итоги исследований Прутско-Карпатской экспедиции Института археологии АН СССР в 1974 г. - В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею (Тезисы докладов юбилейной конференции). Киев, 1975, с.28-30.
125. Сергеев Г. П. Позднетрипольский клад женских украшений из с. Кетрошика. - Труды РИМ, т. II, 1969, с.84-87.
126. Кетра ру Н. А. Археологические разведки в долине р.Чугур. - МИАЭ МССР, 1964, с.255-275.
127. Титов В. С., Маркевич В. И. Новые данные о западных связях позднего Триполья. - СА, № 3, 1974, с.150-164.
128. Маркевич В. И. Исследования позднетрипольских памятников в Днестровско-Прутском междуречье. - АО за 1974 г., 1975, с.441-442.

- I29. К е т р а р у Н. А. Позднетрипольское поселение у с.Кубань в Молдавии. - МИАЭ МССР. 1964, с.81-91.
- I30. Zaharia N. Două vase pictate din grupul Horodiștea-Poltiști descoperite în raionul Iași. - AM, vol.2-3, 1964, p.439-444
- I31. M a r i n D. Le problème des tombes à cōre dans les régions brientales de la Roumanie. Estratto da "Preistoria Alpina", vol. 10, 1974, Trento, p.261-275.
- I32. Н а г ё ч ь с һ і N., D r e g o m i r I. Săpăturile arheologice de la Brăilița, N., vol. III, 1957, p.131-146.
- I33. Н а г ё ч ь с һ і N., A n a s t a s i u F. Brăilița. Brăile, 1968.
- I34. С у б б о т и н А. В. Курганы у с. Огородное. - МАСН, вып.6. Одесса, 1970, с.130-155.
- I35. С у б б о т и н Л. В., Ш м а г л и й Н. М. Болградский курганный могильник. - МАСН, вып.6. Одесса, 1970, с.116-129.
- I36. Ш м а г л и й Н. М. Курганы Нижнего Поднавья. - АО за 1970 г., 1971, с.233-234.
- I37. А л е к с е е в а И. Л. Раскопки Днестровско-Дунайской экспедиции. - АО за 1975 г., 1976, с.293-294.
- I38. Т о щ е в Г. Н. Раскопки двух курганов в междуречье Дуная и Днестра. - В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Киев, 1975, с.62-64.
- I39. Ч е р н я к о в И. Т. Позднетрипольский курган у с.Сарата Одесской области - КСОГАМ за 1962 г., 1964, с.32-37.
- I40. Ш м а г л и й Н. М., Ч е р н я к о в И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. - МАСН, вып.6, 1970, с.5-11.
- I41. Ч е б о т а р е н к о Г. Ф. Работы Измаильской экспедиции. - АО за 1976 г., 1977, с.386-387.
- I42. К р а в е ц В. П. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье. - КСИА УССР, вып.4, 1955, с.133-135.
- I43. Б о р и ск о в с ь к и й П. И. Деякі доповлення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. - А, т.ІV. 1950, с.117-131.
- I44. А м б р о ж е в и с и C. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. - Dacia, III-IV кн. 1933, p.24-45.
- I45. П а с с е к Т. С. Трипольские поселения на Днестре. - КСИМК, вып.ХХХII, 1950, с.40-56.
- I46. Б і б і к о в С. М. Розвідки на Середньому Дністру в 1969 р. - АИУ, вып.IV, 1972, с.36-372.
- I47. М о в і ш а Т. Г. Раскопки трипольского поселения у с.Иванец. - АИУ, вып.П, 1968, с.95-97.

148. М о в ш а Т. Г. Раскопки трипольского поселения в с. Жванець. - АО за 1969 г., 1970, с.226-227.
149. М о в ш а Т. Г. Раскопки трипольского поселения в с. Жванець. - АИУ, вып. III, 1971, с. I24-I26.
150. М о в ш а Т. Г. Розкопки богатошорового поселення в с. Жванець. - АІУ, вип. ІІ, 1972, с. 83-85.
151. М о в ш а Т. Г. Работы в Среднем Поднестровье. - АО за 1974 г., 1975, с.326-327.
152. М о в ш а Т. Г. Трипільське поховання в с. Цвікіївці. - А, т. XVI, 1964, с.213-222.
153. М о в ш а Т. Г. Пізньотрипільська житло-майстерня в с. Цвікіївці. - А, т. XXIII, 1970, с.129-141.
154. М о в ш а Т. Г. Скарб прикрас з пізньотріпільського поселення в с. Цвікіївці. - А, т. XXIII, 1965, с.161-170.
155. З б е н о в и ч В. Г. Нові тріпільські пам'ятки Середнього Подністров'я. Матеріали ХІІ конференції інституту археології АН УРСР. Київ, 1972, с.104-106.
156. П а с с е к Т. С. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. - КСИМК, вып.51. М.-Л., 1953, с.46-59.
157. М о в ш а Т. Г. Многослойное трипольское поселение Солончены II. - КСИА, вып.105, 1965, с.91-100.
158. П а с с е к Т. С. Археологические разведки в Молдавии. - КСИМК, вып. XXVI, 1949, с.57-68.
159. П а с с е к Т. С. Раскопки на многослойном поселении у с. Голлерканы на Днестре в 1954 г. - Изв. МФ АН СССР, № 4 (31), 1956, с.19-37.
160. М е л ю к о в а А. И. Исследования Западно-скифской экспедиции. - АИМ за 1972 г., 1974, с.53-77.
161. Д е р ж а в и н В. Л. Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии. - СА, № 2, 1976, с.118-124.
162. Г о ш к е в и ч В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.
163. Ф а б р и ц и у с И. В. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев, 1951.
164. З б е н о в и ч В. Г. Кераміка усатівського типу. - А, т. XXI, 1968, с.50-77.
165. М е л ю к о в а А. И. Курган Усатовского типа у с. Тудорово. - КСИА, вып.88. 1962, с.74-83.
166. С у б о т и н Л. В., О х о т н и к о в С. В. Работы Семеновской экспедиции. - АО за 1975 г., 1976, с.394-395.
167. С у б о т и н Л. В. Раскопки курганов в Нижнем Поднестровье. - АО за 1976 г., 1977, с.375.

168. Алексеева И. Л. Работы Нижнеднестровской экспедиции. - АО за 1976 г., 1977, с.258-259.
169. Зиньковский К. В., Патокова Э. Ф. Исследования Маякского могильника в 1974 г. - В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья . Киев, 1978, с.134-143.
170. Черняков И. Т., Шмаглий Н. М. Раскопки курганов на Днестровском лимане. - АО за 1969 г., 1970, с.225.
171. Загинайло А. Г., Черняков И. Т. Курганы у Каролина-Бугаза. - АО за 1973 г., 1974, с.275.
172. Болтенко М. Ф. Stratigraphy и хронология Большого Кургана. - МАСП, вып.1. Одесса, 1957, с.24-33.
173. Лагодовська О. Ф. Усатівська експедиція в 1946 р.- АП, т.ІІ, 1949, с.201-204.
174. Лагодовська О. Ф. Усатівська експедиція в 1948 р.- АП, т.ІІУ, 1952, с.124-130.
175. Патокова Э. Ф. Керамика Усатовского поселения.- В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья, 1978, с.41-55.
176. Лагодовська О. Ф. Розкопки усатівського кургана I-II в 1940 р. - НЗ ІІА АН УРСР, кн.ІІ., 1946, с.38-54.
177. Патокова Э. Ф. Раскопки Усатовского кургана I-II в 1961 г. - КСОГАМ за 1963 г., 1965, с.12-16.
178. Патокова Э. Ф. Усатовский курган I-I2. - КСОГАМ за 1962 г., 1964, с.102-123.
179. Патокова Э. Ф. Раскопки Усатовского кургана I-15 в 1962 г. - КСОГАМ за 1963 г., 1965, с.44-47.
180. Патокова Э. Ф. Обряд погребений усатовских курганных могильников. - ЗОАО, т.ІІ (35), 1967, с.ІІ-23.
181. Патокова Э. Ф. Усатово. Из истории исследования. - МАСП, вып.8, 1976, с.49-60.
182. Збенович В. Г. Раокопки бескурганных могильника в с.Усатово. - КСОГАМ за 1962 г., 1964, с.37-45.
183. Патокова Э. Ф. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г. - МАСП, вып.7, 1971, с.201-210.
184. Патокова Э. Ф. Раскопки Усатовского бескурганного могильника. - АО за 1969 г., 1970, с.230.
185. Патокова Э. Ф. Раскопки Усатовского могильника. - АО за 1973 г., 1974, с.325.
186. Бернякович К. Раокопки могильника поблизу с.Иллінка Одеської обл. в 1946 р. - АП, т.І, 1949, с.145-148.

- I87. Добровольский А. В. Раскопки курганов в предместье Одессы Слободка-Романовка. - ЗООИД, т.ХХIII, 1915, с.123-144.
- I88. Березовець Д. Т. Розвідка у верхів'ях р.Південного Буга. - АП, т.Ш, 1952, с.207-218.
- I89. Спичин А. А., Доманицкий В. Н. Раскопки площацок у с.Колодистое. Отчет ИАК за 1900 г. СНО, 1902, с.83-84.
- I90. Беляевский Н. Ф. Раскопки курганов у с.Колодистого Звенигородского уезда В.Доманицкого. - АЛЮР, т.П. Київ, 1905, с.165-181.
- I91. Рыболова В. Д. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге. - АЛІЗ, вып.6, 1964, с.79-83.
- I92. Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний. - АЛЮР, № I-2, СПб, 1905, с.9-10.
- I93. Мовша Т. Г. К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения. - МИА КЗ СССР и РНР, 1960, с.59-76.
- I94. Сіськова Т. Попередній звіт про розкопки в с. Грушівка Первомайського району. - АП, т.І, 1949, с.184-185.
- I95. Збенович В. Г. Розвідкові роботи на Південному Бузі. - АМУ, вып.ІУ, 1972, с.352-357.
- I96. Козубовский Ф. А. Археологічні дослідження на території Богусу в 1930-1932 рр. Київ, 1933, с.60.
- I97. Крилова Л. П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964-1966 рр. - В кн.: Збірник праць з археології, історії та музеєзнавства, вип.І. Дніпропетровськ, 1971, с.18-31.
- I98. Збенович В. Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. - В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с.57-69.
- I99. Лагодовська О. Ф., Жапошникова О. Р., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
200. Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
201. Щепинский А. А., Черепанова И. Н. Северное Присыпаше в У-І тыс. до н.э. Симферополь, 1969.
202. Калинико В. И. Курганный могильник у д.Заозерное. - АО за 1974, 1975, с.283-284.
203. Максимов Е. В., Петровская Е. А. Археологические памятники в окрестностях с. Большой Андрусовки на Тасмине. - КСИА УССР, вып.8, 1959, с.22-29.

204. Коновалова И. Ф. Погребения животиловского типа в Прикамерье. - В кн.: Курганные древности степного Поднепровья. Ш-І тис. до н.э. Днепропетровск, 1978, с.46-54.
205. Нелещин М. А. Поселення культури лійчастого посуду біля с.Лежниці на Волині. - А, т.ХХ, 1966, с.І46-І56.
206. Захарук Ю. М. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою лійчастого посуду та Трипільською культурою. МДАПВ, вип.2, 1959, с.54-72.
207. Antoniewicz W. Eneolityczne groby szkieletowe we wsi Złota w pow. Sandomierskim. - Wiadomosci Archeologiczne, т.ІХ. Warszawa, 1925, № 3-4.
208. Нелещин Н. А. Раскопки у с.Голищев Волынской обл.- АО за 1973, 1974, с.326-327.
209. Свешников І. К. Штатські дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і західного Поділля. Львів, 1958.
210. Нелещин М. А. Дослідження трипільського поселення біля с.Листвиці Ровеньської обл. у 1970-1979 рр. Тезі пленарних і сікціонних доповідання ХУ Наукової конференції ІА АНУСР. Одеса, 1972, с.105-106.
211. Нелещин Н. А. Раскопки на Волыни. - АО за 1975 г., 1976, с.357-376.
212. Кухаренко Ю. В. Из материалов раскопок на Волыни. - КСИА, вип.72, 1958, с.84-87.
213. Нелещин Н. А. Нові матеріали до археологічної карти Волині. - МДАПВ, вип.3, 1961, с.І40-І49.
214. Нелещин Н. А. Раскопки у с.Хорьев на Волыни. - АО за 1974 г., 1975, с.335-336.
215. Левицкий І. Ф. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. - АП, т.ІІ, 1952, с.70-77.
216. Внезжев Р. И. Раскопки "малого Городища" летописного Городска. - КСИА, УССР, вип.І0, 1966, с.І24-І35.
217. Шмаглий Н. М. О планировке позднетрипольских поселений восточной Волыни. - КСИА УССР, вип.9, 1959, с.52-55.
218. Курінний П. Раецька могила на Бердичівщині. - КЗ ВУАК за 1926 р., 1927, с.8.
219. Гончаров В. К. Археологічна розвідка на р. Ростовіці в 1946 р. - АП, т.І, 1949, с.237-239.
220. Збенович В. Г. Нові неслідичі і трипільські поселення в зоні Київської ГЕС. - А, т.ХІІ, 1964, с.І37-І43.
221. Круц В. О. Розкопки в Козоровичах. - АМУ, (1969), вип.ІІ, 1972, с.90-95.

222. Т е р е н о ж к и н А. И. Археологические обследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г. - КСИА УССР, вып.12, 1962, с.3-7.
223. Х в о й к о В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
224. Ш о в к о п л я с А. М. Керамические комплексы с горы Ка-салевки в Киеве. - КСИА УССР, вып.7, 1957, с.100-101.
225. Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. - А. т.1, с.141-151.
226. Ш о в к о п л я с И. Г. Разведка на территории Киева. - АО, за 1976 г., 1977, с.392-393.
227. К р у ц В. А., К у б и ш е в А. И. Работы Чапаевского отряда Киевской археологической экспедиции в 1965-1966 гг. - АИУ, (1966), вып.1, 1967, с.15-19.
228. К р у ц В. А., К у б и ш е в А. И. Работы Чапаевского отряда Киевской экспедиции. - АИУ (1967), вып.П, 1968, с.46-48.
229. К р у ц В. А. К у б и ш е в А. И. Работы Чапаевского отряда Киевской экспедиции. - АИУ (1968), вып.Ш, 1971, с.70-71.
230. К р у ц В. А. Исследования Днепровской экспедиции. - АО за 1972 г.. 1973, с.296-297.
231. О р л о в Р. С. Поселення з керамиком волинцевського типу на Київщині. - АИУ, вып.ІУ, 1972, с.236-241.
232. Ш а п о ш н и к о в а О. Г. Пам'ятки неоліту та трипільської культури в районі Київа. - А. т.УШ, 1953, с.138-147.
233. Б е р е з а н с к ая С. С. Разведка в северных районах Украины. - АИУ (1967), вып.П, 1968, с.31-34.
234. К о з л о в с ь к а В. Е. Неолітичні та трипільські знахідки на Чернігівщині. - В кн.: Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, с.53-56.
235. Ш а п о ш н и к о в а О. Г., Б о ч к а р е в В. С., Ш а - р а ф у т д и н о в а И. Н. О памятниках эпохи меди - ранней бронзы в бассейне р.Ингула. - В кн.: Древности Понтиулья. Киев, 1977, с.7-36.
236. M o g i n t z S., R o m a n P. Aspekte des Ausgangs des Āneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Roumanien der Niederdonau. - Dacia (N.S.), vol.XII, Bucuresti, 1968, S.45-128.
237. M o r i n ă S., Roman P. Cu privire la cronologia perioadei de tranzitie de la eneolitic la epoca bronzului în România. - SCIV, 1970, vol. 24:4, p.557-570.
238. З а х а р у к Ю. Н. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. - КСИА УССР, вып.12, 1962, с.48-52.

240. Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.
240. Николаева Н. А., Сафонов В. А. Курганы у с. Думянин Рышканского района. - АО за 1975 г., 1976, с. 472-473.
241. Виноградова Н. М., Бейлекчи В. С., Бирнбаум Л. И. Раскопки трипольского поселения в Старом Орхее. - АИМ, 1974, с. 67-77.
242. Збенович В. Г. Про кинжал усатівського типу. - А. т. XX, 1966, с. 38-46.
243. Патокова З. Ф. К вопросу об относительной хронологии могильников Усатова. - В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Киев, 1975, с. 57-58.
244. Дергачев В. В. Класифікація кераміки і відносна хронологія поховань Вихватинського могильника. - А. вип. I9, 1976, с. 45-56.
245. Мовша Т. Г. Локальные черты антропоморфной пластики памятников Выхватинского типа. - В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею, Киев, 1975, с. 59-60.
246. Каменецкий И. С. К теории слоя. - В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. Л., 1970, с. 83-94.
247. Magișteas - Bîlces S. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. București, 1974.
248. Цибесков В. П. Некоторые итоги исследования Еревозовского поселения. - МАСП, вып. 7, 1971, с. 187-192.
249. Dumitrescu V. La station préhistorique de Traian. Dacia, IX-X, 1941-1944, București, 1945, р. 11-114.
250. Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
251. Зиневич Г. П. Крациологические материалы эпохи неолита и ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. - МАСП, вып. 6, 1970, с. 156-167.
252. Зиневич Г. П. Палеоантропологический материал Усатовского могильника. - КСОГАМ за 1962 г., 1964, с. 124-127.
253. Черных Е. Н. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР. - КСИА, вып. I23, 1970, с. 23-31.
254. Патокова З. Ф. Изображения животных на памятниках Большого Куяльника-Усатова. - МАСП, вып. I, 1957, с. 34-40.
255. Kováč P. Coțofeni. București, 1976.
256. Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья (вопросы систематизации). Автореф. на соиск. учен. степени канд. ист. науки. Л., 1978.

57. Sulimiresti T. Tripolyan Notes. - PPS, 1964, vol. XXX, p. 56-65.
58. Dumitrescu V. Probleme privind sincronizarea unor culturi eneolitice. - SCIVA, vol. 27:3, 1976, p. 355-361.
59. Макаревич М. Л. Клад крем'яных сокир. - А, XVI, 1964, с. 208-212.
60. Шмаглий Н. М. О топографии поселений городско-усатовского типа. - ЗОАО, т. I(34), 1960, с. 302-308.
61. Свешников І. К. Історія населення Передкарпаття, Підгір'я і Волині в кінці ІІ на початку ІІІ тис. до н.е. Київ, 1974.
62. Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ. - В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. Л., 1972, с. 16-22.
63. Пассек Т. С. Неолит Поднестровья (У-III тыс. до н.э.) УП Международный конгресс доисториков иprotoисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, с. 88-92.
64. Бибиков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. - СА, № I, 1965, с. 48-62.

Отчеты

1. Дергачев В. А. Отчет об археологических исследованиях Прутской экспедиции в 1975 г. Фонды СА АН МССР.
2. Рафалович И. А. Отчет о полевых работах Раннесредневековой археологической экспедиции в 1976 г. (Данченский могильник). Фонды СА АН МССР.
3. Дергачев В. А. Отчет по археологическим раскопкам в 1968-1969 гг. отряда по изучению бронзового века Молдавии. Фонды СА АН МССР.
4. Дергачев В. А. Отчет о раскопках курганов у с. Екатериновка Чимишлийского р-на. Фонды СА АН МССР.
5. Алексеева И. А., Шмаглий Н. М. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Суворовской оросительной системы на Измаильщине. Фонды ИА АН УССР, 1970/40, № 5755-57.
6. Чеботаренко Г. Ф. Отчет о раскопках Измаильской археологической экспедиции. Фонды ИА АН УССР, 1976/39, № 7888-89.
7. Мовша Т. Г. Отчет о раскопках и разведках Киевского исторического музея в Хмельницкой обл. в 1960 г. Фонды ИА АН УССР, 1960/56, № 3589-90.
8. Бибиков С. Н. Отчет о разведках и разведочных раскопках на Днестре. Фонды ИА АН УССР, 1970/24, № 5696-97.

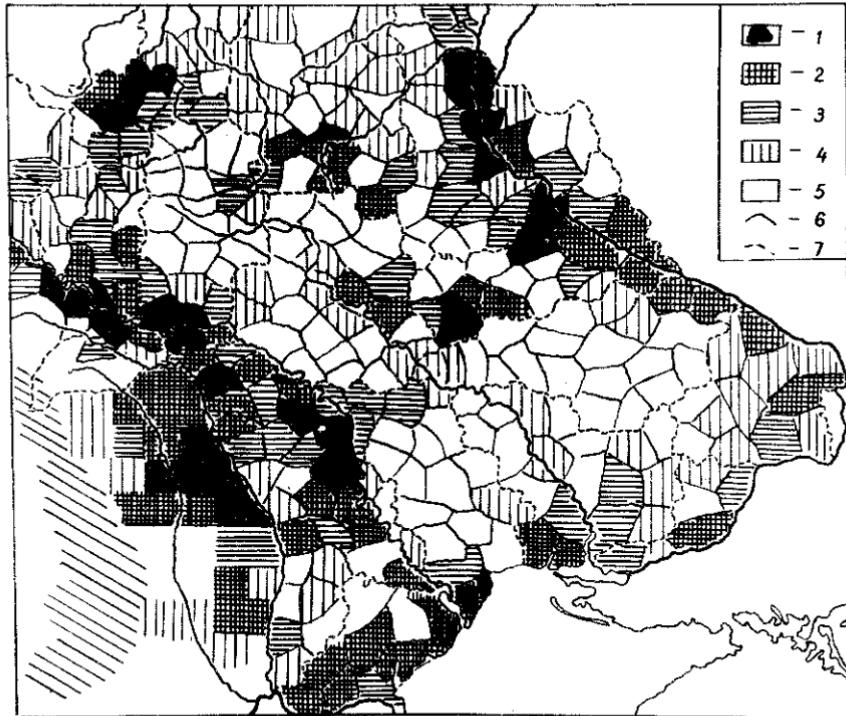
9. Бибиков С. Н. Отчет о работе Среднеднестровской экспедиции в 1969 г. Фонды ИА АН УССР, 1969/15, № 5393-94.
10. Бибиков С. Н. Отчет о работе Днестровской разведочной экспедиции в 1968 г. Фонды ИА АН УССР, 1968/1, № 5105-08.
11. Пассек Т. С. Отчет о работе Молдавской экспедиции. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/1238.
12. Макаревич М. Л. Отчет о раскопках и разведках в с. Стина и Кислицком Томашпольского района Винницкой обл. Фонды ИА АН УССР, 1959/10, № 3862-65.
13. Пассек Т. С. Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1952 г. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/II78.
14. Пассек Т. С. Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1955 г. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/1239; Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1959 г. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/2150.
15. Яровой Е. В. Отчет о полевых исследованиях Энеолитической археологической экспедиции в 1977 г. Фонды СА АН МССР.
16. Дергачев В. А. Отчет о раскопках Новсаненской археологической экспедиции в 1974 г. Фонды СА АН МССР.
17. Мелькова А. И. Отчет о разведках на Нижнем Днестре в 1958 г. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/1831.
18. Мелькова А. И. Отчет о разведках на Нижнем Днестре в 1959 г. Фонды ИА АН СССР, № Р-1/2166.
19. Субботин Л. В. Отчет о работе Семеновской новостроечной археологической экспедиции в 1975 г. Фонды ИА АН УССР, 1975/34, № 7602-03.
20. Субботин Л. В. и др. Отчет о работе Семеновской новостроечной экспедиции в 1976 г. Фонды ИА АН УССР, 1976/45, № 8045/47.
21. Алексеева И. Л. Отчет о раскопках курганов Нижнеднестровской (новостроечной) археологической экспедиции в зоне строительства Нижнеднестровской оросительной системы. Фонды ИА АН УССР, 1976/87, № 8161-62.
22. Зиньковский К. В., Патокова З. Ф. Отчет об охранных раскопках Одесского археологического музея АН УССР у с. Мазяки в 1975 г. Фонды ИА АН УССР, 1975/29, № 7591-93.
23. Пелещишин М. А. Звіт про роботу Волинсько-Дністрянської експедиції біля с. Голишів Волинської обл. Фонди ИА АН УССР, 1972/8, № 6276.
24. Пелещишин М. А. Звіт про розкопку Волинської археологічної експедиції Львівського університету енеолітичного поселення в ур. Замчище біля с. Голишів Луцького р-на. Фонды ИА АН УССР, 1973/81, № 6707.

25. Захарук Ю. Н. Археологические исследования на Волыни в 1952 г. Фонды ИА АН УССР, 1952/26, № 1625.
26. Пелещин М. А. Звіт про розкопки Західно-Волинської археологічної експедиції ІСН АН УРСР в 1967 г. Фонди ИА АН УССР, 1967/63, № 4881-82.
27. Пелещин М. А. Звіт про розкопки Волинсько-Дністровської археологічної експедиції Львівського університету в 1971 р. Фонды ИА АН УССР, 1971/78, № 6090.
28. Пелещин М. А. Звіт про розкопки енеолітичного залишку Волинсько-Дністровської експедиції у с. Листвин Дубенського р-ну Ровенської обл. Фонды ИА АН УССР, 1975/36, № 7713.
29. Березанская С. С. Отчет о работе Волынского разведывательного отряда в 1958-59 гг. Фонды ИА АН УССР, 1958-59/ІЗа, № 4028-29.
30. Пелещин М. А. Звіт про розкопки біля с. Хорів, Острозького р-ну Ровенської обл. Фонды ИА АН УССР, 1974/78, № 7354.
31. Пелещин М. А. Археологічні дослідження на Волині. Звіт про розкопки Волинсько-Дністровської археологічної експедиції біля с. Хорів Острозького р-ну Ровенської обл. Фонды ИА АН УССР, 1976/39, № 8038.
32. Шмаглий Н. М. Археологическое обследование позднетрипольских поселений Волынского Полесья в 1956 г. Фонды ИА АН УССР, 1956/76, № 3038-42.
33. Захарук Ю. Н. Отчет о разведочных раскопках позднетрипольского поселения около Ново-Чарторый в 1949 г. Фонды ИА АН УССР, 1949/8, № 1050.
34. Богуц Г. Г. Звіт про археологічні обстеження за час з 1954-1968 рр. на території басейну рр. Гнилопять і Кодні в межах Бердичівського р-ну. Фонды ИА АН УССР, 1968/76, № 5348.
35. Круц В. А. Раскопки поселения трипольской культуры у с. Чапаевка Киево-Святошинского р-на Киевской обл. в 1966-1967 гг. Киев.
36. Телегин Д. Я., Круц В. А. Раскопки и разведки неолитических поселений в зоне Киевского водохранилища в 1965 г. Киев.
37. Захарук Ю. Н., Круц В. А. Раскопки позднетрипольского поселения у с. Софьевки Борисопольского р-на Киевской обл. Фонды ИА АН УССР, 1963/8а, № 4410-II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А - Археологія (Київ)
- АИМ - Археологические исследования в Молдавии (Кишинев)
- АИУ(АДУ) - Археологические исследования на Украине (Киев)
- АКМ - Археологическая карта Молдавской ССР (Кишинев)
- АЛР - Археологическая летопись Южной России
- АО - Археологические открытия (Москва)
- АП - Археологічні пам'ятки УРСР (Київ)
- АСТЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград)
- ГИМ - Государственный исторический музей (Москва)
- ДЛМ - Далекое прошлое Молдавии (Кишинев)
- ЗОАО - Записки Одесского археологического общества (Одесса)
- ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
- ИА - Институт археологии
- ИАК - Известия Археологической Комиссии (Москва)
- ИТАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры (Москва-Ленинград)
- ИОН(ІСН) - Институт общественных наук (Львов)
- Изв.МФ АН СССР - Известия Молдавского филиала АН СССР (Кишинев)
- КЗ ВУАК - Короткі зведення Всеукраїнської Археологічної Комісії (Київ)
- КИМ - Киевский Государственный исторический музей
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)
- КСИА УССР - Краткие сообщения Института археологии АН УССР (Киев)
- КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Москва)
- КСОГАМ - Краткие сообщения Одесского Государственного археологического музея (Одесса)
- МАСН - Материалы по археологии Северного Причерноморья (Одесса-Киев)
- МАЭ - Музей антропологии и этнографии народов мира (Ленинград)
- МДАНВ - Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині (Київ)

- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР (Москва-Ленинград)
- МИАЭ - Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинев)
- МИА ЮЗ СССР и РРР - Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской народной республики (Кишинев)
- НЗ ІІА - Наукові записки Інституту Історії і археології АН УРСР (Уфа,Київ)
- НЗ ІСН - Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР (Київ)
- ОГАМ - Одесский Государственный археологический музей
- РИКМ - Республиканский историко-краеведческий музей (Кишинев)
- СА - Советская археология (Москва)
- СА АН МССР - Сектор археологии АН Молдавской ССР (Кишинев)
- ТК - Трипольская культура(Киев)
- ТКУ - Трипольская культура на Украине (Киев)
- Tp.AC - Труды археологического съезда
- AM - Arheologia Moldovei (Bucureşti)
- М - Materiale (Bucureşti)
- PPS - Proceeding Prehistorie Society (Cambridge)
- SCIV(A) - Studii și cercetari de istorie veche (și arheologie) (Bucureşti)

Р и с. I. Общая степень изученности территории применительно к поселениям и грунтовым могильникам: 1 - описи памятник на камни $1-7 \text{ км}^2$; 2 - на $7-16 \text{ км}^2$; 3 - на $16-32 \text{ км}^2$; 4 - на $32-64 \text{ км}^2$, 5 - на 64 км^2 и более; 6 - границы микрорайонов; 7 - границы областей

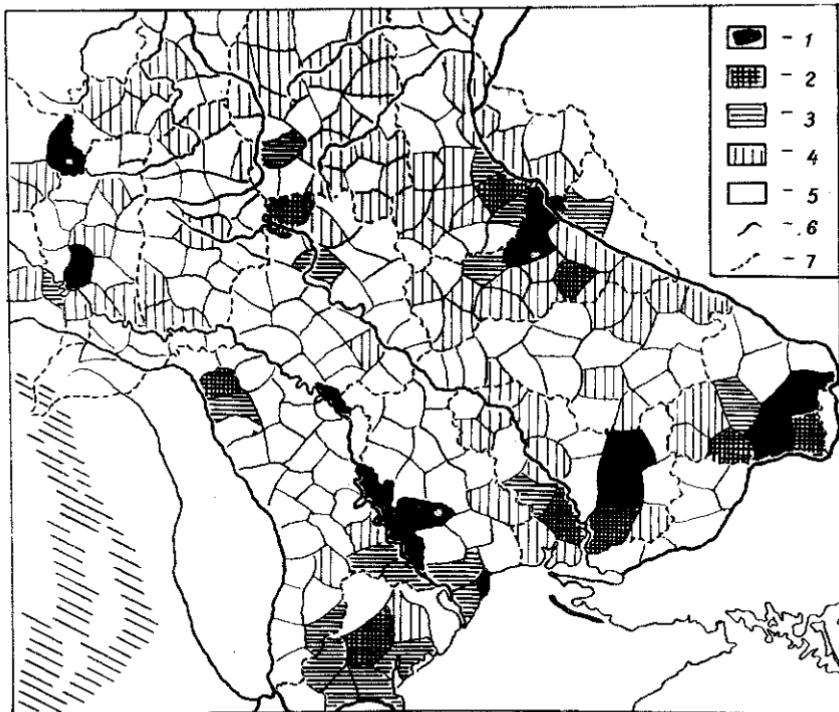
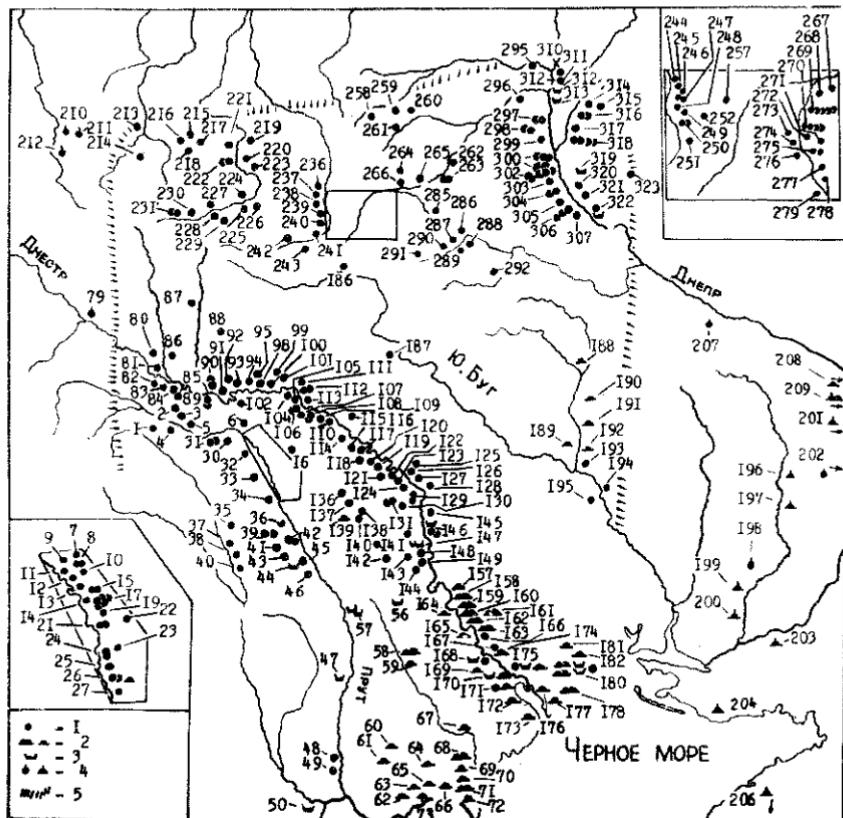

Рис. 2. Общая степень изученности территории применительно к курганам; 1 - один раскопанный курган на каждые 1-6 км², 2 - на 17-25 км², 3 - на 25-50 км², 4 - на 50-200 км²; 5 - на 200 км² и более; 6 - границы микрорайонов; 7 - границы областей

Р и с. 3. Карта местонахождения позднетрипольских материалов (номера на карте соответствуют номерам сводного списка табл. I):
1 - поселения; 2 - курганы; 3 - грунтовые могильники; 4 - отдельные находки; 5 - границы позднетрипольского ареала

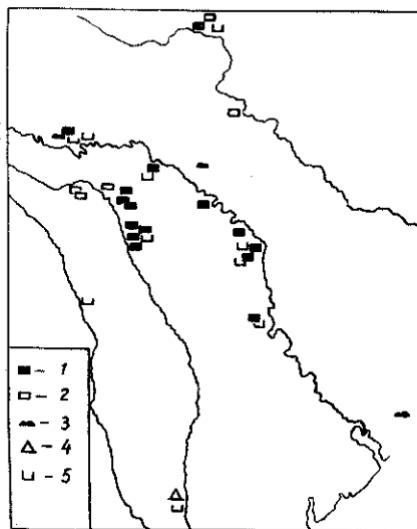

Рис. 4. Территориальное распространение остатков разнотипных жилищ: 1 - площадки; 2 - редуцированные площадки; 3 - наземные дома на каменной основе; 4 - наземные дома пальашевидной конструкции; 5 - углубленные в грунт землянки и полуземлянки

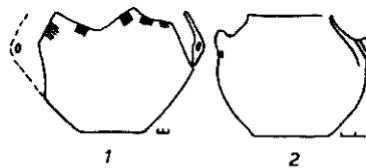
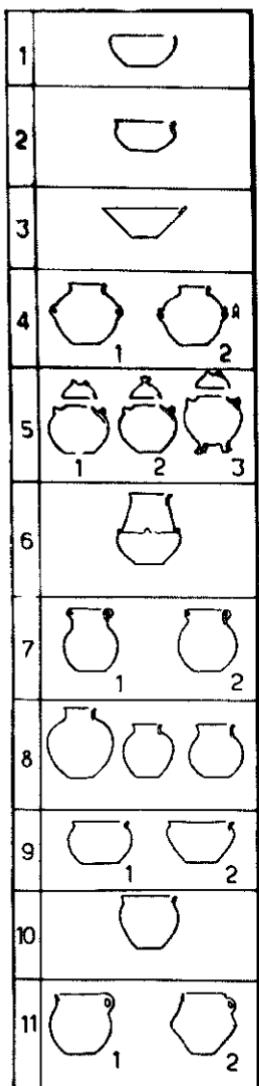
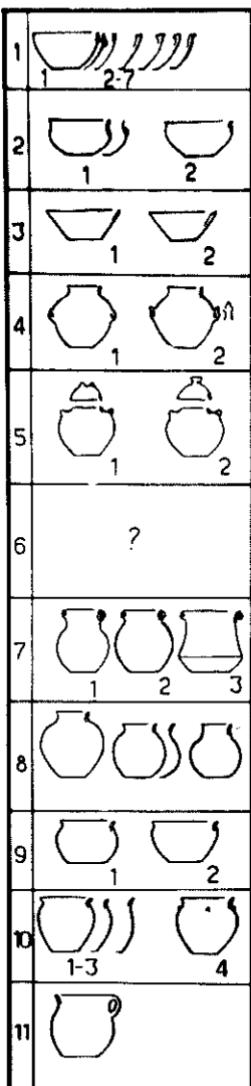

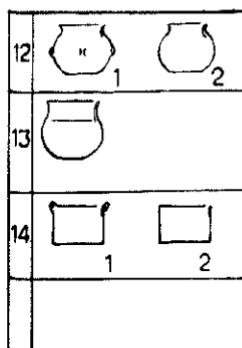
Рис. 5. Позднетрипольские сосуды из курганов: 1 - у с. Костешти; 2 - у с. Бурсучены

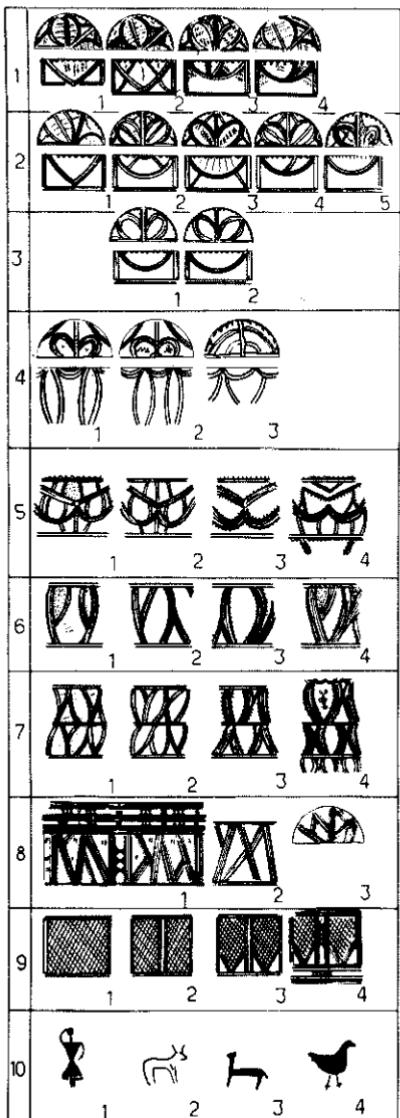
A

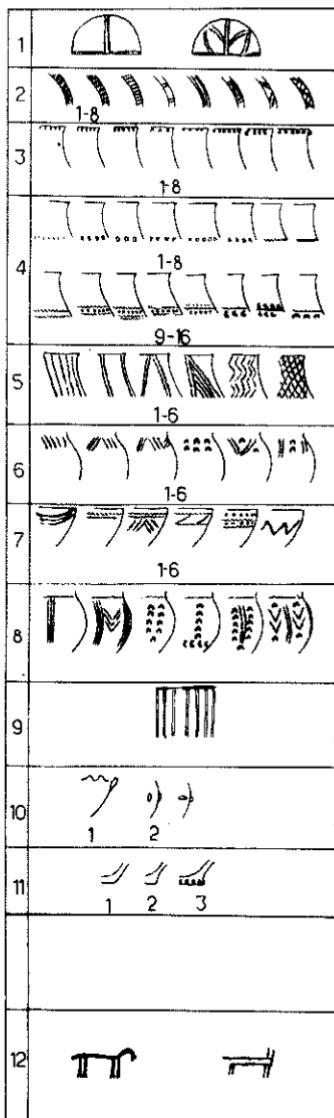
Б

Р и с. 6. Типология форм керамики: А - столовой, Б - кухонной

A

Б

Рис. 7. Типология орнамента керамики: А - столовой, Б - кухонной

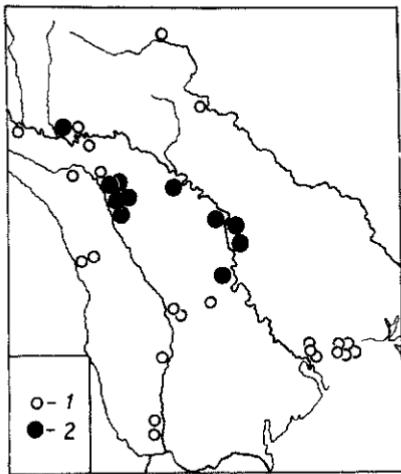
КЕРАМИКА 1-Й КАТЕГОРИИ

КЕРАМИКА 2-Й КАТЕГОРИИ

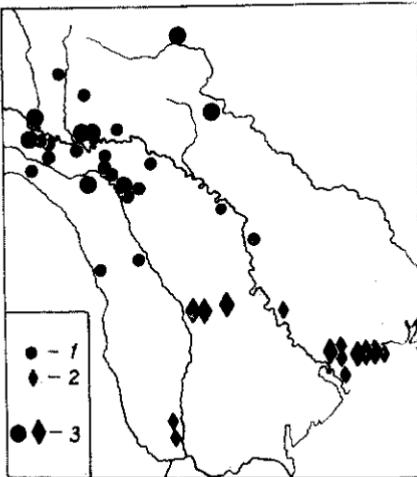
КОД	ТИП	ОРНАМЕНТ		ФОРМЫ	ТИП	ОРНАМЕНТ		КОД
		ВАРИАНТ	ВАРИАНТ			ВАРИАНТ	ВАРИАНТ	
11000	0	6/0				-	6/0	0
110,1(1-2)	1		1				1	
11024(1-4)	2		1-4				1-3	
11030	3				0			
11040	4				0		1-5	
11050	5				1		1-5	
12000		?		0	1		5/0	0
				2	2		14	22(2)(1-4)
13041(1-2)	1		1,2	0	3		?	0
14(1-2)0	0	6/0					6/0	0
1411(1-3)	1		1-3	1			1	24(1-2)
14(1-2)2	2			1			2	24,2(3)14)
14(1-2)3	3		1,2	2			3	24,13(14)
				4			4	2424(12)
15(1-2)0	0	6/0						
1511(1-2)	1		1,2	1			?	0
1513(1-3)	2		1,3	2				25(1-2)0
16000	0	6/0						
160,1(1-3)	1		1-3	0			-	-
				6				
17,1,1(1-2)	1		1,2	1			6/0	0
17,1,2(1-2)	2		1,2	2			12	27,1-2(20)
				7				27,1-2(1),1
								27,3,12

14000	0	6.6			0	24000
14010	1				1	
1402(1-3)	2		1-30		2	1(1-3) 2(1-5) 24(1-5)
1403(1-2)	3		12		3	4(1-3) 5(1-4) 6,1
14040	4				4	
1402100	0	6.6			5	
140210	1				6	
140212	2		1-2		7	29(1-3) 24(1-2)
140230	3				8	29(1-2)
140240	4				9	
140000	0				10	21(1-4)00
140010	1				11	20(1-4)(0-5) 6-40(5)
1401200		?	1/2		12	0
			3		13	21(0-0)
			4		14	21(0)(1-3)
					1/2	1 21(1-2)0
					1/2	0 213000
					1/2	1 2130(14)
					1/2	0 214120
					1/2	1 214110

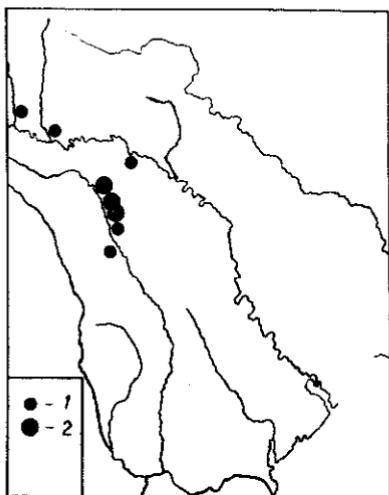
Рис. 8. Типология керамики позднего Триполья Поднестровья, Попутья и Побужья (слева столовая посуда, справа - кухонная)

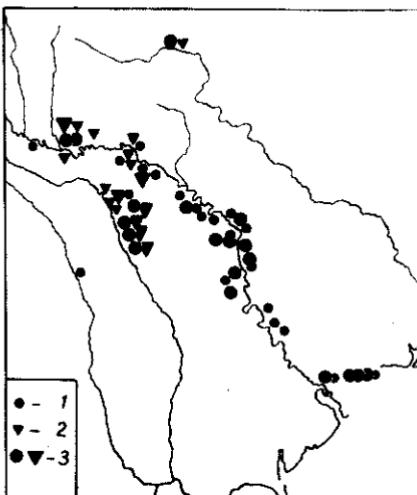
Р и с. 9. Карта распространения памятников с различным содержанием столовой посуды: 1 - до 35%; 2 - 50-70%

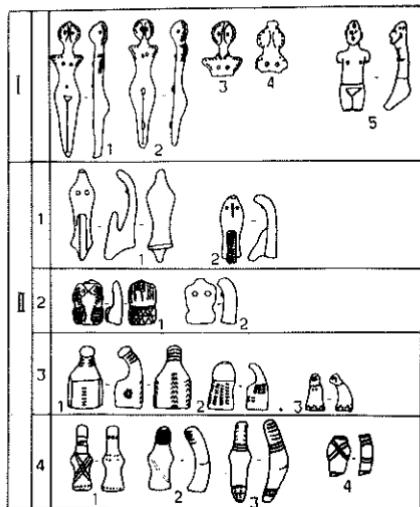
Р и с. 10. Карта распространения разнотипных форм сосудов: 1 - миски с профилированным краем венчика (рис.6,Б, типы 1,4-7); 2 - миски с S-овидным профилем (рис.6,Б, тип 2); 3 - сильное проявление признаков

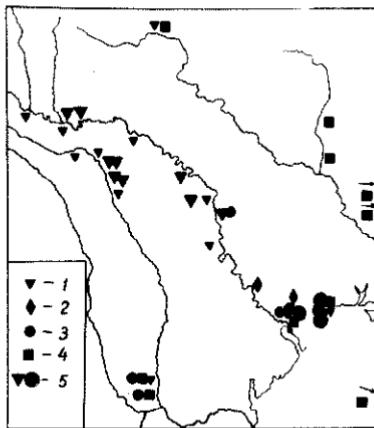
Р и с. II. Карта распространения разнотипных орнаментальных композиций: 1 - метопная композиция (рис.7, А, типы I-3); 2 - композиция из сочетания горизонтальных и вертикальных дуговидных лент (рис.7, тип 4)

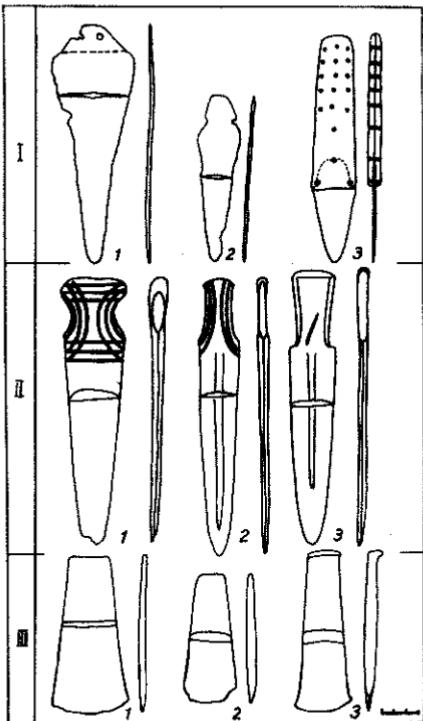
Р и с. 12. Карта распространения антропоморфных мотивов орнамента посуды: 1 - столовой; 3 - кухонной; 2 - сильное проявление признаков

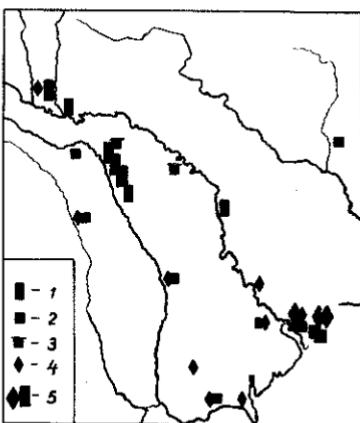
Р и с. 13. Типология антропоморфной пластики: I - реалистические статуэтки; II - схематические статуэтки (II, 1-4; II, 3, 1 - Выхватинский могильник; II, 5 - Брынзены "Лягушка"; II, 1, 1-2 - Красногорка; II, 2, 1 - Стоянки; II, 2, 2 - Фолтешты; II, 3, 2-3; II, 4, 4 - Маяки, поселение; II, 4, 1 - Серезлиевка; II, 4, 2 - Широкое; II, 4, 3 - Ермолаевка

Р и с. 14. Карта распространения разнотипных статуэток:
 I - тип I, 1 (выхватинский);
 2 - тип II, 1; 3 - тип II, 3 (усатовский); 4 - тип II, 4 (серезлиевский); 5 - грушевые находки

Р и с. 15. Специфические типы металлических и костяных изделий:
I - металлические кинжалы усатовского типа; II - костяные кинжалы брынзенского типа; III - металлические долота (I,1 - Усатово, к.м. I/3; I,2 - Усатово, к.м. I/9; I,3 - Огородное; II,1 - Кубань; II,2 - Костешты IV; II,3 - Бильче Золте; III,1 - Усатово, к.м. I/13; III,2 - Усатово, к.м. I/12; III,3 - Брынзены "Цыганка")

Р и с. 16. Карта распространения орудий труда и оружия:
1 - кинжалы брынзенского типа;
2 - топоры-долота с простым обушком;
3 - топоры-долота с пятойкой на обушке;
4 - кинжалы усатовского типа;
5 - групповые находки

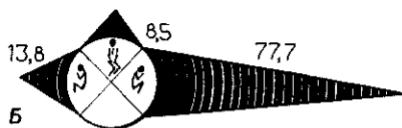
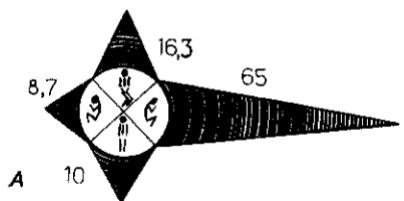

Рис. I7. Положение погребенных и количественное проявление признаков на памятниках:
А - Усатовской, Б - Выхватинской групп

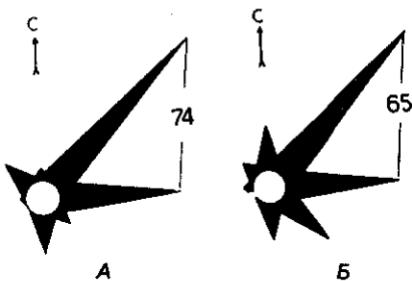
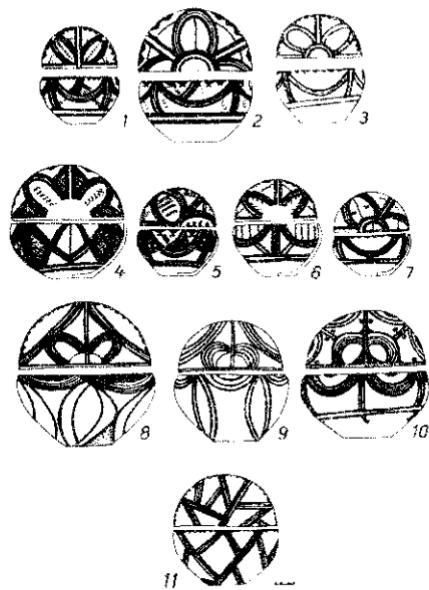

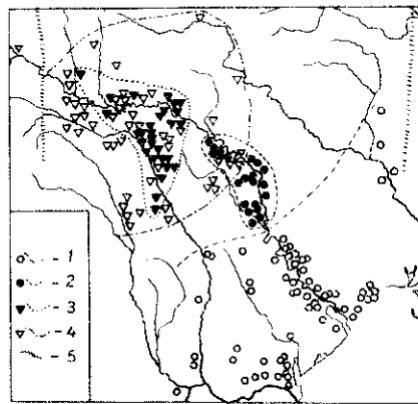
Рис. I8. Ориентировка погребенных и количественное проявление признаков на памятниках: А - Усатовской, Б - Выхватинской групп

KOD	KOD %	ОРНАМЕНТ	ФОРМЫ	ОРНАМЕНТ	KOD %	KOD
11	-30	1 2 3	1 2 3	1 2 3	-3	2,1
12	-1	?	1 2 3	1 2 3	-35	2,2
-	-	-	-	-	-1	2,3
14	-15	1 -	1 -	1 2 3	-15	2,4
15	-25	1 2	1 2 3	1 2 3	-	-
16	-4	1	1 2	1 2 3	-	-
17	-4	1 2	1 2	1 2	-1	2,7
18	-10	1 2 -	1 2 3	1 2 3 4	-10	2,8
19	-8	1 2 3 4	1 2 3 4	1 2 3 4	-10	2,9
20	1	1	1 2 3	1 2 3 4	-15	2,10
21	-	?	1 2 3	1 2 3	-1	2,11
-	-	-	1 2 3	1 2 3	-3	2,12
-	-	-	1 2 3	1 2 3	-5	2,13
-	-	-	1 2 3	1 2 3	-2	2,14
100	1		0-30/70-100%		100	

Рис. 19. Типология керамики памятников Усатовской группы (справа столовая посуда, слева - кухонная)

Р и с. 20. Основные орнаментальные композиции расписи полусферических мисок, характерные для памятников: 1-3 - Усатовской, 4-7 - Выхватинской групп

Р и с. 21. Карта распространения разнотипных групп памятников Поднестровья и Подбужья и их ареали: 1 - памятники Усатовского, 2 - Выхватинского, 3 - Бонзенского, 4 - Гординештского типов; 5 - границы позднетрипольского ареала

КОД	КВО %	ОРНАМЕНТ	ФОРМЫ	ОРНАМЕНТ	КВО %	КОД
		6/6		6/6		
1,1	~40	1 2 3	1	77	~20	2,1
1,2	-1		2	-	-	-
1,3	-1	2	3	6/6	~5	2,3
1,4	~10	1 2 3	4	77	~5	2,4
1,5	~10	1 2	5	6/6	<1	2,5
1,6	~9		6	-	-	-
1,7	<1		7	7	~3	2,7
1,8	>10	1 2	8	7777	~10	2,8
1,9	~5	1 2	9	777	~4	2,9
-			10	77777	~40	2,10
100 %				50-70 % / 30-50 %		100 %

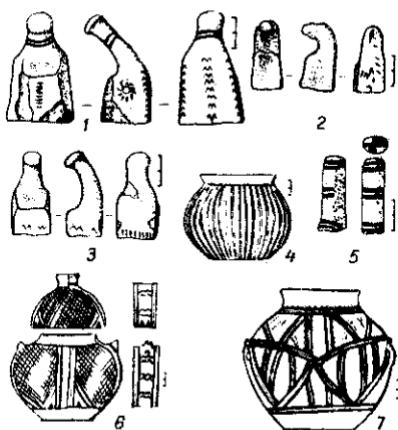
Рис. 22. Типология керамики памятников Выхватинской группы (справа столовая посуда, слева - кухонная)

КОД	К-ВО %	ОРНАМЕНТ	ФОРМЫ	ОРНАМЕНТ	К-ВО %	КОД
1,1	-40	2 50 3 4 50		7 	7 	45 2,1
1,2	< 1			2 		-
1,3	-3			3 	-	-
1,4	-10	1 2 3		1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11		-10 2,4
1,5	-10	1		5 	-	-
1,6	-10	1		6 	-	-
1,7	< 1	1		7 	-	-
1,8	>20	2 3		8 		-10 2,8
1,9	-3	2 3		9 	?	
-				10 		-70 2,10
-				11 		-1 2,11
	100			50-70 % 30-50		100

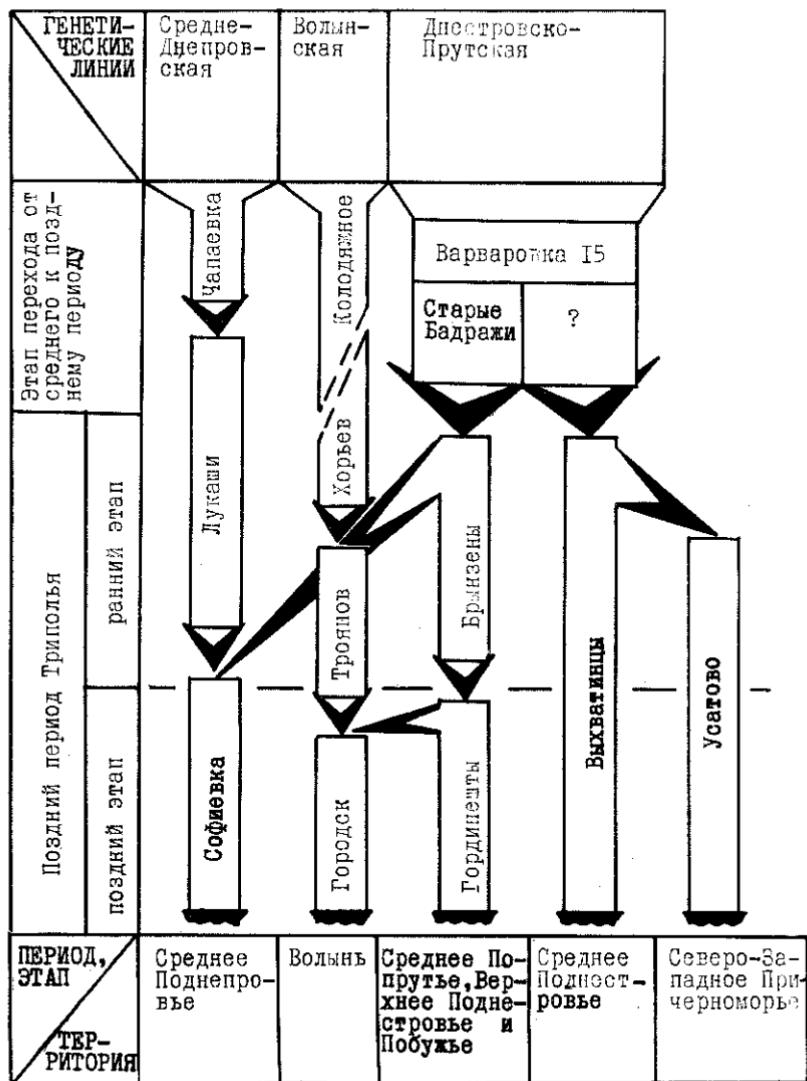
Рис. 23. Типология керамики памятников Брынзенской группы (справа столовая посуда, слева - кухонная)

КОД	К-ВО	ОРНАМЕНТ	ФОРМЫ	ОРНАМЕНТ	К-ВО КОД
11	-3 -40 -90 -40	 	 	 	2,1
-	-	-	 		2,2
-	-	-		/	2,3
14	-20		 	 	-20 2,4
15	-10	 	 	?	-5,2,5
16	<1	?	 	-	--
18	-30	 	 	 	2,8 2,9 -25 2,10
				-30% 70-99%	100%

Р и с. 24. Типология керамики памятников Гординецкой группы (справа - столовая посуда, слева - кухонная)

Р и с. 25. Позднетрипольские взаимные импорты: 1-4 - усатовский импорт на памятниках Выхватинской группы (1-3 - Выхватинский могильник, 4 - Первый Голерканский могильник); 5 - усатовский импорт на поселении Сандраки Гординештской группы; 6 - гординецкий импорт на позднеусатовском могильнике Данчены; 7 - брынзенский (?) импорт на Первом Усатовском курганном могильнике

Р и с. 26. Структура, генетическое, территориальное и хронологическое соотношения памятников позднего Триполья

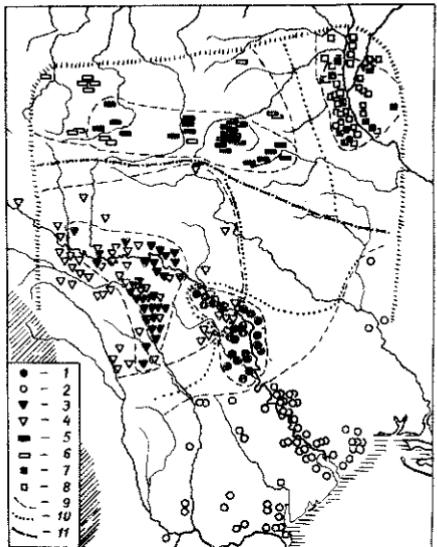

Рис. 27. Разнотипные памятники позднего Триполья и их ареалы.

1 - памятники Выхванинского типа: Косоуцы I (I16, здесь и далее дается номер памятника по свободному списку табл. I), с-з им. Мичурин I (I17), Трифауцы II (I19), Слободзея-Воронково (I20), Подойма (I26), Рапиков (I27), Екатериновка (I28), Солончены (I29 а, I29 б), Шолданешты ТБ3 (I30), Олишканы (I31 а, I31 б), Степь-Сочь (I41), Мана (I42), Фурчены (I43), Бранешты (I44), Гидишим (I45), Выхваницы (I46 а, I46 в), Голерканы (I47 а), Машкауцы (I48), Галошица (I49);

2 - памятники Усатовского типа: Рышешты (47), Фолтешты (48), Стоиканы (49), Брэйлица (50), Данчены (56), Данку (57 а, 57 б), Гура Галбена (58), Екатериновка (59), Суворово (62), Утконосовка (63), Сарата (67), Баштановка (68), Борисовка (69), Глубокое (70), Нерушай (71), Приморское (72), Кислицкое (73), Буторы (I57), Красногорка (I58), Плоское (I59), Парканы (I60), Тарновка (I61), Тирасполь (I62), Суклея (I63), Гура Быкулуй (I64), Слободзея (I66), Граденицы (I67), Раскашы (I68 а, I68 б), Олонешты (I69), Тудорово (I70 а, I70 б), Паланка (I71 а, I71 б), Семеновка (I72), Маблат (I73), Ясски (I74), Маяки (I75 а - I75 в), Николаевка (I76), Ефимовка (I77), Каролина-Бугаз (I78), Усатово (I80 а - I80 д), Ильинка (I81), Слободка Романовка (I82), Ермоловка (I90), ур. "Кременчук" (I94), ур. "Гард" (I95);

3 - памятники Брынзенского типа: Старые Куканешты (6а, 8б), Тецканы юж. (12), Богданешты IX (13), Брынзены (I7а-I7д), Корлач II (27а), Кетрошика (22), Друцы (23), Варатик (24а, 24б), Костешты II, Костешты IV (26а, 26б), Кубань (27), Бэлтены (36), Богонос (41), Бильче-Злote (86), Дарабаны II (89), Жванец (90а), Китай-город (95), Воложкове (106а, 106б), Мерешовка (108), Волчинец (109), Березовские хутора (III), Могилев-Подольская ГСС (I12 а, I12 б), Бернашовка (I13);

4 - памятники Гординештского типа: Костенци I, Товтры (2), Валыча (3), Черновцы (4), Черленникова (5), Котельни IV (6), Переяты (II), Гординешты (I6 а, I5 б), Русини (16), Костешты-курган (26 в), Хородиште (30), Кристинешты I, Кристинешты II (31 а, 31 б), Штефанешты (34), Лэтэй Кымпень (35), Кукутены (37), Хэбэшешты (38), Ербичены (39 а, 39 б), Кириничены I, Кириничены II (42 а, 42 б), Голиешты (45), Бовшын (79), Кошиловиц-Товадри (80), Касперовцы (81), Звеничин (82), Репужницы (83), Митков (84), Переображенцы (85), Гусятин (87), Малые Бирмени (88), Дарабаны II (89), Жванец "Лысая гора" (90 б), Сокол (91), Чивиловичи (92), Бобшин (93), Патриции (94), Бтроков (99), Поливанов Яр (102), Мерешовка (108), Стина (I15), Вертужани Iу (I21), Бурсуки (I23), Сокол (I24), Вала Альянка (I25), Александрены (I36), Пелены (I38), Миндрешты (I40), Сандраки (I86), Печора (I87);

5 - памятники Троицкого типа: Курганы Дубове (222 а), Шельцов (224), Клубивка (225), Ольшаница (227), Нижние Волковцы (229), Деревичи (239), Ново-Мирополь (245), Колодяжное (247), Войцеховка (248), Писки (267), Троицк (268), Слободище (269 г, 269 д), Швайковка (270 а, 270 в), Райки (272), Скраглиевка (275 а, 275 б), Быстрик (276), Жежелево (279), Паволоч (286), Коробчеев (287), Ягнитин (288), (Ружин (290), Белиловка (291);

6 - памятники Городского типа: Голышев (213), Морнов (215), Мирогоща (216), Костянцы (217), Листвин (218), Волковцы (228), Лозы (231 а, 231 б), Ново-Чарторый (250 а, 250 б), ур. "Моства" (260), Городок (263 а, 263 б), Зорокив (264);

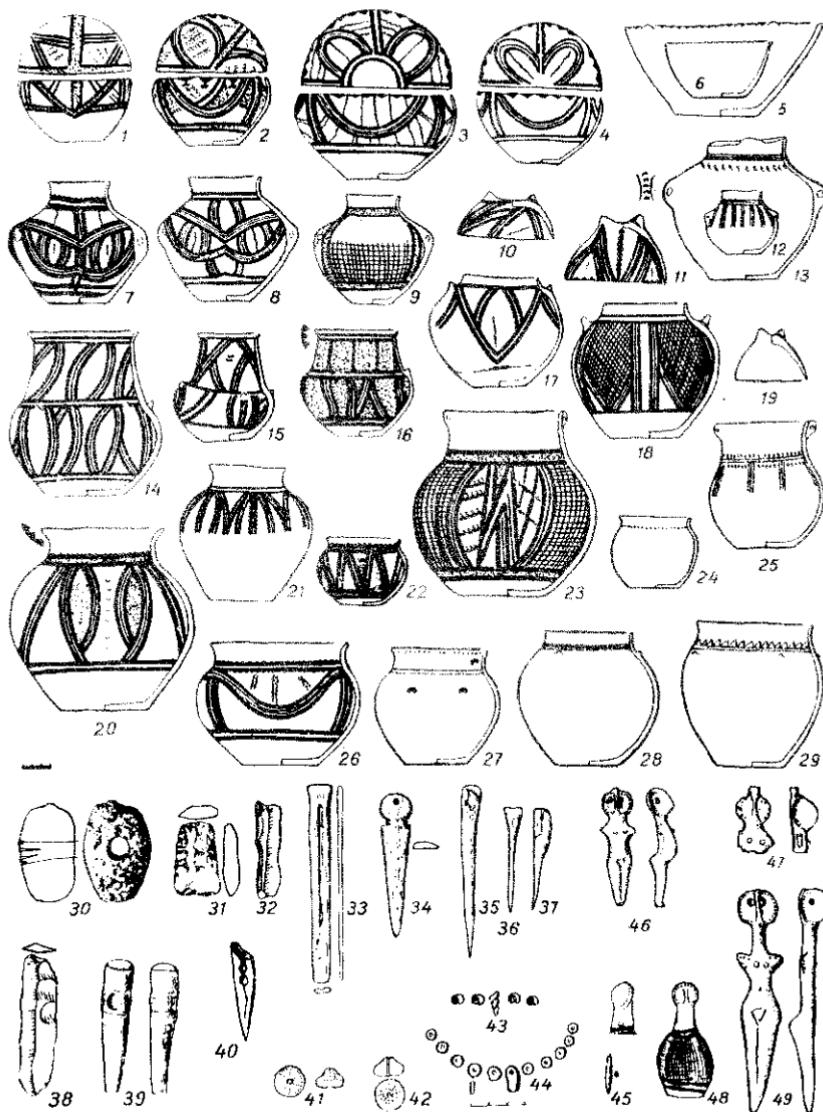
7 - памятники Лукашевского типа: Казаровичи II (297 б), Демилов II (298 б), Киев, Львовская пл. (300 д), Лесники (304 а, 304 б), Подгорцы I, Подгорцы II (306 б, 306 в), Еменика I, Еменика II (316 а, 316 б), Дроцев (321), Софиевка (322 а), Лукавиши (323);

8 - памятники Софиевского типа: Домантово (295), Пильява (296), Казаровичи I (297 а), Демилов (298 а), Новые Петровцы (299), Киев-Сырец I - Киев-Сырец III (300 а - 300 в), Киев, Кирилловские землянки (300 г), Киев, Выдубичи (300 е), Киев, Киселевка, (300 ж), Киев, Литинка (300 з), Чапаевка (302 а, 302 б), Миргово (303), Ходосовка (305), Подгорцы I (306 а), Новые Беззрадичи (307), Ощитки (310), Новоселки (311), Черниг (312), Заваловка (313), Волынь гора (314), Самсоны (315) Пуховка (317), Зазимье (318 а - 318 г), Красный хутор (319), Бортничи (320 а), Софиевка (322 а);

9 - границы локальных вариантов;

10 - границы региональных вариантов;

II - границы зональных вариантов.

Р и с. 28. Материалы, характерные для памятников Выхватинского типа: 1-4, 7-11, 14-18, 20-23, 26 - расписная столовая керамика; 5, 6, 12, 13, 19, 24, 25, 27-29 - керамика из массы с различными примесями; 30-42, 45 - орудия труда и оружие (20 - камень, 31, 32, 38 - кремень, 33-37, 39, 40 - кость, 45 - металл); 41, 42 - глина); 43, 44 - украшения (43 - ракушка, 44 - кость 46-49 - предметы культа глины).

1-20, 22-49 - Выхватинский могильник, 21 - с-з им. Мичури

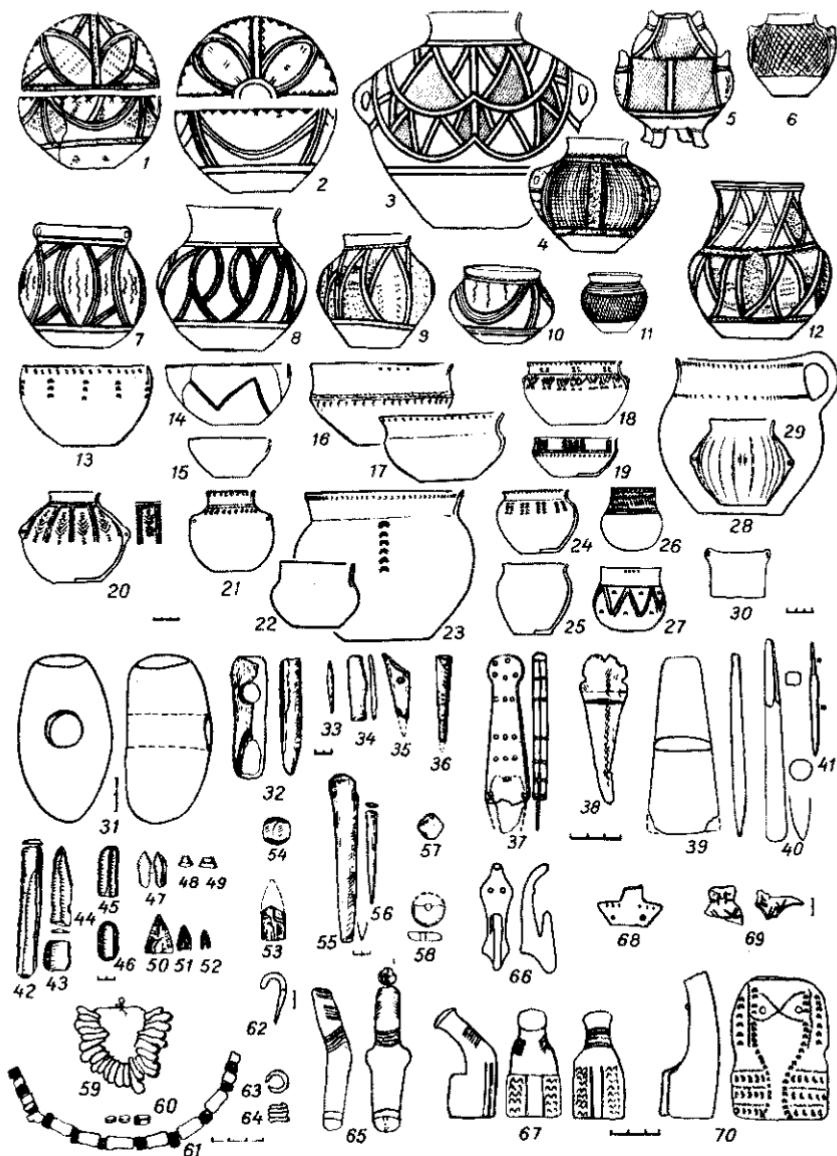

Рис. 29. Материалы, характерные для памятников Усатовского типа:
1-12 - расписная столовая керамика; 13-30 - керамика из массы с различными примесями; 31-48 - орудия труда и оружие (31 - камень, 32-36, 55, 56 - кость, 37-41 - металл, 42-54 - кремень, 57, 58 - глина); 59-64 - украшения (59, 61, 62 - кость, 60, 63, 64 - металл); 65-70 - предметы культа (глина).

1, 33, 42-47, 51-53, 57, 58, 67-69 - Усатово, поселение; 2, 3, 8, 9, 21-23, 28, 29, 39-41, 48, 60, 61, 63, 64 - Усатово, Первый курганный могильник; 4 - Паланка; 5 - Паркы; 6, 17, 18 - Даичены, 7, 54, 59 -

Усатово, Второй курганный могильник; 10 - Тираспольшина (?); II - Терновка; 12 - Нижнее Поднестровье (?); 13 - 14, 16, 26, 27, 30 - Усатово, Второй грунтовый могильник; 15, 30 - Данку II; 19, 24, 25, 38 - Данку I; 31, 65 - Ермоловка; 32, 34, 36, 49, 50 - Малки, поселение; 37 - Нерушай; 55, 56 - Фолтешты; 62 - Болград; 66 - Красногорка; 70 - Стоянка

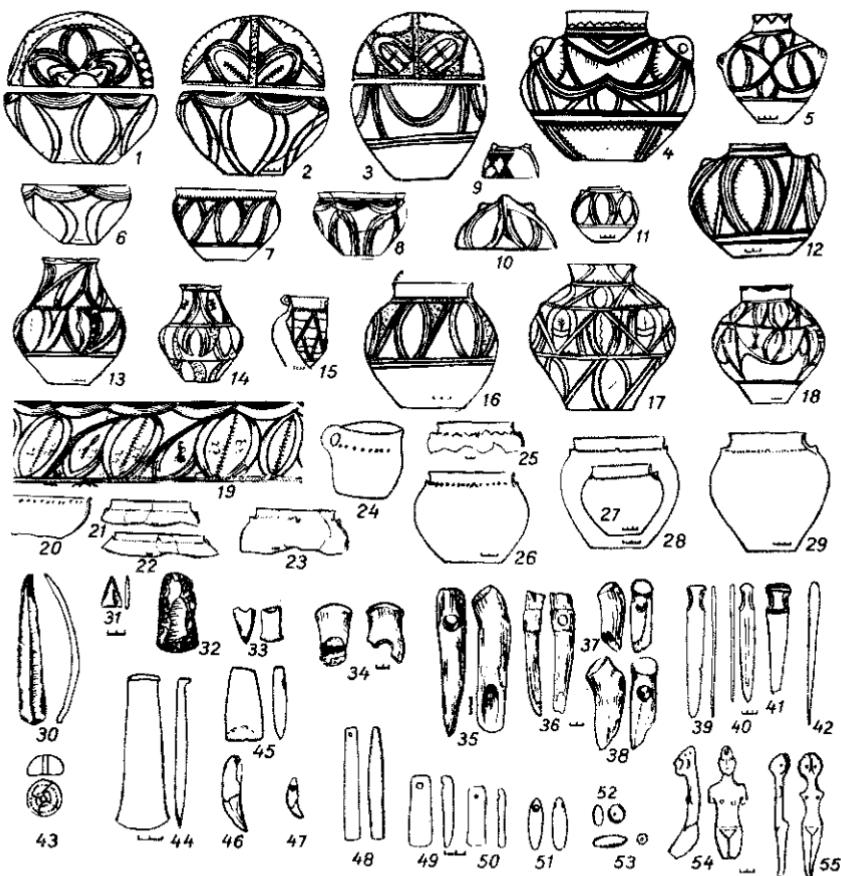
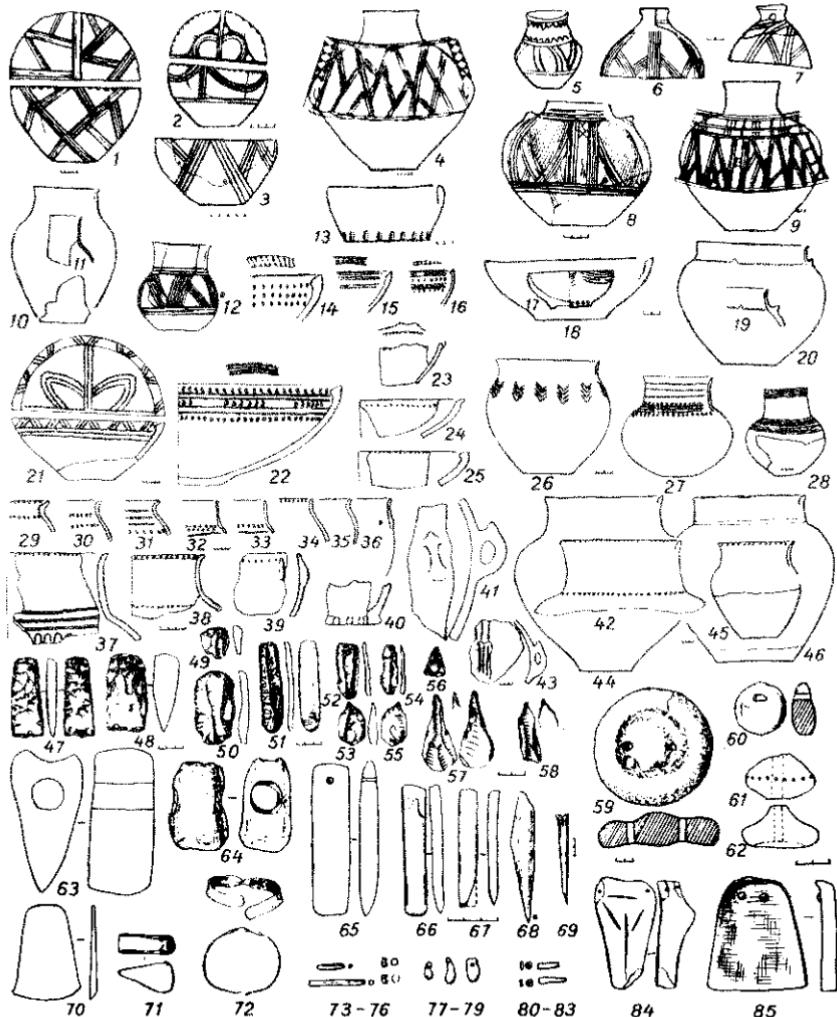

Рис. 30. Материалы, характерные для памятников Брынзенского типа. 1-19 - расписная столовая керамика; 20-29 - керамика из массы с различными примесями; 30-45 - орудия труда и оружие (30-32 - кремень, 33-34 - камень, 35-42 - кость, 43 - глина, 44 - металл); 46-54 - украшения (46-47, 51 - кость, 48-52, 54 - камень, 53 - глина); 55-56 - предметы культа (глина).

1, 3, 4, 8, 9, 11, 12, 16, 18-23, 26, 28, 30-34, 36-39, 43-45, 54, 55 - Брынзен - Цыганка; 2, 5, 13, 15, 17, 25, 29, 35, 40, 42, 48-53 - Костешты II; 6, 7, 10, 24 - Жванец "Шовб"; 14, 27 - Кетрошика; 41 - Кубань

Р и с. 31. Материалы, характерные для памятников Гординештского типа: 1-12 - расписная столовая керамика; 13-46 - керамика из массы с различными примесями; 47-70 - орудия труда и оружие (47-58 - кремень, 59-62 - глина, 63,65 - камень, 64,66-69 - кость, 70 - металл); 77-83 - украшения (71-76 - металл, 77-79 - кость, 80-83 - ракушка); 84,85 - предметы культа (глина).

1,2,12,16,36,41,45,61,62,65,85 - Сандраки; 3,66,69,84 - Бурсуки; 4,7,9-11,23-25,37-40,42,44,46,47-55,59,60,64 - Гординешти; 5,19,20,26,28,56-58,71-83 - Цвиикови; 6 - Вертужаны IV; 13, 14,18,21,22,29-35,63,67,68 - Звениччин; 15 - Митков; 17,70 - Хородиште; 27 - Бобшив; 43 - Стина

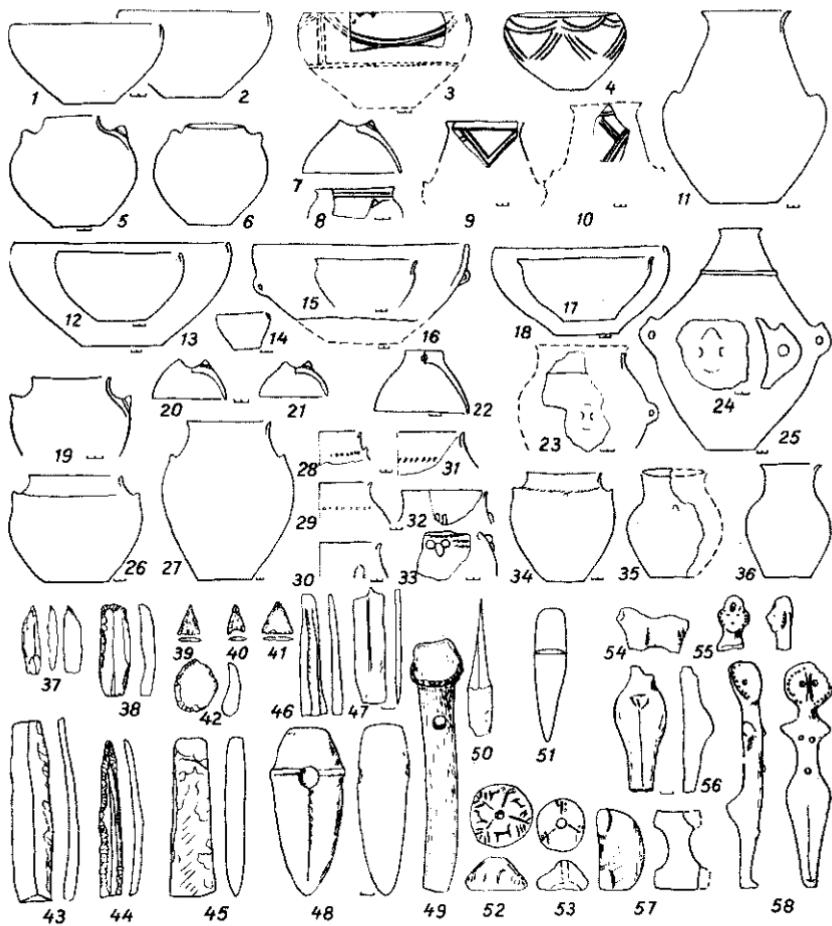
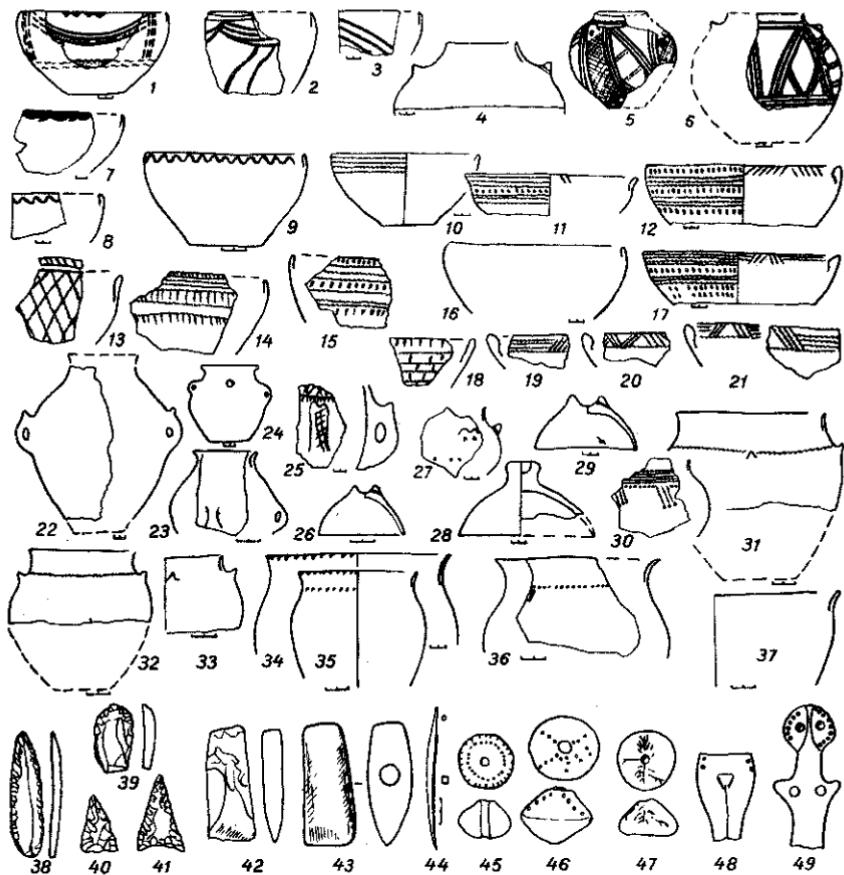

Рис. 32. Материалы, характерные для памятников Трояновского типа: 1-II - расписная столовая керамика; I2-36 - керамика из мас-сы с примесями; 37-53 - орудия труда и оружие (37-45 - кремень, 46-47, 49-50 - кость, 48 - камень, 51 - металл, 52, 53 - глина); 54-58 - предметы культа (глина).

I-3, 5, 8, 9, II-16, 20, 22, 23, 25-28, 30, 34, 38, 39, 42, 44, 50, 51, 53, 54, 58 - Троянов; 4, 35 - Райки; 6(?), 19, 47 - Игнатин; 7, 10, 17, 18, 31-33, 36, 37, 41, 46, 52, 55, 57 - Наволоч; 21 - Ольшаница; 24, 29, 40, 43, 45, 48 - Слободище; 49 - Белиловка

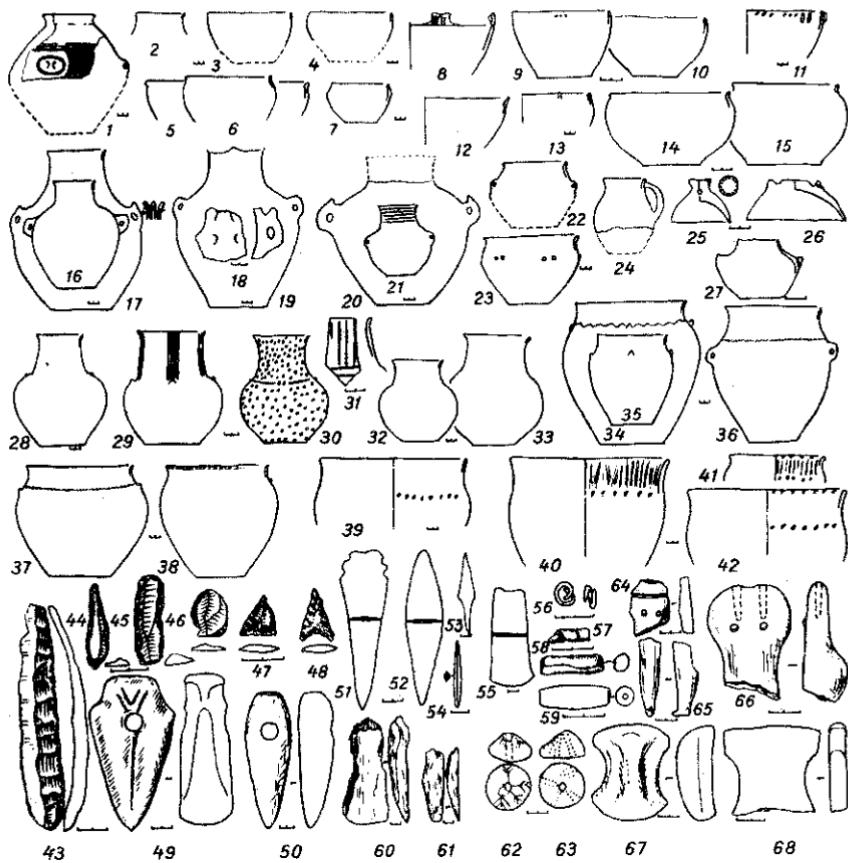
Р и с. 33. Материалы, характерные для памятников Городского типа: 1-6 - расписанная столовая керамика; 7-9 - расписанная, 10-37 - нерасписанная керамика из массы с различными примесями; 38-47 - орудия труда и оружие (38-42 - кремень, 43 - камень, 44 - металл, 45-47 - глина); 48-49 - предметы культа (глина).

1-3, 5-9, 13-15, 18, 21, 24, 25, 29, 38-44, 46-49 - Городск; 4, 10-12, 16, 17, 22, 26-28, 30-35 - Ново-Чарторый; 23, 36-37, 45 - Лозн.

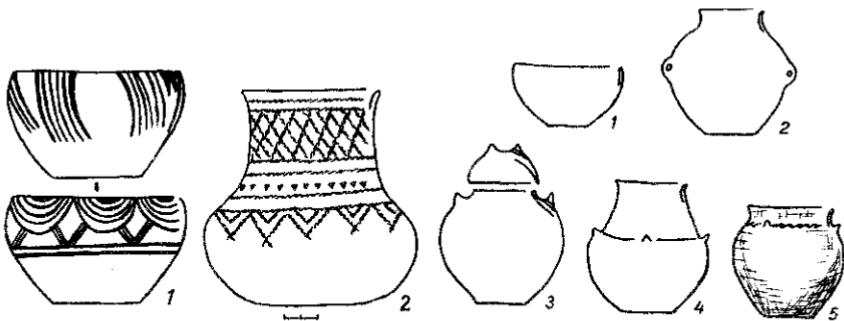
Рис. 34. Материалы, характерные для памятников Лукашевского типа: I-II - расписная столовая керамика; I2-34 - керамика из массы с различными примесями; 35-51 - орудия труда и оружие (35-43 - кремень, 44-50 - кость, 51 - глина); 52,53 - украшения (кость); 54-57 - предметы культа (глина).

I, 5-7, II-14, 18, 30-31, 33-35, 37, 39-53, 55 - Евминка I; 2, 3, 8-9, 15, 24, 32, 56 - Подгорцы II; 4, 10, 16, 17, 20, 22, 23, 26-29, 36, 38, 57 - Софьевка, поселение; 19 - Лески; 21 - Лукаши; 25, 54 - Процев

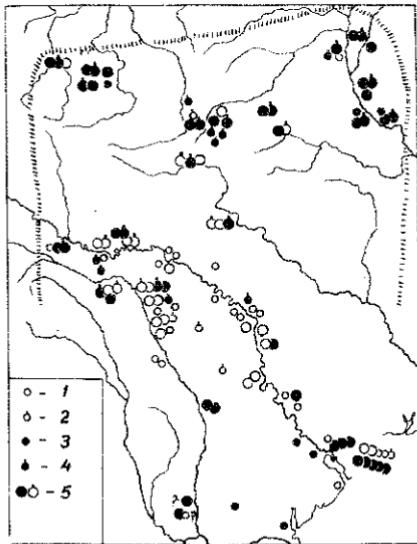
Р и с. 35. Материалы, характерные для памятников Софиевского типа: 1-2 - расписная столовая керамика; 3-20, 22-28, 32-42 - нерасписная и 21, 29-31 - расписная керамика из массы с различными примесями; 43-55, 60-63 - орудия труда и оружие (43-48 - камень, 49, 50 - камень, 51-55 - металл, 60, 61 - кость, 62, 63 - глина); 56-59 - украшения (56-58 - металл, 59 - янтарь); 64-69 - предметы культа (глина).

1-2, 4, 22, 41, 63-65 - Бортнич; 3, 31 - Пирогово; 5, 6, 66 - Сирец I; 7, 13, 18, 62 - Подгорцы I; 8, 11, 12, 17, 23-24, 29, 40, 42, 60, 61, 67 - Казаровичи; 9, 15, 20, 21, 25-30, 43, 48-50, 52-59 - Софиевский могильник; 10, 14, 19, 33 - Черниговский могильник; 16, 32, 34-36, 51 - Краснохуторский могильник; 37 - Чапаевка, погребение; 44-47, 68 - Заваловский могильник

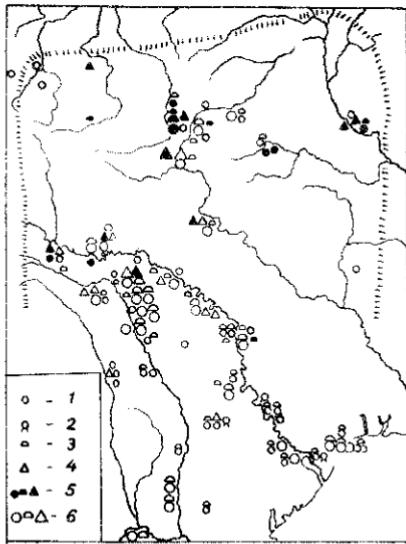

Р и с. 36. Взаимные импорты: 1 - Днестровско-прутский на поселении лукашевского типа у.с. Процев, 2 - гординештский или городской на поселении софиевского типа у.с. Казаровичи

Р и с. 37. Формы сосудов общепозднетрипольского горизонта ("чистые типы"): 1-4 - сосуды из массы без видимых примесей; 5 - сосуд из массы с различными примесями

Р и с. 38. Карта распространения амфор с двумя ручками на тулове (рис.37, тип 2) и их вариантов: 1 - амфоры с двумя простыми ручками ("чистый тип"); 2 - с профилированными ручками из массы первой категории; 3 - с простыми ручками из массы второй категории; 4 - с профилированными ручками из массы второй категории; 5 - групповые находки

Р и с. 39. Карта распространения шаровидных амфор с крышками (рис.37, тип 3) и их вариантов: 1 - амфоры ("чистый тип"); 2 - амфоры на четырех ножках; 3 - полусферические крышки; 4 - конические крышки; 5 - одиночные и групповые находки сосудов из массы первой категории; 6 - одиночные и групповые находки сосудов из массы с различными примесями

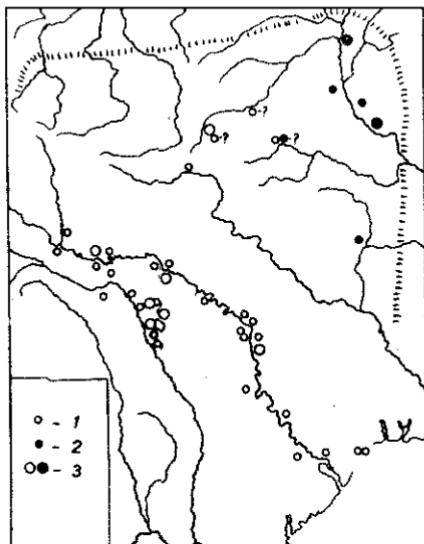

Рис. 40. Карта распространения сосудов с высокой усеченно-конической горловиной (рис. 37, тип 4) и их вариантов: 1 - сосуды, "чистый тип"; 2 - сосуды из массы с различными примесями; 3 - групповые находки

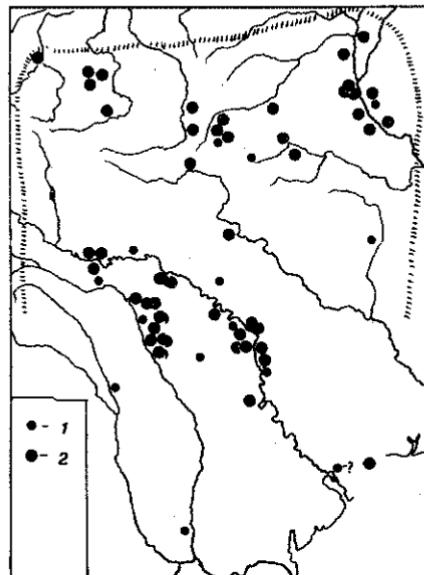

Рис. 41. Карта распространения сосудов баночного форм с тремя-четырьмя бугорками-налепами по основанию горловины (рис. 37, тип 5): 1 - одиночные находки; 2 - групповые находки

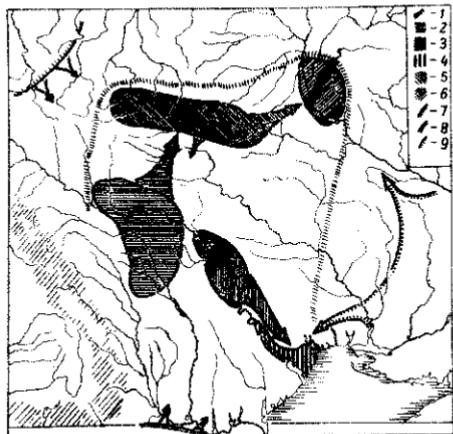

Рис. 42. Карта расселения позднетрипольских племен на начальном этапе позднего периода трипольской культуры: 1 - граница позднетрипольского ареала; 2 - территория брызенских, 3 - выхватинских, 4 - усатовских, 5 - трохновских, 6 - лукашевских племен; 7 - юго-западная граница расселения племен ямной культуры; 8 - северная граница расселения племен культуры Чернавода; 9 - юго-восточная граница племен культуры воронковидных сосудов

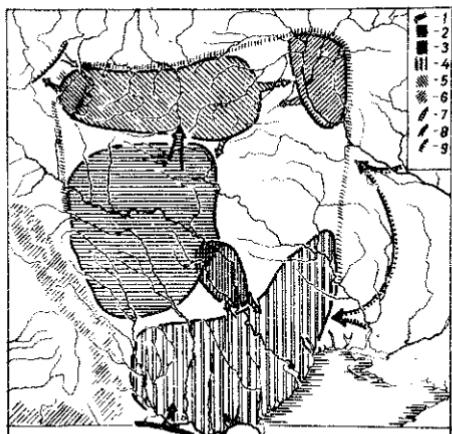

Рис. 43. Карта расселения позднетрипольских племен на финальном этапе позднего периода трипольской культуры: 1 - границы позднетрипольского ареала; 2 - территория гординецких, 3 - выхватинских, 4 - усатовских, 5 - городских, 6 - софиевских племен; 7 - юго-западная граница расселения племен ямной культуры; 8 - северная граница расселения племен культуры Чернавода; 9 - юго-восточная граница расселения племен культур воронковидных и шаровидных сосудов

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ.	6
Содержание понятия "позднее Триполье"	6
Три периода в изучении памятников позднего Триполья	9
Состояние проблемы на современном этапе	15
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	19
ИСТОЧНИКИ	25
Степень изученности территории	25
Местонахождения позднетрипольских материалов	26
ПАМЯТНИКИ ПОПРУТЬЯ, ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПОБУЖЬЯ	50
Классификация материалов	50
Классификация памятников	66
Систематизация памятников (генетическое, территориальное и хронологическое соотношение)	74
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ	94
Структура и компонентный состав	94
Позднее Триполье Попрутъя, Поднестровья и Побужья	97
Позднее Триполье Среднего Поднестровья и Причерноморья	97
Позднее Триполье Среднего и Верхнего Попрутъя, Верхнего Поднестровья и Побужья	III
Позднее Триполье Волыни	I23
Позднее Триполье Среднего Поднепровья	I33
Относительная самостоятельность и своеобразие структур позднего Триполья	I42
Этапы в развитии позднего Триполья	I44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	I46
ЛИТЕРАТУРА	I55
Список сокращений	I72
Приложение	I74

Валентин Анисимович Дергачев

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЯ
(Слых систематизации)

Утверждено к изданию Редакционно-издательским
советом АН Молдавской ССР

ИБ № 1025

Редактор Г.К.Комарова

Художественный редактор В.М.Шишко

Художник Т.К.Кирина

Технический редактор Ю.К.Карауш

Корректоры Л.Ф.Бохонко, Н.В.Казак

Оператор-наборщик В.И.Горбатий

Подписано в печать 10.II.80. АБ С0447. Формат 60x90 I/16. Бума-
га офсетная № 1. Печать ротапринтная. Усл.печ.л. 13,0 + 0,27 вкл.
Уч.-изд.л. 12,43+0,26 вкл. Тираж 855. Заказ 523. Цена 1 р. 80 к.
Издательство "Штиинца", 277028, Кишинев, ул.Академическая 3.

Типография издательства "Штиинца", 277004, Кишинев, ул.Берзарина, 8.

ВЫХОДЯТ В СВЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "ШТИИНЦА"
В 1981 г.

И. И. Ройзман. Народнохозяйственная и хозрасчетная
эффективность производства. На русском языке. 15 л.
Ориентировочная цена 2 р. 40 к.

Совершенствование хозрасчетных методов управления производством. На русском языке. 15 л. Ориентировочная цена 2 р. 40 к.

Ю. М. Садовников. Методика внутризаводского
технико-экономического планирования. На русском языке.
10 л. Ориентировочная цена 1 р. 60 к.

Заказы просим направлять по одному из
адресов:

277001, г.Кишинев, ул.Пирогова, 28,
АКАДЕМКНИГА

277041, г.Кишинев, ул. Мунчештская,
173, база Молдкниготорга (отдел местных изданий)